

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1903.

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

ИНТЕРЕСНЫЕ МУЖЧИНЫ.

«Нѣтъ ничего увлекательнѣе
порыва горячаго чувства».

Версѣ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ дружественномъ мнѣ домѣ съ нетерпѣніемъ ожидали полученія февральской книги московскаго журнала «Мысль». Нетерпѣніе это понятно, потому что долженъ былъ появиться новый рассказъ графа Льва Николаевича Толстого.—Я заходилъ къ моимъ друзьямъ почаще, чтобы встрѣтить ожидаемое произведеніе нашего великаго художника и прочитать его вмѣстѣ съ добрыми людьми за ихъ круглымъ столомъ и у ихъ тихой, домашней лампы. Подобно мнѣ, заходили и другіе изъ короткихъ друзей—все съ одною и тою же самою цѣлью. И вотъ желанная книжка пришла, но рассказа Толстого въ ней не было: маленькій розовый билетикъ объяснялъ, что рассказъ не можетъ быть напечатанъ. Всѣ огорчились и всякъ это выразилъ соотвѣтственно своему характеру и темпераменту: кто молча надулся и насунился, кто заговорилъ въ раздражительномъ тонѣ, иные проводили параллели между воспоминаемымъ прошедшимъ, переживаемымъ настоящимъ и воображаемымъ будущимъ. А я въ это время молча перелистывалъ книгу и пробѣгалъ напечатанный тутъ новый очеркъ Глѣба Ивановича Успенскаго,—одного изъ немногихъ литературныхъ собратій нашихъ, который не разрываетъ связей съ жизненной правдою, не лжетъ и не притворствуется ради угоду чистота такъ-называемымъ направленіямъ. Отъ этого бе-

сѣдовать съ нимъ всегда пріятно и очень перѣдко—даже полезно.

На этотъ разъ г. Успенскій писалъ о своей встрѣчѣ и разговорѣ съ пожилою дамою, которая припомнала передъ нимъ недавнее прошлое и замѣчала, что тогда мужчины были *интересныѣ*. Съ виду они были очень форменны, ходили въ узкихъ мундирахъ, а между тѣмъ имѣли много одушевленія, сердечнаго жара, благородства и занимательности,—словомъ, того, что дѣлаетъ человѣка *интереснымъ* и черезъ что онъ нравится. Нынче, по замѣчанію дамы, этого стало меньше, да порою и совѣмъ не встрѣчается. По профессіямъ мужчины теперь стали свободнѣе и одѣваются какъ хотятъ и разныя большія идеи имѣютъ, а при всемъ томъ они стереотипны, они скучны и неинтересны.

Замѣчанія пожилой дамы мнѣ показались очень вѣрными, и я предложилъ оставить тщетныя кручины о томъ, чего читать не можемъ, и прочесть то, что предлагаетъ г. Успенскій. Предложеніе мое было принято, и рассказъ г. Успенскаго всѣмъ показался справедливымъ. Пошли воспоминанія и сравненія. Нашлось нѣсколько человѣкъ, знавшихъ лично недавно скончавшагося грузнаго генерала Ростислава Андреевича Ѳадеева; стали припоминать, сколько необыкновеннаго, живаго интереса умѣлъ онъ являть своею особою, которая съ виду была такъ мѣшковата и ничего будто не обѣщала. Вспомнили, какъ онъ даже подъ старость легко бывало овладѣвалъ вниманіемъ самыхъ умныхъ и милыхъ женщинъ, и ни одному изъ молодыхъ и двѣтущихъ здоровьемъ щеголей никогда не удавалось взять передъ нимъ первенство.

— Эко вы вещь какую указали!—отозвался на мои слова собесѣдникъ, который былъ всѣхъ въ компаніи постарше и отличался наблюдательностію.—Велико ли дѣло такому умному человѣку, какъ былъ покойный Ѳадеевъ, заполонить себѣ вниманіе *умной* женщины! Умнымъ женщинамъ, батюшка, жутко. Ихъ, во-первыхъ, на свѣтѣ очень немного, а во-вторыхъ—какъ онѣ больше другихъ понимаютъ, то онѣ больше и страдаютъ, и рады встрѣчѣ съ настоящимъ умнымъ человѣкомъ. Тутъ *simile simili curatur* или *gaudet*—не знаю, какъ лучше сказать: «подобное подобному радуется». Нѣтъ, и вы, и дама, съ которою бесѣдовалъ

панш пріятный писатель, берете очень свысока: вы выставляете людей отличныхъ дарованій, а по-моему болѣе замѣчательно, что и гораздо пониже, въ сферахъ самыхъ обыкновенныхъ, гдѣ, кажется, ничего особеннаго ожидать было невозможно, являлись живыя и привлекательныя личности, или, какъ ихъ называли, «интересные мужчинки». И дамы, ими занятыя, тоже были не изъ такихъ избранницъ, которыя способны «преклоняться» передъ умомъ и талантомъ, а тоже, бывало, и такія, въ своемъ родѣ, особы средней руки — очень бывали нѣжны и чувствительны. Какъ въ глубокихъ водахъ была въ нихъ своя скрытая теплота. Вотъ эти-то средніе люди, по-моему, еще чуднѣе, чѣмъ тѣ, которые подходили къ типу лермонтовскихъ героевъ, въ которыхъ, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь нельзя же было не влюбляться.

— А вы знаете какой-нибудь примѣръ такого рода интересныхъ среднихъ людей съ скрытою теплотою глубокихъ водъ?

— Да, знаю.

— Такъ вотъ и рассказывайте, и пусть это будетъ намъ хоть какимъ-нибудь возмѣщеніемъ за то, что мы лишены удовольствія читать Толстого.

— Ну, «возмѣщеніемъ» мой рассказъ не будетъ, а для времяпровожденія я вамъ расскажу одну старую исторійку изъ самага невеликаго армейско-дворянскаго быта.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Я служилъ въ кавалеріи. Стояли мы въ Т. губерши, расположившись по разнымъ деревнямъ, но полковой командиръ и штабъ, разумѣется, находились въ губернскомъ городѣ. Городокъ и тогда былъ веселый, чистенькій, просторный и съ учрежденіями, — былъ въ немъ театръ, клубъ дворянскій и большая, довольно нелѣпая, впрочемъ, гостиница, которую мы завоевали и взяли въ свое владѣніе почти ббльшую половину ея номеровъ. Одни занимали офицеры, которые имѣли постоянное пребываніе въ городѣ, а другіе номера содержались для временно прибывающихъ изъ деревенскихъ стоянокъ, и эти никому изъ постороннихъ людей не передавались, а такъ и шли все «подъ офицеровъ». Одни съѣзжаютъ, а другіе на ихъ мѣсто пріѣзжаютъ, — такъ и назывались «офицерскими».

Времяпровожденіе было, разумѣется,—картежъ и поклоненіе Бахусу, а также и богинѣ радостей сердечныхъ.

Игра велась порою очень большая,—особенно зимою и во время выборовъ. Играли не въ клубѣ, а у себя въ «номеркахъ»—чтобы свободнѣе, безъ шюткуковъ и нараснашку,—и зачастую проводили за этимъ занятіемъ дни и ночи. Пустѣ и безчиннѣе время, кажется, и проводить нельзя было, и отсюда вы сами вѣрно можете заключить, что мы за народъ были о ту пору и какими главнымъ образомъ мы одушевлялись идеями. Читали мало, писали еще того менѣе,—и то развѣ послѣ сильного проигрыша, когда нужно было обмануть родителей и выпросить у нихъ денегъ сверхъ положенія. Словомъ—хорошему среди насъ поучиться было нечему. Пронгрывались то между собою, то съ пріѣзжими помѣщиками—людьми такого же серьезнаго настроенія, какъ мы сами, а въ антрактахъ шли да приказныхъ били, увозили да назадъ привозили купчихъ и актеровъ.

Общество самое пустое и забубенное, въ которомъ молодые снѣжили равняться со старшими и всё равно не представляли въ своихъ особахъ ничего умнаго и достойнаго уваженія.

Объ отмѣнной чести и благородствѣ тоже ни разговоровъ, ни рацей никогда не было. Ходили всё по формѣ и вели себя по заведенному обыкновенію,—тонули въ оргіяхъ и въ охлажденіи души и сердца ко всему нѣжному, высокому и серьезному. А между тѣмъ *скрытая теплота*, присущая глубокимъ водамъ, была и оказалась на нашемъ мелководьѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Командиръ полка былъ у насъ довольно уже пожилой,—очень честный и бравый воинъ, но человѣкъ суровый и, какъ говорилось въ то время,—«безъ пріятностей для нѣжнаго пола». Ему было лѣтъ пятьдесятъ съ чѣмъ-нибудь. Онъ былъ уже два раза женатъ, въ Т. опять овдовѣлъ и снова задумалъ жениться на молоденькой барышнѣ, происходившей изъ мѣстнаго небогатаго помѣщичьяго круга. Звали ее Анна Николаевна. Ими этакое незначительное, и подь кадрили тому—все въ ней было такое же совершенно незначительное. Средняго роста, средней полноты, ни хо-

роша, ни дурна, бѣлокуренькіе волосики, голубые глазки, губки аленькія, зубки бѣленькіе, круглолица, бѣлолица, на румяныхъ щечкахъ по ямочкѣ,—словомъ, особа невдохновительная, а именно что называется—«стариковское утѣшеніе».

Познакомился съ нею нашъ командиръ въ собраніи черезъ ея брата, который служилъ у насъ же корнетомъ, и черезъ него же сдѣлать ей родителямъ и предложеніе.

Просто это дѣлалось,—по-товаришески. Пригласилъ офицера къ себѣ въ кабинетъ и говорить:

— Послушайте—на меня ваша достойная сестра произвела самое пріятное впечатлѣніе, но вы знаете—въ мои года и при моемъ положеніи мнѣ получить отказъ будетъ очень непріятно, а мы съ вами какъ солдаты—люди свои, и я вашей откровенностію, какова бы она ни была, нимало не обижусь... Въ случаѣ—если хорошо, то хорошо, а если пожелаютъ мнѣ отказать, то Боже меня сохрани отъ мысли, чтобы я сталъ имѣть къ вамъ черезъ то какую-нибудь личность, но вы узнайте...

Тотъ такъ же просто отвѣчаетъ:

— Извольте—узнаю.

— Очень благодаренъ.

— Могу ли, говоритъ,—я для этой надобности отлучиться отъ своей части домой на три или четыре дня?

— Сдѣлай милость,—хоть на недѣлю.

— И не позволите ли, говоритъ,—поѣхать со мною и моему двоюродному брату?

Братъ двоюродный у него былъ почти такой же, какъ онъ, молоденькій, розовый юноша, котораго всѣ за его юность и дѣвственную свѣжесть такъ и называли «Самарозаиъ». Особеннаго описанія ни одинъ изъ этихъ молодыхъ людей не заслуживаетъ, потому что ни въ одномъ изъ нихъ ничего замѣчательнаго и выдающагося не было.

Командиръ замѣчаетъ корнету:

— Для чего же вамъ нуженъ вашъ двоюродный братъ при такомъ семейномъ вопросѣ?

А тотъ отвѣчаетъ, что именно при семейномъ-то вопросѣ онъ и нуженъ.

— И, говоритъ,—съ отцомъ и съ матерью долженъ буду разговаривать, а онъ въ это время займется съ сестрою и отвлечетъ ея вниманіе, пока я улажу дѣло съ родителями.

Командиръ отвѣчаетъ:

— Что же, въ такомъ разѣ поѣзжайте оба съ вашимъ двоюроднымъ братомъ,—я его увольняю.

Корнеты поѣхали, и миссія ихъ вышла вполне благоуспѣшна. Черезъ нѣсколько дней родной братъ возвращается и говоритъ командиру:

— Если вамъ угодно, можете мнѣ родителямъ написать или сдѣлать ваше предложеніе словесно,—отказа не будетъ.

— Ну, а какъ, спрашиваетъ,—сама ваша сестра?

— И сестра, отвѣчаетъ,—согласна.

— Но какъ она... то-есть... рада этому или не рада?

— Ничего-съ.

— Ну, однако... по крайней мѣрѣ—довольна она или больше недовольна.

— По правдѣ доложить, она ничего почти не обнаруживала. Говоритъ: «какъ вамъ, папаша и мамаша, угодно—я вамъ повинуюсь».

— Ну да, это прекрасно, что она такъ говоритъ и повинуется, но вѣдь по лицу, въ глазахъ, безъ словъ дѣвушку можно замѣтить, какое у нея выраженіе.

Офицеръ извиняется, что онъ, какъ братъ, къ лицу своей сестры очень привыкъ и за выраженіемъ ея глазъ не слѣдилъ, такъ что ничего на этотъ счетъ опредѣленнаго сказать не можетъ.

— Ну, а двоюродный вашъ братъ могъ замѣтить,—вы могли съ нимъ объ этомъ говорить на обратномъ пути?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ,—мы объ этомъ не говорили, потому что я снѣшилъ исполнить ваше порученіе и вернулся одинъ, а его оставилъ у своихъ, и вотъ имѣю честь представить отъ него рапортъ о болѣзни, такъ какъ онъ захворалъ и мы послали дать знать его отцу и матери.

— А-а! А что же съ нимъ такое сдѣлалось?

— Внезапный обморокъ и головокруженіе.

— Ионъ какая дѣвичья немочь. Хорошо-съ. Я васъ очень благодарю и такъ какъ теперь мы почти какъ родные, то прошу васъ—останьтесь, пожалуйста, со мной вдвоемъ пообѣдать.

И за обѣдомъ все нѣтъ-нѣтъ, да его о кузенѣ и спросить—что онъ и какъ въ ихъ домѣ принять, и опять—при какихъ обстоятельствахъ съ нимъ сдѣлался обморокъ.

А самъ все молодого человѣка виномъ поить, и очень его подпоилъ, такъ что тотъ, если бы имѣлъ въ чемъ проговориться, то навѣрно бы проговорился; но ничего такого, къ счастью, не было, и командиръ скоро на Аннѣ Николаевнѣ женился, мы всѣ на свадьбѣ были и медъ-вино пили, а оба корнета—родной братъ и кузень были даже у невѣсты шаферами, и ничего не было замѣтно ни за кѣмъ—ни сучка, ни занозочки. Молодые люди попрежнему кутили, а новая наша полковница скоро начала аванажить въ турнюрѣ, и особыя желанія у нея являлись во вкусѣ. Командиръ этимъ радовался, мы всѣ, кто чѣмъ могъ, старались способствовать ея капризамъ, а молодые люди—ея братъ съ кузеномъ въ особенности. Бывало, то за тѣмъ, то за другимъ такъ тройки въ Москву и скачутъ, чтобы доставить ей что-либо желанное. И вкусы у нея, помню, все сказывались не избранные, все къ вещамъ простымъ, но которыхъ не всегда отыщешь: то султанскаго финика ей захочется, то орѣховой халвы греческой,—словомъ, все простое и дѣтское, какъ и сама она глядѣла дѣтѣнкомъ. Наконецъ, настала и часъ воли Божіей, а ихъ супружеской радости, и изъ Москвы привезли для Анны Николаевны акушерку. Какъ сейчасъ помню, что пріѣхала эта дама въ городъ во время звона къ всчернѣ, и мы еще посмѣялись: «вотъ, молъ, фараонскую бабу со звономъ встрѣчаютъ! Что-то за радость черезъ нее будетъ?» И ждемъ этого, точно это въ самомъ дѣлѣ какое-нибудь общее полковое дѣло. А тѣмъ временемъ является неожиданное происшествіе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Если вы читали у Бретъ-Гарта, какъ какіе-то малопутящіе люди въ американской пустынѣ были со скуки заинтересованы рожденіемъ ребенка совершенно постороннему имъ женщиною, то вы не станете удивляться, что мы, офицеры, кутилы и тоже безпутники, всѣ внимательно занялись тѣмъ, что Богъ даруетъ дитя нашей молоденькой полковницѣ. Вдругъ это почему-то получило въ нашихъ глазахъ такое общественное значеніе, что мы даже распорядились отнирывать появленіе на свѣтъ новорожденнаго и съ этою цѣлью заказали своему трактирщику приготовить усиленный запасъ шипучаго, а сами—чтобы не заскучать—

сѣли подъ вечерній звопъ «рѣзаться», или, какъ тогда говорилось, «трудиться для пользы императорскаго воспитательнаго дома».

Повторяю, что это было у насъ и занятіе, и обыкновеніе, и работа, и самое лучшее средство, которое мы знали для того, чтобы преодолѣвать свое скучаніе. И нынче это производилось точно такъ же, какъ и всегда: заначалили бѣвніе старшіе, ротмистры и штабъ-ротмистры съ проби-вающеюся сѣдиною на вискахъ и усахъ. Они сѣли именно какъ разъ, когда въ городѣ звоили къ вечернѣ и горожане, низко раскланываясь другъ съ другомъ, тянулись въ церкви исповѣдываться, такъ какъ описываемое мною событіе происходило въ пятницу на шестой недѣлѣ Великаго поста.

Ротмистры посмотрѣли на этихъ добрыхъ христіанъ, поглядѣли и вслѣдъ акушеркѣ, а потомъ съ солдатскою простотою пожелали всѣмъ имъ удачи и счастья, какое кому надобится, и, спустивъ въ большомъ номерѣ оконныя шторы изъ зеленаго коленкора, зажгли канделябры и пошли метать «направо, налево».

Молодежь же еще сдѣлала нѣсколько концовъ по улицамъ и, проходя мимо купеческихъ домовъ, перемигнулась съ купеческими дочками, а потомъ, при сгустившихся сумеркахъ, тоже явилась къ канделябрамъ.

И отлично помню этотъ вечеръ, какъ онъ стоялъ и по ту, и по другую сторону опущенныхъ шторъ. На дворѣ было превосходно. Свѣтлый, мартовскій день сгасъ румянымъ закатомъ и все оттаявшее на угрѣвѣ опять подкрѣпилось,—стало свѣжо, а въ воздухѣ все-таки повѣвало весеннимъ запахомъ и сверху слышались жаворонки. Церкви были полуосвѣщены, и изъ нихъ тихо выходили поодиначкѣ сложившіе свои грѣхи исповѣдники. Тихо, поодиначкѣ же брели они, ни съ кѣмъ не говоря, по домамъ и исчезали, храня глубокое молчаніе. На всѣхъ на нихъ была одна забота, чтобы ничѣмъ себя не развлечь и не лишиться водворившихся въ ихъ душахъ мира и безмятежности.

Тишина разомъ скоро стала во всемъ городѣ,—и безъ того, впрочемъ, нешумномъ. Запирались ворота, за заборами послышалось дерганіе собачьихъ цѣпей по веревкамъ; заперлись маленькіе трактиры, и только у занимаемой нами

гостиницы вертѣлись два «живейные» извозчика, поджидавшіе, что они намъ на что-нибудь понадобятся.

Въ эту пору вдалькѣ, по подмерзшему накату большой улицы застучали большія дорожныя троечныя сани, и къ гостиницѣ подѣхалъ незнакомый рослый господинъ въ медвѣжьей шубѣ съ длинными рукавами и спросилъ: «есть номеръ?»

Это случилось какъ разъ въ то время, какъ я и еще двое изъ молодыхъ офицеровъ подходили къ подъѣзду гостиницы послѣ обхода дозоромъ оконекъ, въ которыхъ имѣли обыкновеніе показываться намъ недоступныя кунесческія барышни.

Мы слышали, какъ пріѣзжій спросилъ собѣ номеръ и какъ вышедшій къ нему старшій коридорный Марко назвалъ его «Августомъ Матвѣичемъ», поздравилъ его съ счастливымъ возвращеніемъ, а потомъ отвѣчалъ на его вопросъ:

— Не смѣю, сударь Августъ Матвѣичъ, солгать вашей милости, что номера нѣтъ. Номеровъ есть-съ, но только я опасуюсь—останетесь ли вы имъ, сударь, довольны?

— А что такое?—спросилъ пріѣзжій:—нечистый воздухъ или клопы?

— Никакъ нѣтъ, — нечистоты, извольте знать, мы не держимъ, а только у насъ очень много офицеровъ стоять...

— Что же—шумять, что ли?

— Н... н... да-съ, знаете—холостежь,—ходить, свицуть... Чтобы вы послѣ не гнѣвались и неудовольствія на насъ бы не положили, потому какъ мы ихъ вѣдь утихомирить не можемъ.

— Ну вотъ—еще бы вы смѣли сами офицеровъ усмирять! Послѣ этого на что бы уже и на свѣтъ жить... Но, я думаю, съ усталости переночевать можно.

— Оно точно можно, но только я хотѣлъ, чтобы впередъ это вашей милости объяснить, а то, разумѣется, можно-съ. Затѣмъ позвольте брать чемоданъ и подушки?

— Бери, братецъ, бери. Я отъ самой Москвы не останавливался и такъ спать хочу, что никакого шума не боюсь—мнѣ никто не помѣшаетъ.

Лакей повелъ помѣщать гостя, а мы прослѣдовали въ главный номеръ—эскадроннаго ротмистра, гдѣ шла игра, въ которой теперь принимала участіе уже вся наша компанія, кромѣ полковницына кузена Сани, который жало-

вался на какое-то нездоровье, не хотѣлъ ни пить, ни играть, а все прохаживался по коридору,

Родной братъ полковницы ходилъ съ нами на купеческое обозрѣніе и съ нами же присоединился и къ игрѣ, а Саша только вошелъ въ игорный номеръ и сейчасъ же опять вышелъ и опять сталъ прохаживаться.

Страненъ онъ былъ какъ-то, такъ что даже пришлось обратить на него вниманіе. На видъ онъ казался, въ самомъ дѣлѣ, какъ будто просто не въ своей тарелкѣ—не то боленъ, не то грустенъ, не то разстроены, а станешь въ него всматриваться—будто и ничего. Только сдавалось, будто онъ мысленно отъ всего окружающаго отошелъ и запитъ чѣмъ-то далекимъ и для всѣхъ насъ постороннимъ. Всѣ мы слегка надъ нимъ подтрунили, что, молъ, «ты не акушеркою ли заинтересовался», а впрочемъ никакого особеннаго значенія его поведенію не придали. Въ самомъ дѣлѣ—онъ былъ еще очень молодой человѣкъ и въ настоящее офицерское питье «изъ десяти элементовъ» еще какъ слѣдуетъ не втравился. Вѣроятно ослабѣлъ отъ бывшихъ передъ тѣмъ трудовъ и притихъ. Притомъ же въ комнатѣ, гдѣ играли, было, по обыкновенію, сильно накурено и голова могла разболѣться; да могло быть, что и финансы у Саши были въ безпорядкѣ, потому что онъ въ послѣднее время азартно игралъ и часто бывалъ въ значительномъ проигрышѣ, а онъ былъ мальчикъ съ правилами и стыдился часто безпокоить родителей.

Словомъ—мы оставили этого молодого человѣка бродить тихими шагами по суконному половнику, застланныму коридоръ, а сами рѣзались, пили и закусывали, спорили и шумѣли, и совсѣмъ позабыли и о теченіи ночныхъ часовъ, и о торжественномъ событіи, которое ожидалось въ командирскомъ семействѣ. А чтобы забвеніе это вышло еще гуще,—около часа за полночь всѣ мы были развлечены однимъ неожиданнымъ обстоятельствомъ, которое подвелъ намъ тотъ самый незнакомый пріѣзжій, котораго мы встрѣтили, какъ я вамъ сказала, выходящимъ изъ дорожныхъ саней на почлегъ въ нашу гостиницу.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Во второмъ часу ночи въ комнату, гдѣ мы играли, явился старшій коридорный Марко и, помявшись, доложилъ, что

пріѣзжій «княжескій главноуправитель», остановившійся въ такомъ-то номерѣ, прислалъ его къ намъ извиниться и доложить, что онъ не спитъ и скучаетъ, а потому проситъ—не позволять ли ему господа офицеры придти и принять участіе въ игрѣ?

— Да ты знаешь ли этого господина?—спросилъ старшій изъ нашихъ офицеровъ.

— Помилуйте, какъ же не знать Августа Матвѣича? Ихъ здѣсь всѣ знаютъ,—да они и по всей Россіи, гдѣ только есть князья имѣнія, всѣмъ извѣстны. Августъ Матвѣичъ самую главную довѣренность имѣетъ на всѣ княжескія дѣла и вотчины и близко сорока тысячъ въ годъ одного жалованья беретъ. (Тогда еще считали на ассигнаціи).

— Полякъ онъ, что ли?

— Изъ поляковъ-съ, только баринъ отличный и самъ въ военной службѣ служилъ.

Слугу, который намъ докладывалъ, всѣ мы считали за человѣка добропорядочнаго и намъ преданнаго. Очень смиренный былъ и набожный—все ходилъ къ заутренѣ и на колоколь въ свой приходъ въ деревню собиралъ. А Марко видитъ, что мы заинтересовались, и поддерживаетъ интересъ.

— Августъ Матвѣичъ теперь, говорить,—изъ Москвы ѣдетъ, какъ слухъ былъ—два имѣнія княжескія въ совѣтъ заложивши, и должно быть съ деньгами—желаютъ поразсѣяться.

Наши переглянулись, перешепнулись и рѣшили:

— Что же намъ все свои-то лобанчики изъ кошелька въ кошелекъ перелобанивать. Пусть придетъ свѣжій человѣкъ и освѣжитъ насъ новымъ элементомъ.

— Что же, говоримъ,—пожалуй, но только ты намъ отвѣчай: есть ли у него деньги?

— Помилуйте! Августъ Матвѣичъ никогда безъ денегъ не бываетъ.

— А если такъ, то пусть идетъ и деньги несетъ,—мы очень рады. Такъ, господа?—обратился ко всѣмъ старшій ротмистръ.

Всѣ отвѣчали согласіемъ.

— Ну и прекрасно,—скажи, Марко, что просимъ пожаловать.

— Слушаю-сь.

— Только того... про всякій случай намекни, или прямо скажи, что мы хоть и товарищи, но даже между собою не-премѣнно на наличныя деньги играемъ. Никакихъ счетовъ, ни расписокъ—ни за что.

— Слушаю-сь,—да это не безпокойтесь. У него во всѣхъ мѣстахъ деньги.

— Ну и проси.

Черезъ самое малое время, сколько надо было человѣку не франту одѣться, растворяется дверь, и въ наше облако дыма входитъ очень приличный на видъ, высокій, статный, пожилыхъ лѣтъ незнакомецъ,— въ штатскомъ платьѣ, но манера держаться военная и даже, можно сказать, эдакая... гвардейская, какъ тогда было въ модѣ,—то-есть смѣло и самоувѣренно, но съ лѣнливой граціей равнодушнаго пресыщенія. Лицо красивое съ чертами, строго размѣщенными, какъ на металлическомъ циферблатѣ длинныхъ англійскихъ часовъ Грагама. Стрѣлка въ стрѣлку такъ весь многосложный механизмъ и ходитъ.

И самъ-то онъ какъ часы длинный и говоритъ онъ— какъ Грагамовъ бой отчеканиваетъ.

— Прошу, начинать,— господа, извиненія, что позволилъ себѣ напроситься въ вашу дружескую компанію. Я такой-то (назвалъ свое имя), спѣшу изъ Москвы домой, но усталъ и захотѣлъ здѣсь отдохнуть, а межъ тѣмъ услыхалъ вашъ говоръ—и «покой бѣжить отъ глазъ». Какъ старый боевой конь, я рванулся и приношу вамъ искреннюю благодарность за то, что вы меня принимаете.

Ему отвѣчаютъ:

— Сдѣлайте милость! сдѣлайте милость! Мы люди простые и ѣдимъ пряники непшавные. Мы всѣ здѣсь товарищи и держимъ себя безъ всякихъ церемоній.

— Простота,—отвѣчаетъ онъ:—всего лучше, ее любить Богъ и въ ней поэзія жизни. Я самъ служилъ въ военной службѣ и хотя по семейнымъ дѣламъ вынужденъ былъ ее оставить, при самомъ счастливомъ ходѣ, но военныя привычки во мнѣ остались, и я врагъ всѣхъ церемоній. Но вы, я вижу, господа, въ сюртукахъ, а здѣсь жарко?

— Да, признаться, мы только сейчасъ надѣли сами сюртуки для встрѣчи незнакомаго человѣка.

— Ай, какъ не стыдно! А я этого-то и боялся. Но если

уже вы были такъ любезны, что меня приняли, то вы па первомъ шагу нашего знакомства ничѣмъ не можете мнѣ сдѣлать такого истиннаго удовольствія, какъ если освободите себя и останетесь снова, какъ было до моего прихода.

Офицеры позволили склонить себя къ этому и остались въ однихъ жилетахъ,—причемъ потребовали точно такого же дезабилье и отъ незнакомца. Августъ Матвѣичъ охотно сбросилъ съ себя ловко и солидно сшитую венгерку съ голубою шелковою подкладкою въ рукавахъ и не отказался выпить «для знакомства со всѣми» рюмку водки.

Всѣ по рюмкѣ выпили и закусили и при этомъ случаѣ вспомнили о «кузентѣ» Салгѣ, который все еще продолжалъ свою прогулку по коридору.

— Позвольте, говорить,—здѣсь нѣтъ одного изъ нашихъ. Позвать его сюда!

А Августъ Матвѣичъ и говорить:

— Вы вѣрно не досчитываетесь этого интереснаго молодого корнета, который тамъ ходитъ въ милой задумчивости по коридору?

— Да, его. Позовите его сюда, господа!

— Да онъ не идетъ.

— Что за пустяки такіе!.. Премилый молодой товарищъ и уже хорошо повелъ курсъ наукъ по питью и игрѣ и вдругъ что-то сегодня измѣнилъ и осовѣлъ. Возьмите его сюда, господа, силою.

Этому запротиворѣчили, и послышалось нѣсколько замѣчаній, что, быть-можетъ, Салга въ самомъ дѣлѣ боленъ.

— Какой чортъ,—я головою отвѣчаю, что онъ просто усталъ или хандритъ съ непривычки отъ большого проигрыша.

— А корнетъ много проигралъ?

— Да,—въ послѣднее время ему ужасно не везло, онъ былъ постоянно какъ-то виѣ себя и постоянно проигрывалъ.

— Скажите, пожалуйста,—это бываетъ; но у него такой видъ, какъ будто онъ не столько несчастливъ въ картахъ, какъ несчастливъ въ любви.

— А вы его видѣли?

— Да; и притомъ я въ него всмотрѣлся совершенно случайно. Онъ такъ задумчивъ и потерянь, что зашелъ ошибкою въ мой номеръ вмѣсто своего и, не видя меня

на постели, направился было прямо къ комоду и сталъ что-то искать. Я даже подумалъ, не лунатикъ ли онъ, и позвалъ Марка.

— Что за удивленіе!

— Да, и когда Маркъ спросилъ его, что ему угодно,— онъ точно не скоро понялъ, въ чемъ дѣло, а потомъ, бѣд-нижка, очень сконфузился... Я вспомнилъ старые годы и подумалъ: вѣрно тутъ зазноба сердечная!

— Ну, ужъ и зазноба. Пройдетъ это все. Вы, господа, въ Польшѣ слишкомъ много значенія придаете этимъ сентиментамъ, а мы, москаля, народъ грубый.

— Да, но видъ этого молодого человѣка не говоритъ о грубости: онъ, напротивъ, нѣженъ и показался мнѣ встревоженнымъ или безпокойнымъ.

— Онъ просто усталъ, и надъ нимъ, по нашей философіи, надо употребить насиліе. Господа, выйдите вы кто-нибудь двое и введите сюда Сашу, пусть онъ оправдается противъ подозрѣній въ безнадежной любви!

Два офицера вышли и вернулись съ Сашей, на молодомъ лицѣ котораго блуждали, поборая другъ друга, усталость, конфузъ и улыбка.

Онъ говорилъ, что ему дѣйствительно нездоровится, но что болѣе всего его смущаетъ то, что съ него безпрестанно требуютъ отчета. Когда же ему пошутили, что «даже незнакомецъ» замѣтилъ въ немъ «страданье сердца отъ амура», Саша вдругъ вспыхнулъ и взглянулъ на нашего гостя съ невыразимую ненавистью, а потомъ сердито и рѣзко оторвалъ:

— Это вздоръ!

Онъ просилъ позволенія уйти къ себѣ въ номеръ и лечь спать, но ему напомнили, что сегодня ожидается важное событіе, которое всѣ желаютъ вмѣстѣ привѣтствовать, и потому оставить компанію непозволительно. При напоминаніи обѣ ожидаемомъ «событіи», Саша опять поблѣднѣлъ.

Ему сказали:

— Уйти нельзя, но выпей свою очередную рюмку водки, и если не хочешь играть, то сними сюртукъ и ложись здѣсь на диванѣ. Когда тамъ закричитъ дитя, — мы услышимъ и тебя разбудимъ.

Саша повиновался, но не вполне: рюмку водки онъ выпилъ, но сюртука не снялъ и не легъ, а сѣлъ въ тѣни у

окна, гдѣ отъ дурно вставленной рамы ходилъ холодокъ, и сталъ смотрѣть на улицу.

Ждалъ ли онъ кого и высматривалъ, или такъ просто его беспокоило что-то внутреннее—не могу вамъ сказать; но онъ все глядѣлъ, какъ мерцаетъ огонекъ въ фонарѣ, которымъ качалъ и скрипѣлъ вѣтеръ, и то откинется въ глубь кресла, то точно хочетъ сорваться и убѣжать.

Нашъ незнакомецъ, съ которымъ я сидѣлъ рядомъ, замѣчалъ, что я наблюдаю за Сашей, и самъ наблюдалъ его. Я это долженъ былъ видѣть по его взглядамъ и по тому, что онъ сказалъ мнѣ, а онъ сказалъ мнѣ вполголоса слѣдующія дрянныя слова, которыхъ я не могу позабыть во всю жизнь:

— Вы дружны съ этимъ вашимъ товарищемъ?

При этомъ онъ метнулъ глазами въ сторону опустившагося Саши.

— Ну, разумѣется, — отвѣчалъ я съ легкимъ задоромъ молодости, усмотрѣвшей въ такомъ вопросѣ неумѣстную фамильярность.

Августъ Матвѣичъ замѣтилъ это и тихо пожалъ подъ столомъ мою руку. Я посмотрѣлъ на его солидное и красивое лицо, и опять, по какой-то странной ассоціаціи идей, мнѣ пришли на память никогда себѣ не измѣняющіе англійскіе часы въ длинномъ футлярѣ съ грагамовскимъ ходомъ. Каждая стрѣлка ползетъ по своему назначенію и отмѣчаетъ часы, дни, минуты и секунды, лунное теченіе и «звѣздный зодіакъ», а все тотъ же холодный и безучастный «фронтъ»: указать они могутъ все, отмѣтить все — и останутся сами собою.

Примиривъ меня съ собою ласковымъ рукопожатіемъ, Августъ Матвѣичъ продолжалъ:

— Не сердитесь на меня, молодой человѣкъ. Повѣрьте, я не хочу сказать о вашемъ товарищѣ ничего дурного, но я не мало жилъ, и его положеніе мнѣ что-то внушаетъ.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Оно мнѣ кажется какимъ-то... какъ вамъ это сказать... феральнымъ: оно глубоко меня трогаетъ и беспокоитъ.

— Даже уже и безпоконтъ?

— Да, именно—безпоконтъ.

— Ну, смѣю васъ утѣрить, что это совершенно напрас-

ное безпокойство. Я хорошо знаю всѣ обстоятельства этого моего товарища и ручаюсь вамъ, что въ нихъ нѣтъ ничего, что могло бы смутить или оборвать теченіе его жизни.

— *Оборвать!* — повторилъ онъ за мною: — *c'est le mot!* Вотъ именно слово... «оборвать теченіе жизни»!

Меня неприятно покорибило. Зачѣмъ это я самъ именно такъ выразился, что далъ поводъ незнакомцу ухватиться за мое выраженіе?

Августъ Матвѣичъ мнѣ вдругъ началъ не нравиться, и я сталъ съ недоброжелательствомъ смотрѣть на его точный грагамовскій циферблатъ. Что-то гармоничное и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то давящее и неотразимое. Идетъ, идетъ — и проиграютъ куранты, и опять идетъ далѣе. И все на немъ какое-то отвлеченное... Вонъ рукава его рубашки, которая несравненно тоньше и бѣлѣе всѣхъ нашихъ, а подъ нею красная шелковая фуфайка какъ кровь свергаетъ изъ-подъ бѣлыхъ манжетъ. Точно онъ снялъ съ себя свою живую кожу да чѣмъ-то только обернулся. А на рукѣ у него женскій золотой браслетъ, который то поднимается къ кисти, то снова упадетъ и спрячется внизъ за рукавъ. На немъ явно читается польскими буквами исполненное русское женское имя «Ольга».

Мнѣ почему-то досадно за эту «Ольгу». Кто она и что она ему такое — родная или любовница, — мнѣ все равно досадно.

Чего, зачѣмъ и почему? Не знаю. Такъ, — одна изъ тысячи глупостей, нивѣсть откуда приходящихъ затѣмъ, чтобы «смутить смыслъ смертнаго»

Но я вспоминаю, что мнѣ надо отдѣлаться отъ своего слова «оборвать», которому онъ придалъ вовсе нежеланное значеніе, и говорю:

— Я жалѣю, что я такъ выразился, — но сказанное мною слово не можетъ имѣть никакого двойного значенія. Мой товарищъ молодъ, имѣетъ состояніе, онъ одинъ сынъ у родителей и всѣми любимъ...

— Да, да, но тѣмъ не менѣе... онъ не хорошъ.

— Я васъ не понимаю.

— Вѣдь онъ смертенъ?

— Разумѣется, какъ вы и я, — какъ цѣлый свѣтъ.

— Совершенно справедливо, но только людей цѣлаго свѣта я не вижу, а ни на мнѣ, ни на васъ нѣтъ этихъ роковыхъ знаковъ, какъ на немъ.

— Какихъ «роковыхъ знаковъ»? О чемъ вы говорите?

И очень неуважительно разсмѣялся.

— Зачѣмъ же вы смѣетесь надъ этимъ?

— Да, извините, говорю,—я сознаю невѣжливость моего смѣха, но вы представьте мое положеніе: мы съ вами глядимъ на одно и то же лицо, и вы мнѣ рассказываете, будто видите на немъ что-то необыкновенное, тогда какъ я рѣшительно ничего не вижу, кромѣ того, что всегда видѣлъ.

— Всегда? Этого не можетъ быть.

— Я васъ увѣряю.

— Гипнократовы черты!

— Въ этомъ ничего не понимаю.

— Какъ не понимаете? Есть такой *agent psychique*.

— Не понимаю, — сказалъ я, чувствуя, что это слово наволокло на меня какой-то глухой страхъ.

— *Agent psychique*, или Гипнократовы черты—это непостижимыя, роковыя, страшныя обозначенія, которыя давно извѣстны. Эти неуловимыя черты появляются на лицахъ людей только въ роковыя минуты ихъ жизни, только наканунѣ того, когда предстоитъ свершить «великій шагъ въ страну, откуда путникъ къ намъ еще не возвращался»... Эти черты превосходно умѣютъ наблюдать шотландцы и индусы Голубыхъ горъ.

— Вы были въ Шотландіи?

— Да,—я въ Англій учился сельскому хозяйству и путешествовалъ по Индостану.

— И что же—вы говорите, что видите извѣстныя вамъ проклятыя черты теперь на добромъ Сашѣ?

— Да; если этотъ молодой человѣкъ сейчасъ называется Саша, то я думаю, что онъ скоро получитъ *другое* имя.

Я почувствовалъ, что меня прошелъ наскъозъ какой-то ужасъ, и неслыханно обрадовался, что въ это самое время къ намъ подошелъ одинъ изъ нашихъ офицеровъ, сильно подгулявшій, и спросилъ меня:

— Что ты—о чемъ съ этимъ баринномъ ссориться?

Я отвѣчалъ, что мы вовсе не ссоримся, но что у насъ шелъ вотъ какой странный и смутившій меня разговоръ.

Офицеръ, малый простецъ и рѣшительный, посмотрѣлъ на Сашу и сказалъ:

— Онъ, въ самомъ дѣлѣ, какой-то скверный!—Но вслѣдъ за тѣмъ обратился къ Августу Матвѣичу и сурово спросилъ:

— А вы что же—френологъ или предсказатель?

Тотъ отвѣчалъ:

— Я не френологъ и не предсказатель.

— А такъ—чортъ знаетъ что?

— Ну, и это тоже нѣтъ, — я не «чортъ знаетъ что», — отвѣчалъ тотъ спокойно.

— Такъ что же вы: стало-быть, колдунъ?

— И не колдунъ.

— А кто же?

— *Мистикъ*.

— Ага! вы *мистикъ*!.. это значитъ—вы любите поиграть въ вистикъ. Знаю, знаю, видали мы такихъ, — протянулъ офицеръ и, будучи безъ того уже порядкомъ пьянъ, снова отправился еще повреждать себя водкою.

Августъ Матвѣичъ посмотрѣлъ на него не то съ сожалѣніемъ, не то съ презрѣніемъ. Обозначательныя стрѣлки на его циферблатѣ передвинулись; онъ всталъ, отошелъ къ играющимъ, декламируя себѣ подъ носъ изъ Красинскаго:

Ja Boga nie chce, ja nieba nie czuje,
Ja w niebo nie pojde...

Мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ не по себѣ, точно я бесѣдовалъ съ самимъ паномъ Твардовскимъ, и я захотѣлъ себя прибодрить. Я еще далѣе отошелъ отъ карточного стола къ закусочному, и позабылся съ пріятелемъ, изъяснявшимъ по-своему слово «мистикъ», а когда меня черезъ нѣкѣй часъ волною снова подвинуло туда, гдѣ играли въ карты, то я засталъ уже талію въ рукахъ Августа Матвѣича.

У него были огромныя залиси выигрышей и проигрышей, и на всѣхъ лицахъ по отношенію къ нему читалось какое-то нерасположеніе, выражавшееся даже отчасти и задорными замѣчаніями, которыя ежеминутно угрожали еще болѣе обостриться и, можетъ-быть, сдѣлаться причиною серьезныхъ непріятностей.

Безъ непріятностей какъ-то дѣло не представлялось ни на минуту,—словно на то было будто какое-то, какъ мужички говорятъ, «прідѣленіе».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Когда я подошелъ къ играющимъ, кто-то изъ нашихъ замѣтилъ, напримѣръ, Августу Матвѣичу, что браслетъ,

прыгавшій вверхъ и внизъ на его рукѣ, мѣшаетъ ему свободно метать талію. И тутъ же добавилъ:

— Вы бы, можетъ-быть, лучше сняли съ себя это женственное украшеніе.

Но Августъ Матвѣичъ и на этотъ разъ выдержалъ спокойствіе и отвѣчалъ:

— Да, снять бы лучше, это такъ, но я не могу воспользоваться вашимъ добрымъ совѣтомъ: эта вещь наглухо заклелана на моей рукѣ.

— Вотъ фантазія—изображать изъ себя невольника!

— А почему бы и нѣтъ? — иногда очень хорошо чувствовать себя невольникомъ.

— Ага! и поляки это, наконецъ, признали!

— Какъ же, — что до меня, то я съ самыхъ первыхъ дней, когда мнѣ стали доступны понятія о добрѣ, истинѣ и красотѣ, призналъ, что они достойны господствовать надъ чувствами и волей человѣка.

— Но въ комъ бываютъ совмѣщены всѣ эти идеалы?

— Конечно, въ лучшемъ твореніи Бога—въ женщинѣ.

— Которую зовутъ Ольгою, — пошутилъ кто-то, прочитавъ имя на браслетѣ.

— Да, — вы угадали: имя моей жены Ольга. Не правда ли, какое это прекрасное русское имя, и какъ отрадно думать, что русскіе хоть его не заняли у грековъ, а нашли въ своемъ родномъ обиходѣ.

— Вы женаты на русской?

— Я вдовъ. Счастье, какого я былъ удостоенъ, было такъ полно и велико, что не могло быть продолжительно, но я о сю пору счастливъ воспоминаніемъ о русской женщинѣ, которая находила себя со мною счастливою.

Офицеры переглянулись. Отвѣтъ показался имъ немножко кожимъ и куда-то направленнымъ.

— Чортъ его возьми! — проговорилъ кто-то: — не хочеть ли этотъ завѣзкій сказать, что господа поляки особенно милы и вѣжливы и что наши женщины безъ ума отъ ихъ любезности.

Тотъ непремѣнно долженъ былъ это слышать, даже посмотрѣлъ молча въ сторону говорившаго и улыбнулся, но тотчасъ же снова началъ метать очень спокойно и чисто. За нимъ, разумѣется, во всѣ глаза смотрѣли понтеры, но никто изъ нихъ не замѣчалъ ничего нехорошаго. Вдобавокъ,

никакое подозрѣніе въ честности игры не могло имѣть и мѣста, потому что Августъ Матвѣичъ былъ въ очень значительномъ проигрышѣ. Часамъ къ четыремъ онъ заплатилъ уже болѣе двухъ тысячъ рублей и, окончивъ расчетъ, сказалъ:

— Если вамъ, господа, угодно продолжать игру, то я еще закладываю тысячу.

Выигравшіе офицеры, по принятому этикету банковской игры, находили неловкимъ забастовать и отвѣчали, что они будутъ понтировать.

Нѣкоторые только, отвернувшись, пересмотрѣли заплаченные Августомъ Матвѣичемъ деньги, по въ содержаніи онныя одобрили.

Все было въ совершенномъ порядкѣ, онъ всѣмъ заплатилъ самыми достовѣрными и несомнѣнными ассигнаціями.

— Далѣе, господа,—сказалъ онъ:—я не могу положить на столъ передъ вами ходячей монеты, такъ какъ все, что у меня было въ этомъ видѣ, отъ меня уже ушло. Но у меня есть банковые билеты по пятисотъ и по тысячѣ рублей. Я буду ставить билеты и для удобства прошу васъ на первый разъ размѣнять мнѣ на ру такихъ билетовъ.

— Это возможно,—отвѣчали ему.

— Въ такомъ случаѣ я сейчасъ буду имѣть честь представить вамъ два билета и попрошу васъ ихъ рассмотреть и размѣнять на деньги.

Съ этими словами онъ поднялся съ мѣста, подошелъ къ своему сюртуку, который лежалъ на диванѣ неподалеку отъ сидѣвшаго въ непробудномъ самоуглубленіи Саши, и сталъ шарить по карманамъ. Но это выходило долго, и потому вдругъ Августъ Матвѣичъ отшвырнулъ отъ себя прочь сюртукъ, взялся рукою за лобъ, пошатнулся и едва не упалъ на полъ.

Движеніе это было тотчасъ же всѣми замѣчено и показало до такой степени истиннымъ и неподдѣльнымъ, что Августъ Матвѣичъ возбудилъ во многихъ живое участіе. Два или три человѣка, находившіеся къ нему ближе, участливо воскликнули: «что съ вами такое?» и кинулись его поддерживать.

Гость нашъ былъ очень блѣденъ и на себя не похожъ. И въ этотъ разъ впервые еще видѣлъ, какъ большое и неожиданное горе вдругъ перевертывается и моментально ста-

рить очень сильнаго и самообладающаго человѣка, какимъ, мнѣ казалось, надлежало считать появившагося среди насъ на свое и на наше несчастіе княжескаго главноуправителя. Моментально постигающее человѣка неожиданное горе его какъ-то третъ, мнетъ и комкаетъ, какъ баба трипку на портомойнѣ, и потомъ колотить валькомъ, пока все изъ него не выколотить. Не умѣю и не стану вамъ описывать лицо и взгляды Августа Матвѣича, но живо помню досадное и неуважительное по отношенію къ его горю сравненіе, которое мнѣ пришло въ голову, когда я въ числѣ другихъ подался къ главноуправителю и приблизилъ къ его лицу свѣчу. Это опять касалось часовъ и циферблата и притомъ одного смѣшного съ ними случая.

Отецъ мой имѣлъ страсть къ старымъ картинамъ. Онъ ихъ много разыскивалъ и портилъ: онъ самъ ихъ размывалъ и покрывалъ новымъ лакомъ. Мы бывало смотримъ, какъ онъ привезетъ откуда-нибудь старую картину, и видимъ темноватую, ровную поверхность, на которой всѣ колера какъ-то мирно ступевались и сгладились во что-то неразборчивое, но гармоническое, подъ слоемъ потемнѣвшаго лака; но вотъ по этой картинѣ проѣхала губка, напичканная скинцдаромъ; остеклившійся лакъ пошелъ сворачиваться, проползли грязные потоки, и всѣ тоны той же самой картины зашевелились, измѣнились и, кажется, пришли въ безпорядокъ. Она стала какъ будто не она — именно потому, что теперь-то она и являлась глазамъ сама собою, какъ есть, безъ лакировки, которая ее умирjala и сглаживала. И мнѣ вспомнилось, какъ мы разъ, подражая отцу, хотѣли также *умыть* циферблатъ на часахъ въ нашей дѣтской и, къ ужасу своему, увидали, что изображенный на немъ Бука съ корзинкою, въ которой сидѣли непослушныя дѣти, вдругъ потерялъ свои очертанія и на мѣсто очень храбраго лица являлъ что-то въ высшей степени двусмысленное и смѣшное.

Нѣчто такое же являетъ собою въ несчастіи и живой человѣкъ, даже самообладающій, а иногда и гордый. Горе срываетъ съ него лакъ, и вдругъ всѣмъ становится видны его пожухлые тоны и давно прорвавшіяся до грунта трещины.

Но нашъ гость былъ еще сильнѣе многихъ: съ владѣлъ собою,—онъ старался оправиться и заговорилъ:

— Извините, господа,—совершенные пустяки... Я только

прошу васъ по обращать на это вниманія и отпустить меня къ себѣ, потому что... мнѣ... сдѣлалось дурно: извините— я продолжать игры не могу.

И Августъ Магвѣичъ обратилъ ко всѣмъ свое лицо, глядѣвшее теперь совершенно смытымъ циферблатомъ, но онъ еще силится держать любезную улыбку. Очевидно, онъ хотѣлъ «уйти безъ исторіи», но въ это самое мгновеніе кто-то изъ нашихъ, тоже, конечно, находившійся подъ вліяніемъ лишней рюмки, задорно крикнулъ:

— У васъ еще раньше этого не было ли дурно?

Полякъ поблѣднѣлъ.

— Нѣтъ,—отозвался онъ скоро и сильно возвысивъ голосъ:—нѣтъ, со мною никогда еще не бывало *такъ дурно*. Кто говоритъ и думаетъ иначе, тотъ ошибается... Я сдѣлалъ неожиданное открытіе... я имѣю слишкомъ достаточную причину, чтобы отмѣнить мое намѣреніе продолжать игру, и рѣшительно не понимаю: что и кому отъ меня угодно!

Тутъ всѣ заговорили:

— О чемъ это онъ? Отъ васъ, милостивый государь, ничего не угодно и никто ничего не требуетъ. Но это любопытно: каксе такое вы сдѣлали, находишь среди насъ, открытіе?

— Никакое,—отвѣчалъ полякъ и, поблагодаривъ поклономъ офицеровъ, поддерживавшихъ его въ виду охватившей его мгновенной слабости, добавилъ:—Вы, господа, меня совсѣмъ не знаете, и репутація моя, отрекомендовавшая вамъ коридорнымъ слугою, не можетъ вамъ много говорить въ мою пользу, а потому я не нахожу возможнымъ продолжать дальнѣйшій разговоръ и желаю вамъ откланяться.

Но его удержали.

— Позвольте, позвольте,—заговорили къ нему:—этакъ невозможно.

— Я не знаю — почему «этакъ невозможно». Я заплатилъ все, что проигралъ, а дальне игры продолжать не желаю и прошу освободить меня изъ вашего общества.

— Тутъ не о платѣ...

— Да, не о платѣ-съ.

— Такъ о чемъ же еще?.. Спрашиваю: «что вамъ угодно?» вы отвѣчаете, что вамъ отъ меня «ничего не угодно»; ухожу

молча—вы снова въ какой-то претензіи... Что такое, чортъ возьми! Что такое?

Тутъ къ нему подошелъ одинъ изъ усатыхъ ротмистровъ, — «товарищъ въ битвахъ посѣдѣмый», мужъ бывалый въ картежныхъ столкновеніяхъ различнаго рода.

— Милостивый государь! — заговорилъ онъ: — позвольте мнѣ объясниться съ вами одному отъ лица многихъ.

— Я очень радъ, — хотя совершенно не вижу, о чемъ намъ объясняться.

— Я вамъ сейчасъ это изложу.

— Извольте.

— Я и мои товарищи, милостивый государь, дѣйствительно, васъ не знаемъ, но мы приняли васъ въ свою компанію съ нашею простою русскою довѣрчивостію, а между тѣмъ вы не могли совершенно скрыть, что васъ поразила какая-то внезапность... И это въ нашемъ кружкѣ... Вы, милостивый государь, упомянули слово «репутация». У насъ, чортъ возьми!—надѣюсь, тоже есть репутація... Да-съ! Мы вамъ вѣримъ, но васъ тоже просимъ довѣриться нашей честности.

— Охотно-съ, — перебилъ полякъ, — охотно! — и протянулъ руку, которую ротмистръ какъ бы не замѣтилъ, и продолжалъ:

— Я вамъ ручаюсь моею рукою и головою, что васъ не ожидаетъ здѣсь ни малѣйшая несприятность, и всякій, кто позволитъ себѣ чѣмъ бы то ни было, хотя бы отдаленнымъ намекомъ оскорбить васъ здѣсь до разбора дѣла, тотъ будетъ имѣть во мнѣ вашего защитника. Но это дѣло такъ остаться не можетъ; ваше поведеніе намъ кажется страннымъ, и я проишу васъ отъ лица всѣхъ здѣсь присутствующихъ, чтобы вы успокоились и серьезно намъ объяснили, дѣйствительно ли вы внезапно заболѣли, или вы что-нибудь замѣтили и съ вами что-нибудь случилось. Просимъ васъ сказать это намъ откровенно въ одно слово.

Всѣ подхватили: «да, мы всѣ просимъ, всѣ просимъ!» И дѣйствительно всѣ просили. Движеніе сдѣлалось всеобщее. Къ нему не присоединился развѣ только одинъ Саша, который попрежнему оставался въ своей глупой потерянности, но и онъ всталъ съ своего мѣста, — произнесъ: «какъ это противно!» и оборотился лицомъ къ окну.

А полякъ, когда мы къ нему такъ круто приступили,

не потерялся, а напротивъ, даже пріосанился, развелъ руками и сказалъ:

— Ну, въ такомъ случаѣ, господа, я васъ прошу меня извинить: я ничего не хотѣлъ говорить и все хотѣлъ снести на моемъ сердцѣ, но когда вы меня честью обязываете вамъ сказать,—что со мною сдѣлалось, я повинуюсь чести и какъ честный человекъ и дворянинъ...

Кто-то не выдержалъ и крикнулъ:

— Не слишкомъ ли долго все о чести!

Ротмистръ сердито посмотрѣлъ въ сторону, откуда это было сказано, а Августъ Матвѣичъ продолжалъ:

— Какъ честный человекъ и дворянинъ, я скажу вамъ, что у меня, господа, кромѣ того, сколько я проигралъ вамъ, было еще съ собою въ бумажникъ двѣнадцать тысячъ рублей банковыми билетами по тысячѣ и по пятисотъ рублей.

— Вы ихъ имѣли при себѣ?—спросилъ ротмистръ.

— Да, при себѣ.

— Вы хорошо это помните?

— Безъ малѣйшаго сомнѣнія.

— И теперь ихъ нѣтъ?

— Да; это вы сказали: ихъ нѣтъ.

Пьяный офицеръ опять было крикнулъ:

— Да они были ли?

Но ротмистръ еще строже отвѣтилъ:

— Прошу молчать! Господинъ, котораго мы видимъ, не смѣетъ лгать. Онъ знаетъ, что такими вещами въ присутствіи порядочныхъ людей не шутятъ, потому что такія шутки кровью пахнутъ. А что мы дѣйствительно порядочные люди—это мы должны доказать дѣломъ. Никто, господа, ни съ мѣста, а вы, поручикъ такой-то, и вы, и вы еще (онъ назвалъ трехъ изъ товарищей) извольте сейчасъ запереть на ключъ всѣ двери и положить ключи здѣсь у всѣхъ на виду. Первый, кто захотѣлъ бы теперь отсюда выйти, долженъ лечь на мѣстѣ, но я надѣюсь, что изъ насъ, господа, никто этого не сдѣлаетъ. Никто не смѣетъ сомнѣваться, что изъ насъ ни одинъ не можетъ быть виноватъ въ пронажѣ, о которой говоритъ этотъ проѣзжій, но это должно быть доказано.

— Да, да, безъ сомнѣнія,—вторили офицеры.

— И когда это будетъ доказано, тогда начнется второе дѣйствіе, а теперь, оберегая нашу честь и гордость, всѣ

мы, господа, обязаны немедленно, не выходя отсюда, позволить себя обыскать до нитки.

— Да, да, обыскать, обыскать!—заговорили офицеры.

— И до нитки, господа!—повторил ротмистръ.

— До нитки, до нитки!

— Мы всё по очереди до-нага раздѣнемся передъ этимъ господиномъ. Да, да, какъ мать родила — до-нага, чтобы нельзя было нигдѣ ничего спрятать, и пусть онъ самъ обыщетъ насъ каждого. Я всѣхъ васъ старшие лѣтами и службою, и я первый подвергаю себя этому обыску, въ которомъ не должно быть ничего унижительнаго для честныхъ людей. Прошу отойти отъ меня далѣе и стать всѣмъ въ рядъ,—я раздѣваюсь.

И онъ сталъ скоро и порывисто снимать съ себя все, до посковъ на ногахъ, и, положивъ вещи на полу передъ управляющимъ, поднялъ надъ головою руки и сказалъ:

— Вотъ я весь,—какъ рекрутъ на приѣмѣ стою. Прошу обыскивать мои вещи.

Августъ Матвѣичъ началъ было отиѣкиваться и уклоняться подъ тѣмъ довольно справедливымъ предлогомъ, что онъ подозрѣннѣе не заявлялъ и обыска не требовалъ.

— Э-э! нѣтъ, это стара шутка,—заговорилъ, весь побагровѣвъ и засверкавъ гнѣвно глазами, ротмистръ и затопталъ босыми пятками по полу.—Теперь поздно, милостивый государь, деликатничать... Я не даромъ передъ вами раздѣвался... Прошу васъ осмотрѣть мои вещи до нитки! Иначе я, голый, сію же минуту и тутъ же убью васъ вотъ этимъ стуломъ.

И тяжелый трактирный стулъ заходилъ въ его волосатой рукѣ по воздуху надъ головою Августа Матвѣича.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Августъ Матвѣичъ волей-неволей пагнулъ къ разложенному на полу гардеробу ротмистра и сталъ трогать вещи для вида.

Голыя пятки по полу затоптали еще сильнѣе, и съ ихъ тушымъ выстукиваніемъ раздавался задуманный, шипящій со свистомъ голосъ:

— Не такъ ищутъ, не такъ! Держите меня, или я ки-нусь на него и задушу его, если онъ не будетъ насъ обыскивать какъ слѣдуетъ!

— Ротмистръ былъ буквально внѣ себя и такъ весь трясся отъ гнѣва, что даже дрожалъ густой черной мохъ на подмышкахъ его мускулистыхъ рукъ, которыя онъ теперь судорожно сжалъ снова надъ своею головою.

Полякъ, однако, оказался молодцомъ и нимало не сробѣлъ передъ бѣшеннымъ порывомъ ротмистра: онъ окинулъ спокойнымъ взглядомъ его лицо и его подмышки, въ которыхъ, точно, будто дрожали двѣ черныя крысы, и сказалъ:

— Извольте, — и хотя я увѣренъ, что вы несомнѣнно честный человекъ, я, по вашему требованію, буду обыскивать васъ какъ вора.

— Да, чортъ возьми, — я честный человекъ, и я непремѣнно требую, чтобы вы обыскали меня *какъ вора!*

Августъ Матвѣичъ его обыскалъ и, разумѣется, ничего не нашель.

— Итакъ, я чистъ отъ подозрѣній, — сказалъ ротмистръ. — Прошу другихъ слѣдовать моему примѣру.

Другой офицеръ раздѣлся, и его обыскали такимъ же образомъ, потомъ третій, и такъ всѣ мы по очереди уже позволили себя осмотрѣть, и оставался еще необысканнымъ только одинъ Салпа, какъ вдругъ въ ту самую минуту, когда до него дошла очередь, въ дверь изъ коридора раздался стукъ.

Мы всѣ вздрогнули.

— Не пускать никого! — скомандовалъ ротмистръ.

Стукъ повторился настойчивѣе.

— Да какой это чортъ тамъ ломится? Мы не можемъ пустить никого посторонняго на этокое срамное дѣло. Кто бы это ни былъ — прогнать его къ дьяволу.

По стукъ снова повторился и вмѣстѣ съ тѣмъ послышался знакомый голосъ:

— Прошу отворить, — это я.

Голосъ принадлежалъ нашему полковнику.

.

Офицеры переглянулись.

— Откройте же, господа, двери, — просилъ полковникъ.

— Откройте! — сказалъ, застегиваясь, ротмистръ.

Двери отперли, и командиръ, очень мало нами любимый, вошелъ пріятельски съ рѣдко посѣщавшей его лицо ласковой улыбкой.

— Господа! — заговорилъ онъ, не успѣвъ оглядѣться, — у меня дома все благополучно, и я, послѣ пережитыхъ мною тревожныхъ минутъ, вышелъ пройтись по воздуху и, зная ваше товарищеское желаніе раздѣлить мою семейную радость, самъ зашелъ сказать вамъ, что мнѣ Богъ далъ дочь!

Мы стали его поздравлять, но поздравленія наши, разумѣется, были не такъ живы и веселы, какъ полковникъ въ правѣ былъ ожидать по тому, что узналъ о тронувшихъ его нашихъ сборахъ, и онъ это замѣтилъ, — онъ окинулъ своими желтыми глазами комнату и остано­вилъ ихъ на по­стороннемъ человѣкѣ.

— Кто этотъ господинъ? — спросилъ онъ тихо.

Ротмистръ ему отвѣчалъ еще тише и сейчасъ же въ короткихъ словахъ передалъ нашу смутительную исторію.

— Какая гадость! — воскликнулъ полковникъ. — И чѣмъ же это кончено, или до сихъ поръ еще не кончено?

— Мы всё заставили его насъ обыскать и къ вашему приходу остался необысканнымъ только одинъ корнетъ N.

— Такъ кончайте это! — сказала полковникъ и сѣлъ на стулъ посреди комнаты.

— Корнетъ N, ваша очередь раздѣться, — позвалъ рот­мистръ.

Саша стоялъ у окна со сложенными на груди руками и ничего не отвѣчалъ, но и не трогался съ мѣста.

— Что же вы, корнетъ, — развѣ не слышите? — позвалъ полковникъ.

Саша двинулся съ мѣста и отвѣтилъ:

— Господинъ полковникъ и всё вы, господа офицеры, — клянусь моею честью, что я денегъ не красть...

— Фуй, фуй! къ чему такая ваша клятва! — отвѣчалъ полковникъ: — всё вы здѣсь выше всякихъ подозрѣній, но если товарищи ваши постановили сдѣлать, какъ они всё сдѣлали, то то же самое должны сдѣлать и вы. Пусть этотъ господинъ васъ обыщетъ при всѣхъ — и затѣмъ начнется другое дѣло.

— Я этого не могу.

— Какъ?.. чего не можете?

— Я денегъ не красть и у меня ихъ нѣтъ, но я обыскать себя не позволю!

Послышался недовольный шопотъ, говоръ и движеніе.

— Что это? Это глупо... Почему же мы всё позволили себя обыскать?..

— Я не могу.

— Но вы должны это сдѣлать! Вы должны, наконецъ, понять, что ваше упрямство усиливаетъ унижительное для всѣхъ насъ подозрѣніе... Вамъ должна, наконецъ, быть дорога если не ваша честь, то честь всѣхъ вашихъ товарищей, — честь полка и мундира!.. Мы всё отъ васъ требуемъ, чтобы вы сейчасъ, сію минуту раздѣлись и дали себя обыскать... И какъ поведеніе ваше уже усилило подозрѣніе, то мы рады случаю, что вы можете быть обысканы при полковникѣ... Извольте раздѣваться.

— Господа! — продолжалъ блѣдный, покрывшійся холоднымъ потомъ юноша: — я денегъ не бралъ... Я вамъ клянусь въ томъ отцомъ и матерью, которыхъ люблю больше всего на свѣтѣ. И на мнѣ денегъ этого господина нѣтъ, но я сейчасъ вышибу эту раму и брошусь на улицу, но не раздѣнусь ни ради чего на свѣтѣ. Этого требуетъ *честь*.

— Какая честь! что за честь можетъ быть выше чести общества... чести полка и мундира... Чья это честь?

— Я вамъ не скажу больше ни слова, но я не раздѣнусь, и у меня въ карманѣ есть пистолетъ, — я предупреждаю, что выстрѣлю во всякаго, кто захочетъ меня тронуть силою.

Юноша, говоря это, то блѣднѣлъ, то горѣлъ весь какъ въ огнѣ, задыхался и блуждающимъ взоромъ глядѣлъ на дверь съ томлящимъ желаніемъ вырваться, между тѣмъ какъ въ рукѣ его, опущенной въ карманъ рейтузъ, щелкнулъ взведенный пальцемъ курокъ.

Словомъ, Саша былъ внѣ себя, и этимъ экстазомъ онъ остановилъ весь потокъ направленныхъ къ нему убѣждений и всѣхъ заставилъ задуматься.

Полякъ первый обнаружилъ къ нему самое большее и даже трогательное участіе. Забывая свое уединенное и вполне невыгодное, нерасполагающее положеніе, онъ съ выраженіемъ какого-то заразительнаго ужаса закричалъ:

— Проклятье! проклятье этому дню и этимъ деньгамъ! Я не хочу, я не ищу ихъ, я о нихъ не жалѣю, я никому никогда ни одного слова не скажу объ ихъ пропажѣ, но только ради создавшаго васъ Саваооа, ради страдавшаго за правду и милость Христа, ради всего, что кому-нибудь изъ васъ жалко и дорого, — отпустите этого *младенца*...

Онъ сказалъ именно «младенца» вмѣсто юноши, и вдругъ совершенно инымъ, какъ будто изъ какихъ-то глубокихъ пѣдръ души исходящимъ голосомъ добавилъ:

— Не *ускоряйте* рока... Развѣ вы не видите, куда идетъ онъ...

А онъ, т. е. Саша, дѣйствительно, въ это время шелъ, или, лучше сказать, пробирался мимо офицеровъ къ двери.

Полковникъ слѣдилъ за нимъ желтыми бѣлками своихъ глазъ и проговорилъ:

— Пусть уходитъ...

И потомъ онъ еще тише добавилъ:

— Я, кажется, что-то понимаю.

Саша достигъ порога, остановился и, оборотясь ко всѣмъ лицомъ, сказалъ:

— Господа! я знаю, какъ я оскорбилъ васъ и какъ дурень долженъ быть въ глазахъ всякаго мой поступокъ. Простите!.. я иначе поступить не могъ... Это моя тайна... Простите!.. Это честь...

Голосъ его заволновался,—точно въ немъ задрожали чистыя дѣтскія слезы, и онъ застыдилъ ихъ,—захотѣлъ ихъ скрыть, — онъ закрылъ ладонью глаза, крикнулъ: «прощайте!» и выбѣжалъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Очень трудно излагать такія происшествія передъ спокойными слушателями, когда и самъ уже не волнуешься пережитыми впечатлѣніями. Теперь, когда надо рассказать то, до чего дошло дѣло, то я чувствую, что это рѣшительно невозможно передать въ той живости и, такъ сказать, въ той компактности, быстротѣ и въ какомъ-то натискѣ событій, которыя другъ друга гнали, толкали, мостились одно на другое, и все это для того, чтобы глынуть съ какой-то роковой высоты на человѣческое малоуміе и снова разлиться гдѣ-то въ природѣ.

Если вы читали, что писалъ Жаколиу, или пишеть о загадочныхъ вещахъ наша соотечественница Рада-Бай, то вы, можетъ-быть, прислушались къ тому, что она повѣствуетъ о «психической силѣ» у индусовъ и о зависимости этой силы отъ «умственного настроенія». Психическая сила, можетъ-быть, есть и въ томъ франтѣ, который проходитъ

по тротуару, помахивая тросточкой и насвистывая из Орфея: — «И в-о-т-ъ м-ы или,—и в-о-т-ъ м-ы или». Но подите-ка, докопайтесь въ немъ, гдѣ у него завалена эта сила, да и къ чему ее приложить можно. Екклезіастъ преграссно представляетъ это въ примѣрѣ тѣни, падающей отъ дерева по направленію получаемаго освѣщенія... Въ общей суматохѣ всѣ метутся и принимаютъ за важнѣйшее то, что вовсе не важно, а одинъ иначе настроенный взглядъ видитъ и замѣчаетъ настоящее и самое главное въ эту минуту,—и вотъ вамъ «психическая сила».

Во мнѣ какъ будто сверкнулъ какой-то маленькій ея клочокъ, когда выбѣжалъ Саша. Что-то было страшное въ его движеніи и въ оборотѣ, — въ быстромъ скачкѣ — не скачкѣ, а въ какомъ-то отдаленіи, — словно онъ оторвался и унесся безслѣдно... Даже шаговъ его не было слышно по коридору, а только что-то прошумѣло... Полякъ сразу же бросился вслѣдъ за нимъ... Мы думали, что онъ хочетъ его настичь и обличить въ кражѣ, такъ какъ Саша, если помните, имѣлъ роковое несчастье заходить еще ранѣе ошибкою въ его комнату и, стало-быть, становился еще подозрительнѣе по отношенію къ пропавшимъ деньгамъ (а мы всѣ уже волею-неволею вѣрили въ то, что деньги были и пропали). Нѣсколько человѣкъ сдѣлали быстрое движеніе, чтобы преградить Августу Матвѣвичу путь къ двери, а полковникъ крикнулъ ему:

— Остановитесь, милостивый государь, ваши деньги будутъ вамъ заплачены!

Но полякъ съ удивительною силою отбросилъ офицеровъ, а полковнику крикнулъ въ отвѣтъ:

— Пусть чортъ возьметъ деньги!—и выбѣжалъ вслѣдъ за Сашей.

Тутъ только всѣ мы вспомнили свой непростительный промахъ, что, дозволяя обыскивать самихъ себя, мы не потребовали того же самаго отъ причинившаго намъ все это безнокойство поляка, и кинулись за нимъ, чтобы схватить его и не дать ему возможности спрятать деньги и потомъ взвести на насъ унижительную клевету; но въ это самое мгновеніе, которое шло быстрѣе и кратче, чѣмъ идетъ мой рассказъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи изъ коридора послышался какъ будто ударъ въ ладоши...

Насъ прожгла мысль, что полякъ оскорбилъ Сашу уда-

ромъ въ лицо, и мы кинулись на помощь къ товарищу, но... помощь ему была бесполезна...

Въ дверяхъ передъ нами стояла, колеблясь, длинная часовая фигура Августа Матвѣича съ грагамовскимъ циферблатомъ, на которомъ всѣ стрѣлки упали книзу...

— Поздно,—прохрипѣлъ онъ:—онъ застрѣлился.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Мы бросились толпою въ маленькій номерокъ, который занималъ Саша, и увидели поражающую картину: посреди комнаты, освѣщенной одною догоравшею свѣчкой, стоялъ блѣдный, испуганный денщикъ Саши и держалъ его въ своихъ объятіяхъ, межъ тѣмъ какъ голова Саши лежала у него на плечѣ. Руки его повисли какъ плети, но согнутыя въ колѣнахъ ноги еще дѣлали такія судорожныя движенія, какъ будто его щекотали и онъ смѣялся.

Исторія о деньгахъ, которая довела до всего этого или, по крайней мѣрѣ, подослѣла къ тому, чтобы подтвердить причинность появленія «Гиппократовыхъ чертъ» на юномъ лицѣ бѣднаго Саши, была позабыта... Опасеніе скандала тоже отодвинулось Богъ вѣсть куда, — всѣ забѣгали, засуетились, укладывали раненаго на постель, требовали докторовъ и хотѣли помочь ему, бывшему уже вѣдь всякихъ средствъ для помощи... Старались унять кровь, въ изобиліи стремившуюся изъ раны, нанесенной большою пулею въ самое сердце, звали его по имени и кричали ему на ухо: «Саша! Саша! милый Саша!..» Но онъ, очевидно, ничего не слышалъ, — онъ гасъ, холодѣлъ и черезъ минуту вытиснулся на кровати какъ карандашъ.

Многіе плакали, а денщикъ рыдалъ навзрыдъ... Изъ толпы къ трупу протѣснился коридорный Марко и, вѣрный своему набожному настроенію, сказалъ тихо:

— Господа, это не хорошо надъ отходящей душою плакать. Лучше молитесь, — и съ этимъ онъ раздвинулъ насъ и поставилъ на столъ глубокую тарелку съ чистою водою

— Это что?—спросили мы Марка.

— Вода,—отвѣчалъ онъ.

— Зачѣмъ она?

— Чтобы омылась и окунулась его душа.

И Марко поправилъ самоубійцу навзничь и сталъ заводить ему глазныя вѣки...

Мы всё крестились и плакали, а денщикъ упалъ на колѣна и билъ лбомъ о-поль, такъ что это было слышно.

Прибѣжали два доктора,—нашъ полковой и полицейскій, и оба, какъ нынче по-русски говорятъ, «констатировали фактъ смерти...»

Саша умеръ.

За что? за кого онъ убилъ себя? Гдѣ деньги, кто воръ, который укралъ ихъ? Что будетъ дальше съ этой исторіей, которая разлетѣлась какъ выпущенная на вѣтеръ пуховая подушка и ко всёму къ намъ липла?

Все это мѣшалось и головы шли кругомъ, но мертвое тѣло умѣетъ отвлечь все вниманіе и заставить прежде всего заботиться о себѣ.

Въ номерѣ Саши появились полицейскіе и лѣкаря съ фельдшерами и стали писать протоколъ. Мы оказались лишними и насъ попросили удалиться. Его раздѣвали и осматривали его вещи при однихъ понятыхъ, въ числѣ которыхъ былъ коридорный Марко и нашъ полковой докторъ, да одинъ офицеръ въ видѣ депутата. Денегъ, разумѣется, не нашли.

Подъ столомъ оказался пистолетъ, а на столѣ листокъ бумаги, на которомъ наскоро, торопливымъ почеркомъ Саша написалъ: «Папа и мама, простите—я невиненъ».

Для того, чтобы написать это, требовалось, разумѣется, двѣ секунды.

Денщикъ, который былъ свидѣтелемъ смерти Саши, говорилъ, что покойный вѣжалъ,—не садясь къ столу, стоя написалъ эту строчку и сейчасъ же, стоя, выстрѣлилъ себѣ въ грудь и упалъ ему на руки.

Солдатъ много разъ передавалъ этотъ рассказъ въ неизмѣнной редакціи всёму, кто его спрашивалъ, и потомъ стоялъ молча, моргая глазами; но когда подошелъ къ нему Августъ Матвѣичъ и, взглянувъ ему въ глаза, хотѣлъ его разспрашивать болѣе подробно, денщикъ отвернулся отъ него и сказалъ ротмистру:

— Дозвольте, ваше высокоблагородіе, мнѣ выйти обмыться, на моихъ рукахъ кровь христіанская.

Ему разрѣшили выйти, потому что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ сильно залитъ кровью,—что являло видъ тяжелый и ужасный.

Все это происходило еще на разсвѣтѣ, и заря уже чуть алѣла—свѣтъ уже чуть пробивался въ окна.

Въ номерахъ, занятыхъ офицерами, всѣ двери въ коридоръ были открыты и вездѣ еще горѣли свѣчи. Въ двухъ-трехъ комнатахъ сидѣли, опустя руки и головы, офицеры. Всѣ они были похожи теперь болѣе на мумій, чѣмъ на живыхъ людей. Пьяный чадъ унесся какъ туманъ, не оставивъ и слѣда... На всѣхъ лицахъ выразалось отчаянье и горе...

Бѣдный Саша, — если бы духъ его могъ интересоваться земнымъ, — конечно, долженъ бы найти утѣшеніе въ томъ, какъ всѣ его любили и какъ всѣмъ больно было пережить его, столь молодого, столь цвѣтущаго и полного жизнью!

А на немъ тяготѣло подозрѣніе... ужасное, гнусное подозрѣніе... Но кто бы посмѣлъ напомнить теперь объ этомъ подозрѣніи усачамъ, по опустившимся лицамъ которыхъ струились слезы...

— Саша! Саша! бѣдный, юный Саша! что ты съ собой сдѣлалъ? — шептали уста и вдругъ сердце останавливалось и предъ всякимъ изъ насъ вставалъ вопросъ: и ты тоже не виноватъ ли въ этомъ? Развѣ ты не видѣлъ, *какой онъ былъ?* Развѣ ты остановилъ другихъ, чтобы къ нему не приставали? Развѣ ты сказалъ, что ты ему вѣришь, что ты уважаешь неприкосновенность его тайны? Саша! бѣдный Саша! И что это за тайна, которую унесъ онъ съ собою въ тотъ міръ, куда онъ предсталъ теперь съ явной разгадкой погубившей его тайны... О, онъ чистъ, конечно, онъ чистъ отъ этого гнуснаго подозрѣнія и... проклятіе тому, кто довелъ его до этого поступка!

А кто довелъ?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Комната Августа Матвѣича была отворена въ коридоръ точно такъ же, какъ и всѣ офицерскія комнаты, но въ ней не было зажженой свѣчи, и при слабомъ разсвѣтѣ тамъ едва можно было отличить щегольской чемоданъ и другія дорожныя вещи. Въ углу комнаты стояла слегка смятая постель.

Проходя мимо этой комнаты, непременно хотѣлось остановиться и поглядѣть издали: что въ ней такое? Откуда и за что на насъ нанесло такую напасть?

Меня лично тянуло зайти сюда и поискать, нѣтъ ли пропавшихъ денегъ здѣсь — не засунуль ли ихъ куда-нибудь самъ пострадавшій и потомъ позабылъ и развелъ всю эту исторію, стоившую намъ столькихъ тревогъ и потери прекраснаго, молодого товарища. Я даже склоненъ былъ исполнить это: я хотѣлъ вскочить въ номеръ поляка и поискать, и съ этимъ приблизился къ двери, но, по счастію, неосторожное легкомысліе мое было остановлено неожиданнымъ предупрежденіемъ.

Изъ конца коридора, съ той стороны, гдѣ былъ просторный ротмистерскій номеръ, въ которомъ ночью шла игра и попойка, послышалось нѣсколько голосовъ:

— Куда? Куда?.. Еще этой глупости не доставало!

Я сконфузился и оробѣлъ. Мнѣ вдругъ ясно представилась моя опрометчивость и опасность, которой я подвергалъ себя быть заподозрѣннымъ въ особенной близости къ этому дѣлу.

Я перекрестился и ускореннымъ шагомъ пошелъ въ тотъ уголь, откуда донеслись ко мнѣ предостереженіе меня голоса.

Здѣсь, у полутемнаго еще окна, выходившаго на сѣверъ, на грязномъ войлокѣ, покрывавшемъ грязный же коникъ, служившій постелью ротмистерскаго денщика, сидѣли три ямши офицера и нашъ полковой батюшка съ залетеной косою и широчайшею русою бородою, за которую мы его звали «отецъ Барбаросса». Онъ былъ очень добрый человекъ, принимавшій участіе во всѣхъ полковыхъ интересахъ, но все выражавшій всегда безъ словъ, однимъ лишь многозначительнымъ качаніемъ головы и повтореніемъ короткой частицы «да». Говорилъ онъ только въ случаѣ крайней необходимости и тогда отличался находчивостью.

Три офицера и батюшка курили вмѣстѣ изъ двухъ трубокъ, затягиваясь поочередно и заѣмъ передавая ихъ для потребы ближняго. Батюшка помѣщался посерединѣ группы, и потому трубки шли черезъ него и сирава, и слѣва, — отчего онъ получалъ двойную противъ всѣхъ долю наслажденія и притомъ еще увеличивалъ его тѣмъ, что послѣ всякой сильной затяжки закрывалъ себѣ все лицо своею бородою и выпускалъ изъ себя дымъ съ большою медлительностію сквозь этотъ удивительный респираторъ.

Коникъ, на которомъ сидѣли эти добрые люди, приходился вблизи ротмистерскихъ дверей, которыя теперь были

заперты на ключъ, и за ними шла оживленная, но очень сдержанная бесѣда. Слышенъ былъ говоръ и перемѣнявшіяся реплики, но нельзя было разобрать ни одного слова.

Тамъ, запершись на ключъ, находились теперь нашъ полковой командиръ, нашъ ротмистръ и виновникъ всѣхъ нашихъ сегодняшнихъ бѣдъ, Августъ Матвѣичъ. Они вошли въ эту комнату по приглашенію полковника и о чемъ они тамъ хотѣли говорить — никому не было извѣстно. Три офицера и батюшка заняли ближайшую къ комнатѣ позицію сами, — по собственному побужденію и по собственной предусмотрительности, изъ опасенія, чтобы не оставить своихъ безпомощными въ случаѣ, если объясненія примутъ острый характеръ.

Опасенія эти были, однако, напрасны: разговоръ, какъ я уже сказалъ, шелъ въ приличномъ тонѣ, который все болѣе смягчался и, наконецъ, даже послышались ноты дружественности и задушевности, — вслѣдъ затѣмъ раздалось движеніе стульевъ и шаги двухъ человѣкъ, приближавшихся къ двери.

Повернулся ключъ, и въ открытыхъ дверяхъ показались нашъ командиръ и Августъ Матвѣичъ.

Выраженіе ихъ лицъ было если не спокойное, то вполнѣ мирное и даже дружественное.

Полковникъ пожалъ на порогъ руку поляка и сказалъ:

— Очель радъ, что могу пигать къ вамъ тѣ чувства, которыя вы сумѣли внушить мнѣ при такихъ ужасныхъ обстоятельствахъ. Прошу вѣрить моей искренности такъ же, какъ я вѣрю вашей.

Полякъ съ достоинствомъ отвѣтилъ ему поклономъ и молча направился въ свою комнату, а полковникъ обратился къ намъ и сказалъ:

— Я спѣшу домой. Прошу васъ всѣхъ войти къ ротмистру и отъ него узнать, — чего мы всѣ должны держаться.

Съ этимъ полковникъ кивнулъ намъ головою и пошелъ къ выходу, а мы всѣ, сколько насъ было, наполнили номеръ ротмистра прежде, чѣмъ внизу прогремѣлъ блокъ выходной двери, затворившейся за нашимъ командиромъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Нашъ ротмистръ былъ прекрасный человѣкъ, но нервякъ, вспыльчивый и горячка. Онъ былъ находчивъ и умелъ, но

не отличался умѣнемъ владѣть собою и даръ краснорѣчія имѣлъ чисто военный,—онъ болѣе внушалъ, чѣмъ излагалъ и рассказывалъ.

Таковъ же точно онъ былъ и въ эту минуту, когда мы его застали срывающимъ съ себя галстукъ и мечущимъ на всѣхъ сердитые взгляды.

— Что?.. хорошо случилось? — обратился онъ къ батюшкѣ.

Тотъ отвѣчалъ: «да, да, да», и покачалъ головою.

— То-то и есть — «да, да, да». Добрыя занятія довели и до добрыхъ послѣдствій.

Батюшка опять протянуть: «да, да, да».

— А вѣдь это ваше бы дѣло...

— Что такое?

— Внушить нашему брату совѣмъ другое настроеніе...

— Да.

— А вы никакого вліянія не имѣете.

— Говори пустяки.

— Нечего «пустяки». Чего вы теперь явились?—теперь надо дьячка псалтырь читать и ничего болѣе.

— Да въ чемъ дѣло-то... что дѣлать-то далѣе? — стали приступать наши.—Полковникъ ушелъ—вы пылите и батьку распекаете... Развѣ мы, въ самомъ дѣлѣ, его внушаемъ, что ли, стали бы слушать... А гдѣ теперь полякъ? Чортъ знаетъ, были ли у него деньги, — что онъ одинъ теперь у себя въ комнатѣ дѣлаетъ? Говорите, пожалуйста,—что рѣшено? Кто же обидчикъ, кто злодѣй?

— Чортъ злодѣй, чортъ! Другого никого нѣтъ,—отвѣчалъ ротмистръ.

— Но самъ этотъ панъ...

— Этотъ панъ внѣ всякихъ подозрѣній...

— Кто это вамъ открылъ?

— Мы сами, господа, мы сами: я и вашъ полковой командиръ сами за него ручаемся. Мы не говоримъ вамъ, что онъ честнѣйшій человекъ, но мы ясно видимъ, что онъ говоритъ правду,—что деньги у него были и пропали. Ихъ могъ взять только чортъ... А что онѣ были — это доказывается тѣмъ, что командиръ, желая избѣжать скандальной огласки, здѣсь при мнѣ предложилъ ему сегодня же получить отъ него сполна всѣ двѣнадцать тысячъ, лишь бы не было дѣла и разговоровъ,—и онъ отказался...

— Отказался?..

— Да; и *мало того*, что отказался, но онъ самъ вызвался никому не жаловаться на пропажу и ни передъ кѣмъ не упоминать объ этомъ проклятомъ происшествіи. Словомъ, онъ велъ себя такъ честно, благородно и деликатно, какъ только можно пожелать.

— Да, да, да!—протянулъ батюшка.

— Да, и мы съ полковникомъ дали ему слово, что и мы, и вы будемъ питать къ нему полную довѣренность и станемъ считать себя всѣ его должниками въ теченіе года, — и если, по истеченіи года, ничто не разъяснится и деньги не отыщутся, тогда мы платимъ ему двѣнадцать тысячъ, а онъ ихъ тогда далъ согласіе взять...

— Разумѣется, мы это принимаемъ и будемъ передъ нимъ исправны въ нашемъ долгѣ,—подхватили офицеры.

— Но, господа, — продолжалъ ротмистръ, понизивъ голосъ: — онъ увѣренъ, что мы и не будемъ платить, — онъ почему-то утверждаетъ, что *эти деньги найдутся*. Онъ говоритъ объ этомъ такъ твердо и съ такою увѣренностію, что если только вѣрно, что вѣра можетъ переставлять горы,—то его увѣренность должна сбыться... Да, да, — она должна сбыться, ибо это цѣна крови... Онъ передалъ, просто сказать, онъ перелилъ эту вѣру въ насъ съ полковникомъ, и хотя онъ просилъ насъ, чтобы мы его обыскали, но и я, и полковникъ отъ этого отказались... Вамъ оставляю сдѣлать, чтò вамъ угодно, — онъ пошелъ въ свой номеръ и будетъ ждать васъ тамъ безъ выхода, чтобы вы его обыскали. Можете. Но условіе у насъ одно: мертвое молчаніе объ этомъ передъ всѣми. На это я требую отъ васъ честное слово.

Мы дали честное слово и номеръ Августа Матвѣича обыскивать не пошли, а только зашли къ нему наскоро пожать его руку.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

А тѣмъ не менѣе во всѣхъ осталось полное тяжелое недоумѣніе и скорбь о человѣкѣ, а тамъ надъ бѣднымъ Сашей производилось вскрытіе; написанъ фальшивый по существу актъ о томъ, что онъ «лишилъ себя жизни въ припадкѣ умопомѣшательства»; батяка отиѣлъ панихиду и дычокъ тянетъ монотонно псалтырь: «имъ же образомъ же-

ласть елень на источники водные, сице жаелаетъ душа мол
ко Богу крѣпкому, Богу благодѣвшему мнѣ».

Томленье духа. Ходишь-ходишь, куришь до безчувствія
и уйдешь и заплачешь. Какая юность, какая свѣжесть
угасла!.. Вотъ именно «вкусилъ мало меду и умеръ».

Всѣ мы боевые или, по крайней мѣрѣ, предназначенные
къ боямъ люди раскисли и размякли. Полякъ тоже не хотѣлъ
уѣзжать — онъ хотѣлъ проводить съ нами Сашу въ
могилу и видѣть его отца, за которымъ, рано утромъ, по-
слали и ждали его въ городъ къ вечеру.

Если бы не коридорный Марко, то мы бы забыли время
ѣсть и пить, но онъ бдѣлъ надъ нами и много дѣлалъ и
для покойника. Онъ его обмывалъ, одѣвалъ и рассказы-
валъ, что надо купить и гдѣ поставить, да и насъ угова-
ривалъ успокоиться.

— На все воля Господня!—говорилъ онъ:—мы всѣ какъ
травя.

И сейчасъ же опять бѣжалъ по другимъ дѣламъ. Другіе
слуги подъ какимъ-то предлогомъ были арестованы и въ
вещахъ ихъ былъ сдѣланъ обыскъ. Денщика покойнаго
Саша тоже обыскали и даже допросили: не передалъ ли
ему чего-нибудь передъ своею смертью самоубійца.

Соддать, казалось, не сразу понялъ этотъ вопросъ, но
потомъ отвѣчалъ:

— Его благородіе никакихъ денегъ мнѣ не передавалъ.

— Ты помнишь, что тебѣ можетъ быть за утайку?

— Какъ же-съ, помню.

Разумѣется, все это спрашивали не мы, а слѣдственные
власти, которымъ нельзя увлекаться щекотливостью.

Денщика отпустили, и онъ тотчасъ же ушелъ и сталъ
чистить запасные Сашины сапоги.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Вечеромъ пріѣхалъ отецъ. Онъ былъ очень милостивый
и совсѣмъ еще не старій,—не болѣе лѣтъ пятидесяти двухъ
или трехъ. Манера держаться у него была военная, и онъ
былъ въ отставномъ военномъ сюртукѣ, со шпорами, но
безъ усовъ. Мы его никогда ранѣе не видали и потому не
замѣтили, какъ онъ вошелъ въ комнату сына, а узнали его
уже тогда, когда онъ оттуда вышелъ.

Онъ съ пріѣзда спросилъ денщика, и тотъ цовель его

и оставался съ нимъ одинъ на одинъ, съ глазу па глазъ при покойникѣ около 2—3 минутъ. И послѣ этого короткаго времени отецъ вышелъ къ намъ въ залъ, имѣя видъ, поразившій насъ своимъ тихимъ величіемъ.

— Господа! я представляюсь вамъ, — началъ онъ, кланяясь: — я отецъ вашего несчастнаго товарища. Мой сынъ умеръ, онъ убилъ себя... онъ оспротилъ меня и свою мать... *но онъ не могъ поступить, господа, иначе...* Онъ умеръ какъ честный и благородный молодой человекъ и... и... это то, въ чемъ я увѣряю васъ и... въ чемъ я самъ буду искать себѣ утѣшенія...

Съ этими словами сразу обаявшій насъ старикъ унелъ на стулъ къ круглому столу и, закрывъ лицо руками, звонко заплакалъ какъ ребенокъ.

И успѣшилъ подать ему дрожащею рукою стаканъ воды.

Онъ принялъ ее, проглотилъ два глотка и, ласково сжавъ мою руку, молвилъ:

— Благодарю васъ всѣхъ, господа.

А потомъ обмахнулся платкомъ и сказалъ:

— Не то еще... Я что такое? Но жена, жена какъ узнаетъ!.. Материнское сердце не вынесетъ.

И онъ опять утерся платкомъ и поѣхалъ «представиться полковнику».

Полковнику онъ сказалъ тоже, что Саша «умеръ какъ должно честному и благородному молодому человеку», и что «иначе онъ поступить не могъ».

Полковникъ глядѣлъ на него въ упоръ долго, кусая, по своему обычаю, маленькій леденецъ, и потомъ сказалъ:

— Вы знаете, что этому предшествовало одно несчастное обстоятельство... Мы съ вами вѣдь въ свойствѣ и потому я вамъ могу и долженъ сказать все. Я ничему не вѣрю, но поведеніе кюрнета было-таки странно...

— О, оно было совершенно необходимо, полковникъ...

— И вѣрю, но если бы вы могли приподнять передъ моими глазами хоть уголокъ завѣсы, закрывающей эту тайну...

— Не могу, полковникъ.

Полковникъ пожалъ плечами.

— Что дѣлать, — сказалъ онъ: — пусть все такъ остается.

— Кромѣ одного, полковникъ. Деньги княжескому управителю полкъ платить не будетъ, потому что ихъ плачу я. Это мое грустное право.

— Не смѣю спорить.

И отецъ Саши, дѣйствительно, въ тотъ же самый день съ глазу на глазъ подалъ Августу Матвѣичу двѣнадцать тысячъ.

Полякъ взялъ пачку и, сказавъ: «никогда!» — положилъ ее снова въ карманъ старика, и они сѣли другъ противъ друга, и оба стали плакать.

— Великій Боже! великій Боже!—воскликала старикъ:— все это такое честное, такое благородное, — и между тѣмъ есть же злодѣй, который здѣсь что-то сдѣлалъ.

— И онъ найдется.

— Да; но сынъ мой не воскреснетъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

А въ чемъ же была тайна?

Чтобы разсказъ сталъ наконецъ понятнымъ, — надо нескромно раскрыть ее.

На груди Саши былъ акварельный портретъ его милой розовой кузины Ани, которая была теперь его полковницей и дала жизнь новому человѣческому существу въ то самое мгновеніе, когда Саша самовольно разрѣшилъ себя отъ жизни.

Этотъ портретъ былъ залогъ не столько страстной любви, какъ свѣтлой дѣтской дружбы и цѣломудренныхъ обѣтовъ; но когда розовая Аня сдѣлалась женой полковника, и тотъ сталъ ревновать ее къ кузену, — Саша почувствовалъ себя въ томленьяхъ Донъ-Карлоса. Онъ довелъ эти мѹки до помрачающихъ терзаній и... въ эту-то пору подвернулся случай съ деньгами и съ обыскомъ, къ которому, какъ на грѣхъ, подошелъ полковникъ.

Саша не выдалъ тайны кузины.

Держа уже ниспослеть у груди, онъ подалъ этотъ портретъ денщику и сказалъ:

— Богомъ заклинаю—отдай отцу.

Тотъ и отдалъ его черезъ гробъ покойнаго.

Отецъ сказалъ, что его сынъ «умеръ, какъ должно честному и благородному молодому человѣку».

Портретикъ былъ чистый, невинный, даже мало схожій съ тою, кого изображалъ онъ, съ дробною надписью: «милому Сашѣ его вѣрная Аня».

И ничего болѣе...

Это теперь смѣшно,—пожалуй даже глупо! Да, да; быть-можетъ, все это такъ. «Что ни время—то и птицы, что ни птицы—то и прѣсни». Я вамъ никого не аттестую и ничего не критикую, но только я насчетъ *интересности*, какъ ее женщины чувствуютъ.

Что это такое былъ корнетъ Саша? Такъ себѣ, ничего или очень мало, — розовый мальчикъ, дворянчикъ, бѣлогубый выкормочекъ въ мундирѣ. Ничего у него, никакихъ плѣнительныхъ даровъ, кромѣ дара молодости, и... безогляднаго *чувства личной чести женщины*... И вотъ подите-ка, что вы скажете: было ли тутъ передъ чѣмъ пасть и преклониться? А я вамъ расскажу, какъ пали и преклонялись.

Исторія той тайны, которую я вамъ сейчасъ по необходимости рассказалъ, въ городѣ тогда никто никому рассказать не могъ, потому что о ней только кое-что зналъ денщикъ, а вполне понималъ ее одинъ отецъ самоубійцы. Кромѣ того, явилось еще обстоятельство, которое не только могло, но и непременно должно было все это спутать, благодаря ошибкѣ Марка, который видѣлъ и, крестясь, рассказъ многимъ по секрету, какъ денщикъ покойнаго передать что-то тайно изъ рукъ въ руки его отцу. Что это могло быть такое, что одинъ изъ нихъ передалъ, а другой взялъ и спряталъ съ такою тайностію?.. Богъ знаетъ. Марко крестился и говорилъ:

— Не хочу брать на свою душу грѣха, — не могъ разсматривать, что именно такое, а только видѣлъ, что какой-то пакетецъ въ бумажкѣ переданъ.

Не это ли были деньги? Почему бы такъ не думать при тѣхъ смутныхъ обстоятельствахъ, которыя я вамъ описываю и которыя, какъ всякое подозрѣніе, становились чась отъ часу безтолковѣе и способнѣе распространять на все свою деморализующую подозрительность... Не всякій ли, имѣющій руки, имѣетъ и средства взять ими? Открыть вора — вотъ въ чемъ первая задача; не упустить малѣйшаго подозрительнаго признака—вотъ въ чемъ обязанность каждаго...

Да, каждаго, кто думаетъ, что желчные глаза подозрительности видятъ лучше, чѣмъ свѣтлое око растроганнаго сердца; но, къ счастью рода человѣческаго, ему доступны бываютъ и великія душевныя откровенія, когда люди какъ бы осязаютъ невидимую правду и, ничѣмъ не сдерживаемые,

стихийно стремятся почтить скорбью несчастье. Это своего рода священные бури, ниспосылаемые для того, чтобы разогнать стусившийся удушливый туманъ, — въ нихъ есть «дыханье свыше», въ нихъ есть откровенье, которому ясно все, что закрыто сплетеньемъ.

Марку даже не давали воли говорить о томъ, что онъ видѣлъ. Всѣ знали, что такое денщикъ передалъ отцу бѣднаго Саши: *это былъ женскій портретъ...* Въ этомъ ни на одно мгновеніе не хотѣла усомниться ни одна чело-вѣческая душа, — объ этомъ говорилъ свѣтъ, глядѣвшій въ окно, гдѣ совершилась съ глазу на глазъ таинственная передача; этимъ дышалъ воздухъ, объ этомъ разливался иѣсно жаворонокъ...

Похороны Саши были не торжественны и даже не трогательны, а онѣ были ужасны. Всѣ вы, господа, видали торжественныя погребенія съ тѣмъ, что называютъ «помощю»... Я не говорю о похоронахъ съ парадомъ, которыми, по моему мнѣнію, выражается только одна жалкая суета чело-вѣческая. Вспомните похороны Гоголя, о которыхъ мы читали такія прекрасныя описанія, похороны Некрасова и Достоевскаго, которыя называли «событіемъ въ исторіи». Все это, конечно, имѣетъ значеніе и, быть-можетъ, не лишено искренности, но только искренность-то тутъ слишкомъ загромождена чѣмъ-то ей постороннимъ. Я видѣлъ, какъ въ Москвѣ хоронили Скобелева... Тутъ больше чѣмъ гдѣ-нибудь прорывалось того, что отдаетъ настоящей скорбью, но — смѣйтесь надо мною, если вамъ угодно, а я, стоя тамъ, вспоминалъ и сравнивалъ тотъ значительно оригинальный день моей молодости, когда мы хоронили Сашу... Какое сравненіе! Тоже и ему, какъ офицеру, мы устроили по уставу «церемонію», но ее никто не видѣлъ и не замѣчалъ, хотя она и занимала самое видное мѣсто. То, что сдѣлала въ честь его истинная скорбь людей, устремившихся отовсюду, чтобы рыдать и терзаться при видѣ его молодого мертвенно-блѣднаго лица, подавило все и, кажется, самый воздухъ пропитало трепетомъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Никого не собирали на эти похороны, кромѣ эскадрона, въ которомъ служилъ покойникъ, но люди во множествѣ сами пришли отовсюду. Вдоль всего пути отъ гостиницы

вплоть до кладбищенской церкви стали люди разнаго положенія. Женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ. Имъ никто не внушалъ, о чемъ надо жалѣть, но онѣ сами знали, что надо оплакать, и плакали о погибшей молодой жизни, которая сама оборвала себя «за благородность». Да-съ, я вамъ употребляю то слово, какое всѣ говорили другъ другу.

— За благородство свое, голубчикъ, померь!

— Себя не пожалѣлъ для милаго сердца!

Стоитъ этакая подгородной слободы баба-тетеха и причитаетъ:

— Соколикъ ты ясный... жизньюку свою положилъ за благородность...

И, куда ни повернитесь, всѣ въ томъ же родѣ что-то тепло-тепло и фамиллярно лелечуть. Непремѣнно на «ты» и чтобъ поласковѣй,—будто до сердца обнимаешь.

— Крошка ты милый!.. молодой, благородный!..

— Ангель ты мой чувствительный!.. Какъ тебя не любить было!

И все такъ... Дворянки, купчихи, поповны, мѣщанки, горничныя и хоровыя цыганки, — и особенно эти послѣднія, какъ профессорныя и жрицы трагическаго стиля въ любви,— всѣ лелечуть дрожащими устами теплыя словца и плачуть о немъ, какъ о лучшемъ другѣ, какъ о собственномъ возлюбленномъ, котораго будто послѣдній разъ дергать и ластять у сердца.

А все вѣдь это женщины не ахти какія, и онѣ Сапу совсѣмъ и не знали, можетъ-быть, ни разу не видали, и, пожалуй, можетъ-быть, даже совсѣмъ ни за что и не полюбили бы его, когда бы знали его со всѣмъ, что въ немъ было хорошаго и дурнаго. А вотъ тутъ, когда онъ «за благородство», да за «милое сердце»,—тутъ уже нѣтъ ни минуты, чтобы разсуждать и отрезвлять себя какимъ-нибудь разсужденіемъ, а надо причитать и плакать... Вонъ изъ тѣла душа проснется...

Иннокентій однажды такъ всѣхъ тронулъ: вышелъ да вмѣсто ораторства говоритъ: «Онъ въ гробѣ—давайте плакать», вотъ и все, — и слезы льются и льются изъ глазъ. Это была какая-то общая трясовица сердець. Женщины вглядывались въ проносимое мимо лицо Саши (тамъ носить покойниковъ въ открытомъ гробѣ), и всѣ находили

его очень обыденное личико самымъ величественнымъ и прелестнымъ... «Такъ, говорятъ, и написано: «вѣрность до гроба!»

Что за дѣло, что, можетъ-быть, не совсѣмъ то было написано? Онѣ читали то, что видѣли ихъ глаза, — и этого довольно.

Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающій обманъ.

Губы нервно дрожатъ и лица мокры отъ слезъ; всѣ нѣжны, всѣ съ нимъ говорятъ:

— Усни, усни, мой страдальчикъ!

Въ церкви иное настроеніе, еще острѣе. Ораторское искусство и не дерзаетъ ни на минуту испортить тотъ священный строй, къ которому все выше и выше возводитъ сердца прѣснотворческой геній Дамаскина. Его поэтической вопль и жжетъ, и заживляетъ рану.

«Иду въ незнаемый я путь,
Иду межъ страха и надежды;
Мой взоръ угасъ, остыла грудь,
Не внемлетъ слухъ, сомкнуты вѣжды;
Лежу безгласенъ, недвижимъ,
Не слышу вашего рыданья,
И отъ кадила синій дымъ
Не мнѣ струить благоуханье.
Но, вѣчнымъ сномъ пока я сплю,
Моя любовь не умираетъ,
И ею всѣхъ я васъ молю,
Пусть каждый за меня взываетъ:
Господь! Въ тотъ день, когда труба
Вострубитъ міра преставленье,—
Прими усопшаго раба
Въ Твои блаженныя селенья».

И ужъ я вамъ, милостивые государи, доложу, что ужъ дѣйствительно... принадали съ этимъ къ Господу-то!.. Да вѣдь съ слезами-съ, съ какимъ плачемъ-съ!.. Какъ великъ грѣхъ Сампи-розна по богословской наукѣ — въ этомъ оплакивавшіе его были не знатоки, но ужъ умоляли «принять его въ блаженныя селенья» такъ неотступно, что я, право, не знаю, какъ тутъ согласить этотъ душевный вопль съ точными положеніями оной науки... Я бы въ этомъ запутался.

Пынце многіе укоряютъ нашихъ, что они очень плохіе ораторы. Не напрасно ли? Правда, что ораторы — плохіе,

да вѣдь не вездѣ хорошо говорить, гдѣ принято. Есть случаи, гдѣ просто лучше плакать, гдѣ вопли «прими» и «прости» пристойнѣй рацей, которыя иной какъ поидеть разводитъ, такъ и договорится до чего-нибудь такого, что либо оскорбляетъ разумъ, либо оскорбляетъ чувство. Вспомните Шиллеровскаго великаго инквизитора. За то я и люблю погребеніе по восточному чину. Приходятъ и уходятъ какъ-то... точно на зовъ пророка Исаи: «Приидите и стяжемся»... Но гдѣ тутъ стязаться? Кто побѣдитъ — ясно. А Ты вотъ все можешь, Ты призвалъ, Ты измѣнилъ зракъ и положилъ «красоту», какъ «неимущую вида», — такъ Ты же «забуди», «прости» и «презри» все, чѣмъ онъ не оправдалъ себя передъ Тобою.

«Все пепель, призракъ, тѣнь и дымъ,
Исчезнетъ все, какъ вихоръ пыльный.
Исчезнетъ все, что было плоть,
Величье наше будетъ глѣнье,—
Прими усопшаго, Господь,
Въ Твой блаженный селенья».

Снова все опять къ тому же и къ тому: «прости!»

Вспомнишь притчу о вельможѣ, который «никого не боялся и ничего не стыдился», а между тѣмъ, когда и къ такому усердно пристали, то и онъ сказалъ наконецъ: «сдѣлаю»,—и успокоился.

Онъ ли, Который Самъ создалъ ухо, чтобы все слышать, Онъ ли задремлетъ, Онъ ли уснетъ, Онъ ли не сдѣлаетъ, что просить голосъ столькихъ растроганныхъ душъ...

Пусть даже и «вѣрѣ могила темна», но ужъ пристойнѣе и трогательнѣе обходиться съ этимъ, какъ придумали обходиться восточные христіане, кажется невозможно. Со вкусомъ поэтъ былъ Дамаскинъ!

Еще случай тутъ вышелъ на Сашиныхъ похоронахъ со вдовою одного бывшаго вельможи. Это была дама родовитая, умная, очень воспитанная, а называлась она «змѣю». Кличка эта была глупая, змѣей эту даму звали не за зло, котораго она рѣшительно никому не дѣлала, а за презрительность, про которую говорили много. Она будто не любила ничего своего, русскаго — ни языка, ни вѣры, ни обычая, а все презирала, и презирала не съ легкомысліемъ, не съ фатовской замашкой, которыя легче

простить, — а прочно, глубоко и искренно, съ какимъ-то сознаниемъ. Она ничего не порицала и не отвергала, а считала все русское даже не заслуживающимъ вниманія... Она даже удивлялась, что географы на ландкартахъ Россію обозначаютъ... Такія дамы тогда были. А и эта, услыхавъ, что всѣ плачуть по какомъ-то офицерѣ, который «застрѣлился за благородство», — велѣла открыть двойную дверь на своемъ балконѣ, мимо котораго несли Сашу, и вышла съ лорнетомъ. Я ее помню: высокая, въ гранатовой шубкѣ на собольемъ мѣху, стоитъ и смотритъ въ лорнетъ.

А юный нашъ Саша, съ открытымъ лицомъ, словно оторванная вѣтка плыветъ передъ нею по люднымъ волнамъ.

«Змѣя» подавила вздохъ и сказала стоявшей съ ней англичанкѣ:

— Юность безумна вездѣ,—безуміе же иногда схоже съ геройствомъ, а геронизмъ нравится массѣ.

Англичанка отвѣчала:

— О, yes!—и при этомъ прибавила, что ее интересуется замѣчаемое дружное, всеобщее чувство. «Змѣя» изъ деликатности къ желанію чужестранки согласилась пойти въ церковь, гдѣ надо всѣмъ поставить послѣднюю точку молотокъ гробовщика по гробовой крышкѣ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Противъ всякихъ законовъ архитектоники и экономіи въ постройкѣ разсказа, я при концѣ его ввелъ это новое лицо и долженъ еще сказать вамъ объ этой дамѣ, чтобы вы знали, до чего она была язвительна. Когда супругъ ея былъ на землѣ, они однажды принимали у себя такое лицо, передъ которымъ хозяишъ хотѣлъ показаться въ блескѣ своего значенія, а она презирала мужа, какъ и всѣхъ, или, можетъ-быть, немножко болѣе. Мужъ это зналъ и запросилъ у нея пардона. Только одного просилъ: «Не опровергайте меня». Она посмотрѣла на него и согласилась.

— Я даже готова васъ поддержать.

Мужъ ей поклонился на этомъ. Высокій гость былъ добраго нрава и иногда любилъ говорить запросто. Такъ и въ этотъ разъ онъ пожелалъ слушать администратора за

чаемъ, который кушалъ, получая чашку прямо изъ рукъ хозяйки. Хозяинъ и пошелъ ему читать, какъ онъ все видѣлъ, все зналъ, все предохранялъ, предупреждалъ и устраивалъ общее благо... Говорилъ онъ, говорилъ и, наконецъ, ошибся и что-то правду сказалъ. А «змѣя» сейчасъ его здѣсь и поддержала, и прошипѣла:

— *Voilà ça c'est vrai.*

Ничего больше, — только и сказала, а гость не выдержалъ, посухилъ и разсмѣялся, у нея поцѣловалъ руку, а супругу ея сказалъ:

— Ну, хорошо, хорошо, довольно: я буду вѣрить, что *tout ça est vrai.*

Такъ она его съ этимъ и похоронила, и съ той поры жила здѣсь съ одною своею англичанкою и читала иностранныя книги.

На людяхъ ее никогда не видали, и потому теперь, когда она съ своею англичанкою показалась въ церкви, гдѣ отпѣвали Сапу, — на нее всѣ взглянулъ и всякій потѣшился, и имъ двумъ нашлось мѣсто. Даже толпа будто сама ихъ придвинула впередъ, чтобы посмотрѣть на нихъ. Но высшимъ велѣніемъ угодно было, чтобы ничто постороннее не отвлекало общаго вниманія отъ того, что ближе касалось бѣднаго Саши.

Въ то самое мгновеніе, какъ двѣ важнаго вида дамы подвигались впередъ, на порогѣ дверей еще появилась одна женщина — скромная, въ черной шелковой шубкѣ: одежда ея какъ пепломъ посыпана дорожнымъ соромъ, лицо ея — воплощенье горя...

Ея никто не зналъ, но всѣ узнали, и въ толпѣ пронеслось слово:

— Мать!

Всѣ ей дали широкій путь къ драгоцѣнному для нея гробу.

Она шла посреди раздвинувшейся толпы — скоро, протянувъ впередъ передъ собою обѣ руки, и, донесясь къ гробу, — обняла его и замерла...

И пало и замерло съ нею все... Всѣ преклонили колѣна, и въ то же время все было до того тихо, что когда «мать» сама поднялась и перекрестила мертваго сына, — мы всѣ слышали ея шопотъ:

— Спи, бѣдный мальчикъ... ты умеръ честно.

Ея уста произнесли эти слова тихимъ, едва замѣтнымъ движеніемъ, а отозвались они во всѣхъ сердцахъ, точно мы всѣ были ея дѣти.

Молотокъ гробовщика простучалъ, гробъ понесли къ выходу; отецъ велъ подъ локоть эту печальную мать, а глаза ея тихо смотрѣли куда-то вверхъ... Она вѣрно знала, гдѣ искать силъ для такого горя, и не замѣчала, какъ къ ней толпились со всѣхъ сторонъ молодые женщины и дѣвушки и всѣ цѣловали ея руки, какъ у святой...

Отъ могилы къ воротамъ кладбища снова тотъ же патискъ и то же движеніе.

У самыхъ воротъ, гдѣ стоялъ экипажъ, «мать» какъ бы что-то поняла изъ окружающаго: она обернулась и хотѣла сказать «благодарю», но пошатнулась на ногахъ. Ее поддерживала стоявшая возлѣ «змѣя» и... поцѣловала ея руку.

Такъ всѣхъ растрогаль и расположилъ къ себѣ нашъ бѣдный Саша, такъ былъ оцѣненъ всѣми простой и, можетъ-быть, необдуманной порывъ его — «не выдать женщину».

Никто не останавливался надъ тѣмъ, что это за женщина и стоила ли она такого жертвоприношенія. Все равно! И что это была за любовь, — на чемъ она зиждилась? Все началось точно съ дѣтской, точно «въ мужа съ женою играли», — потомъ разстались, и *она*, по своей малосодержательности, быть-можетъ, счастлива, мужа ласкаетъ и рождаетъ дѣтей, — а *онъ* хранить какой-то клочокъ и убиваетъ себя за него... Это все равно! *Онъ-то* хорошъ, *Онъ* *всѣмъ* *интересенъ!* О немъ какъ-то легко и пріятно плакать.

Словомъ, никого тутъ нельзя отмѣтить титуломъ особаго величія, а всѣ серьезно и вѣрно ведутъ свои роли, — вотъ какъ актеры занимавшей недавно Петербургъ мейнингенской труппы. Все *серьезно* поставлено!

Англичанка, про которую я, напримѣръ, говорилъ вамъ, — лицо намъ всѣхъ болѣе постороннее. Ей выходка Саши вѣрно должна была представляться совсѣмъ не такъ, какъ плакавшимъ о немъ хорovýmъ цыганкамъ, и довольно бы ей, кажется, придти, посмотреть и уйти въ себя снова. Такъ нѣтъ же, — и она хотѣла свой штрихъ провести на картинѣ. Она писала свои замѣтки о Россіи и, разумѣется, дѣлала это основательно, свѣрялась съ тѣмъ, кто прежде

ея посѣщала нашу родину и что говорилъ о нашихъ правахъ, а потомъ обо всемъ дознавала въ новомъ, что видѣла, и отмѣчала. Въ старыхъ справкахъ она почерпнула, что «на женъ нѣтъ подлѣй, какъ на Москвѣ», а дабы вѣрно отмѣтить новый фактъ, она выбрала время и адресовалась къ самому Сашину отцу. Она послала ему деликатное письмо, въ которомъ выражала сочувствіе его скорби и чрезвычайному достоинству, съ какимъ онъ и его жена перенесли свое горе. Въ заключеніе она просила позволенія знать: кто руководилъ ихъ воспитаніемъ, давшимъ всѣмъ имъ столько достойнаго чувства?

Старикъ отвѣчалъ, что его жена училась во французскомъ пансіонѣ, а его воспитаніемъ руководилъ *monsieur Ravel* изъ Парижа.

Англичанка находила странность въ этомъ извѣстїи, но «змѣя» помогла ей, сказавъ:

— Если бы ихъ учили семинаристъ, то вы, быть-можетъ, даже не получили бы отвѣта.

Тогда думали, что все грубое и неприкладное къ жизни идетъ изъ семинарій, и винили ихъ такъ же искренно и неосновательно, какъ въ послѣдовавшую за тѣмъ недавнюю эпоху хотѣли-было заставить всѣхъ насъ судить о вещахъ съ граціей мыслителей изъ «Бурсы» Помяловскаго.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Остается покончить съ уголовщиной, которая во всякомъ разѣ была въ моей исторїи. Украдены или иѣтъ деньги, а вспомните, что вѣдь было положено возвратить ихъ поляку, и къ этому еще было добавленіе.

Кромѣ полковыхъ товарищей, явился еще добровольный плательщикъ и притомъ самый настойчивый — это Сашинъ отецъ. Поляку стоило большихъ усилій отказаться отъ его требованій немедленно принять эти деньги, но Августъ Матвѣичъ ихъ не взялъ. Вообще онъ велъ себя во всей этой исторїи въ высшей степени деликатно и благородно, и мы ни въ чемъ не находили, чтобы его укорить или заподозрить. Въ томъ, что деньги были и пропали, уже никто изъ насъ не сомнѣвался. Да и какъ иначе: разъ, что онъ не беретъ предлагаемыхъ ему денегъ, то какую же онъ могъ имѣть цѣль, чтобы сочинить всю эту хлопотливую исторїю съ кровавымъ концомъ?

Городское общество, для котораго наше ночное происшествіе не могло остаться въ совершенномъ секретѣ, было того же мнѣнія, но одна голова обдумала дѣло иначе и задала намъ загвоздку.

Это былъ неважный и нѣсколько разъ уже мною вскользь упомянутый коридорный нашъ Марко. Онъ былъ парень замысловатый, и несмотря на то, что черезъ него мы и узнали объ Августѣ Матвѣичѣ, — Марко теперь стоялъ не на его и даже не на своей сторонѣ и такъ намъ по секрету и высказывался.

— Я, говоритъ, — себя клятвѣ и отлученію за это готовъ поддать, потому что я о немъ вамъ доложилъ, но какъ теперь я подразумѣваю, то это не столько моя вина, какъ Божіе поущеніе. А ваше нынѣшнее на него расположеніе больше ничего, какъ — извините — это за то, что онъ не русскаго званія, и черезъ него объ насъ прошла слава про заведеніе, и полиція безъ причины, подъ разными выдумками, служащихъ забираетъ и все напрасно къ этимъ деньгамъ сводить, чтобы пугались... Грѣхъ одинъ только, грѣхъ, и ничего больше какъ грѣхъ, — заключалъ Марко и уходилъ къ себѣ въ темную каморочку, гдѣ у него былъ большой образникъ и передъ нимъ горѣла неугасимая лампада.

Его иногда становилось жалко: онъ, бывало, по цѣлымъ часамъ стоитъ здѣсь и думаетъ.

— Все думаешь, Марко?

Пожметъ плечами и отвѣчаетъ:

— Лязя ли, сударь, не думать... Такое несчастье... срамъ и позоръ и гибель душѣ христіанской!

Тѣ, кто болѣе съ нимъ разговаривали, первые стали имѣть мысли, которыя потомъ мало-по-малу сообщились и прочимъ.

— Какъ хотите, говорили, — Марко, разумѣется, простой человѣкъ, изъ крестьянъ, но онъ уменъ этимъ... нашимъ простымъ... истинно-русскимъ умомъ.

— И честенъ.

— Да, и честенъ. Иначе бы, разумѣется, хозяинъ его не поставилъ надъ дѣломъ. Онъ человѣкъ вѣрный.

— Да, да, — поддакивалъ нашъ батюшка, пуская себѣ дымъ въ бороду.

— А онъ, смотря просто, видитъ, можетъ-быть, то, чего

мы не видимъ. Онъ судить такъ: для чего *ему* было это дѣлать? Денегъ онъ не беретъ. Да ему деньги и не надобны...

— Очевидно, не надобны, если не беретъ, когда ему ихъ предлагаютъ.

— Конечно! Это не изъ-за денегъ и дѣлано...

— А изъ-за чего же?

— А-а, ужъ объ этомъ вы не меня, а Марка спрашивайте.

И батюшка такъ поддерживалъ:

— Да, да, да,—отселъ услышимъ Марка.

— А что же глаголетъ Марко?

— А Марко глаголетъ: «не вѣрь поляку».

— Но почему же?

— Потому, что онъ есть полякъ и невѣрный.

— Ну, позвольте, позвольте! Однако, вѣдь *невѣрный*—это одно дѣло, а *воръ*—это совсѣмъ другое. Поляки народъ амбиціонный и о нихъ этакъ думать... не того... не честно.

— Да позвольте, пожалуйста, — перебиваетъ вдохновленный Маркомъ рассказчикъ:— «этакъ думать», «этакъ думать», а сами навѣрное вовсе и не знаете, о какомъ думаньѣ говорится... О воровствѣ нѣтъ и рѣчи, нѣтъ и подозрѣнія, а поляку именно то самое и принадлежить, что сами ему присвоиваете,—то-есть именно *амбиція*.

— Да что же ему нужно было, чтобы пропали деньги?

— Поляку-то?

— Да-съ.

— Вамъ въ голову ничего не приходитъ?

Всѣ начали думать:

«Что такое мнѣ приходитъ въ голову?»

— Нѣтъ—ничего не приходитъ.

— Это оттого, что у насъ съ вами, батюшка, головы-то дворянствомъ забиты, а простой истинно-русскій человѣкъ, онъ видитъ, что поляку надо.

— Да что же ему надо,—говорите, вѣдь это всѣхъ касается!

— Да, это всѣхъ касается-съ. Ему въ авантажъ его родины было, чтобы насъ обезславить...

— Ватюшки мои!

— Конечно-съ! пустить въ ходъ, что въ обществѣ русскихкихъ офицеровъ можетъ случиться воровство...

— А ну какъ это въ самомъ дѣлѣ такъ!

— Да нечего гадать: это такъ и есть!

— Ахъ, чортъ бы его взял!

— Экій коварный народъ эти поляки!

И батюшка поддержаль, сказавъ:

— Да, да, да.

А потомъ еще подумали и нашли, что соображенія Марка не слѣдуетъ скрыть отъ командира, но только не надо обнаруживать, что это отъ Марка, потому что это можетъ вредить впечатлѣнью, а указать какой-нибудь источникъ болѣе авторитетный и безотвѣтственный.

— Въ трактирѣ, въ бильярдной кто-то говорилъ...

— Нѣтъ,—это не хорошо. Полковникъ скажетъ: какъ же вы слышали такую мораль и не вступились. Арестовать надо было, кто это говорилъ.

— Надо выдумать другое.

— Да что?

Вотъ тутъ намъ батюшка и помогъ:

— Лучше всего, говорить,—сказать, что въ общей банѣ слышали.

Это всѣмъ понравилось. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь умно: баня—мѣсто народное, тамъ крикъ, шумъ, говоръ, вмѣстѣ всѣ голые жмутся и вмѣстѣ на полкѣ парятся,—вмѣстѣ плескаются... А кто сказалъ?.. разбери-ка, поди, или заарестуй... Всѣхъ развѣ надо брать, потому что тутъ всѣ люди ровненькіе, всѣ голенькіе.

Такъ и сдѣлали: и батюшку же самого упросили съ этимъ и пойти.

Онъ согласился и на другой же день все выполнилъ.

Полковникъ тоже этимъ слухомъ заинтересовался и говоритъ:

— И чтò всего хуже, что это уже сдѣлалось общей молвою... въ народѣ, въ банѣ говорятся.

Батюшка отвѣчаетъ:

— Да, да, да! все въ банѣ... Я это все въ банѣ слышалъ.

— И что же вы... рѣшительно не могли узнать, кто это говорилъ?

— Не могъ-стъ. Да, да, да, рѣшительно не могъ.

— Очень жалко.

— Да... я очень хотѣлъ узнать, но не могъ, потому что

всѣ, да... знаете, въ балѣ всѣ одинаковы. Настъ, духовныхъ, еще кое-какъ отличить можно, потому мы, мужчины, по сѣ косами, а простые люди, кои безъ этого, всѣ другъ на дружку похожи.

— Вы бы могли за руку схватить того, кто говорилъ.

— Помилуйте—намыленный сейчасъ выскользнетъ!.. И притомъ, какъ я въ это время на полкѣ парился, то мнѣ даже нельзя было его и достать.

— Ну, да,—если нельзя достать, такъ тогда, разумѣется, печего... А только, я думаю, все-таки это пока лучше оставить такъ... Теперь вѣдь ужъ нѣсколько времени прошло, а черезъ годъ этотъ полякъ вѣдь далъ слово прѣхать... Я думаю, онъ свое слово сдержитъ. А вотъ вы расскажите мнѣ, какъ по-духовному надо думать о снахъ? Пустиаки они или нѣтъ?

Батюшка отвѣчаетъ:

— Это все отъ взгляда.

— Какъ отъ взгляда?

— Да, то-есть нѣтъ, — я не то хотѣлъ... есть сны отъ Бога, просвѣтительные, есть и иные—есть сны натуральные отъ нищи, есть сны вредные отъ лукаваго.

— То-то вотъ,—отвѣчаетъ полковникъ:—но, однако, и это еще не точно. А вотъ какъ вы отнесете такой сонъ. Моя жена—вы знаете—очень молодая женщина, и покойный корнетъ былъ ей и родня, и другъ ея дѣтства, а потому смерть его ее страшно поразила и она сдѣлалась какъ бы суевѣрна. Притомъ мы потеряли ребенка, и она передъ тѣмъ видѣла сонъ.

— Скажите!

— Да, да, да. Что касается до сновъ, то она относится къ нимъ—какъ вы сейчасъ сказали. Я этого не раздѣляю, но опровергнуть не хочу, хотя очень знаю, что если на ночь поужинать, то сонъ снится «би» какой—стало-быть, это отъ желудка.

— Да, и отъ желудка,—согласился батюшка:—даже всего больше отъ желудка,—но ему пришлось еще помучиться.

— Да-съ,—продолжалъ полковникъ:—но вѣдь вотъ то и дѣло, что у нея это не сонъ, а видѣнїя...

— Какъ видѣнїя?

— Да-съ, понимаете—она не во спѣ видитъ, не закрытыми глазами, а видитъ на-яву и слышитъ...

— Это странно.

— Очень странно, — тѣмъ болѣе, что она его никогда не видала-съ!

— Да, да, да... Это вы про кого же?

— Ну, понятно, про поляка!

— Ага-га... да, да, да! — понимаю.

— Моя жена тогда его не видала, потому что тогда, во время этого несчастнаго приключенія, она была въ постели, — такъ что не могла даже проститься съ несчастнымъ безумцемъ, мы смерть его отъ нея скрыли, чтобы молоко не бросилось въ голову.

— Боже спаси!

— Ну, да... Разумѣется, ужъ лучше смерть, чѣмъ это... Навѣрное — безуміе. Но представьте вы себѣ, что онъ ее постоянно преслѣдуетъ!..

— Покойникъ?

— Да нѣтъ — полякъ! Я даже очень радъ, что вы ко мнѣ послѣ баньки зашли и что мы объ этомъ разговорились, потому что вы въ своей духовной практикѣ что-нибудь все-таки можете почерпнуть.

И тутъ полковникъ разсказалъ батюнкѣ, что бѣдняжкѣ, нашей молодой, розовенькой полковницѣ все мерещится Августъ Матвѣичъ и, по примѣтамъ, какъ разъ такой, каковъ онъ есть въ самомъ дѣлѣ, т. е. стоитъ, говоритъ, гдѣ-то передъ нею на виду, точно какъ бывають старинные аглицкіе часы въ футлярѣ...

Батюшка такъ и подпрыгнулъ.

— Скажите, говорятъ, — пожалуйте! Часы! Вѣдь его такъ и офицеры прозвали.

— Ну, я потому-то вамъ и разсказываю, что это удивительно! А вы еще представьте себѣ, что въ залѣ у насъ, словно на зло, именно и стоятъ такіе хозяйскіе часы да еще съ курантами; какъ заведутъ: динь-динь-динь-динь-динь-динь, такъ и конца нѣтъ, и она мимо ихъ съ сумерекъ даже и проходитъ боится, а вынести некуда, и говорятъ, будто вещь очень дорогая, да вѣдь и жена-то сама стала ихъ любить.

— Чего же это?

— Нравится ей мечтать... что-то этакое въ маятникѣ слышится... Понимаете, какъ онъ идетъ... размахъ свой дѣлаетъ, а ей слышится, будто «п-щпу и и-щпу». Да! И

такъ, знаете, ей это интересно, и странно,—жметса ко мнѣ и чтобы я ее все держалъ. Думаю, очень можетъ быть, она опять въ исключительномъ положеніи.

— Да, да... и это можетъ быть съ замужнею, это... очень можетъ быть... И даже очень быть можетъ,—отхваталъ сразу батюшка, и на этотъ разъ освободился и прибѣжалъ къ намъ, въ самомъ дѣлѣ какъ будто онъ изъ бани, и все намъ съ разбѣгу высыпалъ, но потомъ попросилъ, чтобы мы никому ни о чемъ не сказывали.

Мы, впрочемъ, этими переговорами не были довольны. По нашему мнѣнію, полковникъ отнесся къ сообщенному ему открытію недостаточно внимательно и совсѣмъ некстати свелъ къ своимъ марьяжнымъ интересамъ.

Одинъ изъ нашихъ, хохоль родомъ, сейчасъ нашелъ этому и объясненіе.

— У него,—говорить про полковника,—мать зовутъ Вероника Станиславовна.

Другіе было его спросили:

— Что вы этимъ хотите сказать?

— А ничего больше, кромѣ того, что ее зовутъ Вероника Станиславовна.

Всѣ поняли, что мать полковника, конечно, полька, и что ему, значить, о полякахъ слышать непріятно.

Ну, наши тогда рѣшили къ полковнику больше не обращаться, а выбрали одного товарища, который былъ благодаренъ нанести кому угодно оскорбленіе, и тотъ поѣхалъ будто въ отпускъ, но въ самомъ дѣлѣ съ тѣмъ, чтобы разыскать немедленно Августа Матвѣича и всучить ему деньги, а если не возьметъ—оскорбить его.

И найди онъ его—это бы непременно сдѣлалось, но волею судьбы послѣдовало совсѣмъ другое.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Въ одинъ жаркій день, въ концѣ мая, вдругъ и совершенно для всѣхъ неожиданно къ нашей гостиницѣ подкатилъ въ дорожной коляскѣ самъ Августъ Матвѣичъ,—взбѣжалъ на лѣстницу и крикнулъ:

— Эй, Марко!

Марко былъ въ своей каморкѣ,—вѣрно молился передъ пугасимой,—и сейчасъ на зовъ выскочилъ.

— Сударь! говорить,—Августъ Матвѣичъ! Васъ ли, гсударь, вижу.

А тотъ отвѣчаетъ:

— Да, братецъ, ты меня видишь. А ты, мерзавецъ, все, знать, колокола льешь, да вѣрно, чтобъ они громче звонили, ты про честныхъ людей вздоры распускаешь,—и хлопъ его въ щеку.

Марко съ ногъ долой и завопилъ:

— Что это такое!.. за что!

Мы, кто случился дома, выскочили изъ своихъ комнатъ и готовы были вступиться. Что такое, въ самомъ дѣлѣ,—за что его бить,—Марко человѣкъ честный.

А Августъ Матвѣичъ отвѣчаетъ:

— Прощу васъ повременить минутку—за мною слѣдуютъ другіе гости, при которыхъ я вамъ сейчасъ покажу его честность, а пока прошу васъ къ нему не прикасаться и не трогать его, чтобы онъ ни на одно мгновенье не сошелъ съ моихъ глазъ.

Мы отступили, а въ это время, смотримъ, ужъ явилась полиція.

Августъ Матвѣичъ обернулся къ полицейскимъ и говоритъ:

— Извольте его брать—я передаю вамъ вполнѣ уличеннаго вора, который укралъ мои деньги, а вотъ и улика.

И онъ передалъ удостовѣреніе, что на колокольномъ заводѣ полученъ отъ Марка билетъ съ номеромъ, съ какимъ Августъ Матвѣичъ, за день до пропажи, получилъ этотъ билетъ изъ опекунскаго совѣта.

Марко упалъ на колѣна, покаялся,—и сознался какъ дѣло было. Августъ Матвѣичъ, когда ложился спать, вынулъ билеты изъ кармана и сунулъ ихъ подъ подушку, а потомъ запамятовалъ и сталъ ихъ въ карманѣ искать. Марко же, войдя въ его номеръ поправить постель, нашелъ деньги, соблазнился—скралъ ихъ, въ увѣренности, что можно будетъ запутать другихъ,—въ чемъ, какъ видѣли, и успѣлъ. А потомъ, чтобы загладить свой грѣхъ передъ Богомъ,—онъ къ одному прежде заказанному колоколу еще цѣлый звонъ «на подборъ» заказалъ и заплатилъ краденымъ билетомъ.

Всѣ остальные билеты тутъ же нашли у него въ ящикѣ подъ кіотомъ.

И зазвонили у насъ свои «Корневильскіе колокола», и еще разъ всѣ всплеснули руками и отерли слезу за бѣднаго Сашу, а потомъ пошли съ радости шировать.

Августу Матвѣичу всѣ чувствовали себя благодарными, а командиръ, чтобы показать ему свое уваженіе и благодарность, большою вечеръ сдѣлалъ и всю знать собралъ. Даже мать его, эта самая Вероника-то,—ей уже лѣтъ подь семьдесятъ было,—и та пріѣхала, только оказалось, что она совсѣмъ не «Станиславовна», а Вероника *Васильевна*, и изъ духовнаго званія, протопопская дочь,—потому что Вероника есть и у православныхъ. А почему думали, что она «Станиславовна»,—такъ и не разъяснилось.

На этомъ вечерѣ полковница встрѣтила Августа Матвѣича при всѣхъ съ особеннымъ вниманіемъ: она встала, прошла ему навстрѣчу и подала ему обѣ руки, а онъ попросилъ извиненія «въ польскомъ обычаѣ» и поцѣловалъ у нея руки, а на другой день прислалъ ей письмо по-французски, гдѣ написалъ, что онъ все это время отыскивалъ самъ пропавшія деньги вовсе не для ихъ цѣнности, а для причинъ чести... И хотя деньги эти нынче найдены, но онъ ихъ взять не желаетъ, потому что онѣ есть «цѣна крови» и внушаютъ ужасъ. Онъ просилъ полковницу оказать ему «милосердіе»—воспитать на эти деньги круглую сиротку-дѣвочку, которую онъ отыскалъ и которая родилась какъ разъ въ ту ночь, когда разстался съ жизнью Саша. «Быть-можетъ, въ ней его душа».

Молоденькая полковница растрогалась и пожелала взять дитя, которое Августъ Матвѣичъ и привезъ ей самъ въ чистой бѣлой корзинѣ, въ бѣлой кисеѣ и лентахъ.

— Ловкій полякъ!—всѣ ему даже позавидовали, какъ онъ умѣлъ сдѣлать это красиво, нѣжно и вкрадчиво. Минстикъ, и вистикъ!

Она, говорили, прощаясь съ нимъ, плакала, а мы съ нимъ простились при брудершафтахъ за городомъ въ роцѣ. Это была случайность: онъ уѣзжалъ, а мы бражничали и остановили его. Извинились и затащили, и шили, шили безъ конца и откровенно ему все рассказали, что гадкаго о немъ думали.

— Ну и ты тоже, приступили,—и ты намъ скажи... какъ ты это все подстроилъ.

Онъ говорилъ:

— Да я, господа, ничего не подстраивалъ, — все само собой такъ вышло...

— Ну, да ладно, говоримъ,—не вилайъ, братъ,—ты полякъ, мы тебѣ это въ вину не ставимъ, а, однако, какъ же это ты могъ отыскать сиротку-дитя, которое родилось какъ разъ въ ту ночь, какъ умеръ Саина, и, стало-быть, это дитя—ровесникъ умершему ребенку полковницы..

Полякъ засмѣялся

— Ну, господа, говорить, — да развѣ можно было это подстроить?

— Да въ томъ-то и дѣло! Чортъ васъ знаетъ, какіе вы тонкіе!

— Ну, повѣрьте, я теперь только и узнаю, что я такъ тонокъ, что даже самъ себя не могу видѣть. Но вы меня увольте въ дорогу, а то почтовый ямщикъ, по своимъ правиламъ, выпряжетъ лошадей изъ моего экипажа.

Мы его отпустили, сами посадили его въ коляску и крикнули: «пошелъ!»

А онъ примѣрялся, какъ намъ граціозно поклониться изъ коляски, но вѣрно не успѣлъ сѣсть, какъ лошади дернули—и онъ предвусмысленно поклонился намъ задомъ.

Такъ наша грустная исторія и кончилась. Въ ней нѣтъ идей, которыя бы чего-нибудь стѣбли, а я рассказалъ ее только по интересности. Тогда было такъ, что что-нибудь этакое самое ничтожное затѣется и пойдетъ расти, расти, и все какіе-то интересные ножки и рожки показываются. А теперь захватъ будто ухъ какой большущій, а потомъ пойдутъ перетирать—и меньше, меньше и, наконецъ, со-всѣмъ ничего нѣтъ... Иной даже любить начнетъ, да и оставить—скучно станетъ. А отчего это?—чай, отъ многого, а болѣе всего—думается—не отъ равнодушія ли къ тому, что называется *личной честью?*..

ТАИНСТВЕННЫЯ ПРЕДВѢСТІЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

При толкахъ о возможности близкой войны, недавно, какъ встарь, говорили о разныхъ необыкновенныхъ явленіяхъ, которыя, по мнѣнію вѣрующихъ, должны предвѣщать необыкновенныя событія. Въ Кіевѣ, напримѣръ, у храма Трехъ Святителей найдены въ необыкновенномъ положеніи два человѣческіе скелета; въ Кронштадтѣ родился необыкновенный младенецъ, который тотчасъ же заговорилъ, что ему надлежитъ наречь имя «Іоаннъ»; прилетные грачи не заняли старыхъ гнѣздъ по набережью взморья, а завились ближе вовнутрь; многимъ былъ видимъ редакторъ Комаровъ въ сербскомъ военномъ убраньѣ...

Эти, а также и нѣкоторыя другія, столь же замѣчательныя или, по крайней мѣрѣ, очень рѣдкія событія въ первыхъ числахъ апрѣля мѣсяца 1885 года отмѣчены русскими газетами великой и малой печати, и истолковывались какъ «предвѣщанія» той «близкой войны», о которой въ истекшіе дни всѣ говорили и всѣ ждали рѣшительныхъ извѣстій. Особеннымъ значеніемъ пользовалось «прореченіе кронштадтскаго младенца».

Полагали, что «Іоанникъ» не остановится на одномъ предвѣщаніи своего имени, а скоро скажетъ и еще что-то болѣе обще-интересное,—потомъ стали даже опасаться: не скрываютъ ли по какимъ-нибудь соображеніямъ то, что говорить «Іоанникъ».

Въ виду такихъ событій, можетъ статься, не излишнимъ будетъ рассказать, что въ этомъ же чудесномъ родѣ случилось у насъ прежде.

Одно изъ таковыхъ, какъ мнѣ кажется, весьма интересное событіе,—достоинное вниманія по своей образности и по полнотѣ объясненія, — я нашелъ въ принадлежащихъ мнѣ отрывочныхъ запискахъ одного лица, пользовавшагося особеннымъ вниманіемъ весьма извѣстнаго общественнаго дѣятеля и писателя, Андрея Николаевича Муравьева. Тамъ оно значится подъ заглавіемъ: «*Событіе о сѣножатяхъ*».

Дѣло касается загадочнаго происшествія, которое случилось какъ разъ за годъ передъ Крымскою войною и заставило говорить о себѣ многихъ въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Вотъ что сохранилось объ этомъ въ замѣткахъ современника.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Разъ, лѣтомъ 1852 года, покойный императоръ Николай Павловичъ, въ какомъ-то разговорѣ съ графомъ Протасовымъ, поинтересовался Валаамскимъ монастыремъ. Графъ не былъ приготовленъ къ вопросамъ государя, но не хотѣлъ обнаружить своей неготовности и, начавъ отвѣчать бойко и рѣчиисто, увлекся до нѣкоторой неосторожности. Онъ необыкновенно нахвалилъ государю Валаамскую обитель со стороны красотъ ея островнаго мѣстоположенія, аскетическаго благочестія ея обитателей, ихъ превосходныхъ хозяйственныхъ учрежденій и необыкновенныхъ успѣховъ ихъ въ садоводствѣ и огородничествѣ, причемъ было что-то говорено и о виноградѣ.

Государь находился въ самомъ благопріятномъ расположеніи, чтобы выслушать рассказъ графа, и особенно заинтересовался виноградомъ, а потомъ замѣтилъ:

— Это все любопытно. Братъ Александръ былъ тамъ, и я помню, что монастырь произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Тамъ бы стоило побывать.

Графъ, въ какихъ онъ зналъ—соотвѣтственныхъ выраженіяхъ, отвѣчалъ государю, что проѣхать, дѣйствительно, стоить, а государь уронилъ въ отвѣтъ на это: «да, да», и перешелъ къ другимъ рѣчамъ.

Было ли у государя серьезное намѣреніе посѣтить Валаамъ или замѣчанія его были высказаны вскользь безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, но графъ Протасовъ тотчасъ же послѣ описаннаго разговора поѣхалъ прямо изъ дворца въ

лаву къ бывшему тогда митрополиту Никанору *) и сообщилъ ему слова императора, — какъ событіе, которое немедленно требуетъ подготовительныхъ дѣйствій.

Графъ былъ спокоенъ, потому что онъ не хорошо зналъ Валаамъ и опасался, не проскользнуло ли въ его отвѣтахъ государю чего-нибудь несоответственнаго и опрометливаго. Графу, конечно, была извѣстна необыкновенная память и строгость государя и его строгость, если онъ узнаетъ обманъ. Слѣдовательно, если государю вѣдывается поухать на Валаамъ, да онъ найдетъ тамъ что-нибудь не то, что ему рассказали графъ, то ему отъ императора достанется. А что государь ничего не забудетъ и обстоятельно сравнитъ рассказъ графа съ дѣйствительностію, въ томъ тоже не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

Безпокойство графа не показалось напраснымъ и владыкъ Никанору. Напротивъ, оно еще значительно возросло въ митрополитѣ, такъ какъ высокопреосвященный проживалъ въ Петербургѣ въ епископскомъ санѣ съ 1848 года, а на Валаамѣ тоже еще не бывалъ; и теперь, когда оберъ-прокуроръ заговорилъ съ нимъ, онъ почувствовалъ, что и самъ не знаетъ — въ какой степени дѣйствительность Валаама отвѣчаетъ словеснымъ изображеніямъ графа. Особенно внѣшній порядокъ и чистота, которыя обыкновенно не скрывались отъ глазъ императора, легко могли быть ниже того, что о нихъ было рассказано. Все это высокопреосвященный самъ и выразилъ графу.

— Ну, вотъ видите ли, какъ оно есть! — отвѣчалъ на то графъ. — Это нигуда не годится. Такъ и мнѣ, и вамъ можетъ быть очень неприятно. Вы знаете, какъ государь проникателенъ.

— Знаю.

— Ну, такъ я бы совѣтовалъ вамъ предупредить государя и самимъ туда съѣздить — поклониться святынямъ и все посмотрѣть и исправить.

Митрополитъ согласился.

— И я самъ, говорить, — давно желалъ поклониться подобнымъ Герману и Сергію.

*) Никаноръ (Клементьевскій) былъ митрополитомъ новгородскимъ и с.-петербургскимъ съ 20 ноября 1818 г. по 17 октября 1856 г., когда умеръ. Его замѣтилъ съ 1 окт. того же года в.-пр. Григорій (Постниковъ), ум. 17 іюня 1860 г.

Графъ одобрилъ и вызвался самъ доложить государю объ этомъ намѣреніи.

Протасовъ съ этимъ *уѣхалъ*, а высокопреосвященный Никаноръ обратился къ лаврскимъ запискамъ и къ старымъ инокамъ лавры за справками: когда и кто изъ петербургскихъ іерарховъ ѣздилъ самъ на Валаамъ и какія это имѣло послѣдствія?

Оказалось, что изъ всѣхъ митрополитовъ, бывшихъ прежде высокопреосвященнаго Никанора, совершалъ паломничество на Валаамъ только одинъ Михаилъ *), и цѣль его путешествія тоже была сложная: главное влеченіе, разумѣется, было поклониться мощамъ преподобныхъ Германа и Сергія, но совпала эта поѣздка владыки съ дошедшимъ до него слухомъ, что покойный государь Александръ Павловичъ желаетъ съѣздить помолиться на Валаамъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Это было лѣтомъ 1819 года, и именно въ половинѣ іюля. Одиннадцатаго числа іюля, въ день св. благовѣрныхъ княгини Ольги, одна изъ посѣтившихъ владыку тезоименитыхъ дамъ большого свѣта сообщила преосвященному, какъ кому-то случилось заинтересовать государя разговоромъ о духовной жизни, о прозорливствѣ и другихъ особенныхъ дарованіяхъ валаамскихъ скитниковъ и схимниковъ, а шестнадцатаго числа того же іюля владыка Михаилъ «прибыль уже на Валаамъ на трехъ лодкахъ въ сопровожденіи выборгскаго протоіеря, іеромонаха, двухъ іеродіаконовъ, четырехъ пѣвчихъ и прочихъ духовныхъ и *святскихъ* лицъ. Митрополитъ Михаилъ пробылъ здѣсь четыре дня (16—20 іюля),—служилъ, молился, провожалъ покойника и шествовалъ со славою, и 20 іюля отплыть на лодкахъ». (См. описаніе Валаамскаго монастыря. Спб., 1864 г.). А «въ августѣ на Валаамѣ разнеслось извѣстіе, что къ десятому числу туда будетъ государь». Слухъ этотъ скоро и оправдался: «уже шестого августа получено было съ нарочнымъ отъ министра духовныхъ дѣлъ, князя Голицына, игуменомъ Валаамскаго монастыря письмо, въ которомъ изъяснена высочайшая воля государя императора

*) Высокопреосвященный Михаилъ (Десницкій) былъ митрополитомъ повгородскимъ и с.-петербургскимъ съ 25 іюня 1818 г. по день своей смерти, 24 марта 1821 года.

непремѣнно быть въ монастырь, и повельно: не приготавливать ничего,—церемоніи не дѣлать, а принять самодержавнаго посѣтителя какъ благодетельнаго путешественника» (ibidem).

Государю Александру Павловичу очень хотѣлось видѣть отдаленную обитель такъ, какъ она есть—ничѣмъ не приспособленную къ нарочитому приему, а въ простомъ, въ обычномъ строѣ ея общежитія, но это не удалось. «Описание» сообщаетъ, что усердные иноки не могли совладать съ охватившею ихъ радостію и едва государь прибылъ въ Сальму, какъ его здѣсь уже встрѣтилъ валаамскій экономъ Арсеній. Правда, что экономъ какъ будто случился здѣсь по экономическимъ надобностямъ обители, а это было въ порядкѣ вещей, но тѣмъ не менѣе государь Александръ Павловичъ едва ли принялъ это за простую случайность, и во всякомъ случаѣ онъ воспользовался свиданіемъ съ экономомъ и самъ настойчиво выразилъ ему свое желаніе освободиться отъ всякихъ встрѣчъ и отъ всякаго особеннаго почета на Валаамѣ. Государь Александръ Павловичъ «самъ» подтвердилъ эконому, чтобъ встрѣчи никакой не было, чтобъ службъ церковныхъ не прибавлять и не убавлять, а быть всему по монастырскому положенію, чтобы рукъ у его величества не цѣловать и въ ноги ему не кланяться. (Опис. Валаам. монаст., стр. 195).

И болѣе того: «склонный къ тонкой деликатности, государь, чтобы не смущать тишину скитской жизни и не нарушать богомысленнаго настроенія братіи блескомъ и многолюдствомъ придворныхъ, перешлыгъ на Валаамъ, не взявъ съ собою никого, кромѣ «одного камердинера». Но въ монастырѣ все-таки узнали о пріѣздѣ его величества, когда онъ уже всходилъ по гранитной лѣстницѣ. Тогда затревожились во весь колокола, и братія начала сходитьсѣ со всѣхъ сторонъ къ собору. Государь стоялъ на церковномъ крыльцѣ и внимательно изволилъ смотрѣть на монаховъ, *постышавшихъ другъ передъ другомъ*» (196). Это было уже не то, чего хотѣлось государю.

«Взойдя въ соборъ, государь сталъ посредникъ церкви, пугмень былъ въ ризѣ и съ крестомъ, а іеродіаконъ въ стихарѣ, царскія двери отворены и іеродіаконъ возгласилъ многолѣтіе».

Государь выслушалъ эту встрѣчу и пошелъ «приклады-

ваться къ мѣстнымъ иконамъ», а игумень, тѣмъ временемъ, снялъ съ себя ризу и «сталъ за амвономъ съ братією».

«Государь подошелъ къ нему и принялъ благословеніе сначала отъ него, а потомъ отъ всѣхъ іеромонаховъ, *цѣлуя у каждаго руку, но своей никому не давая*; затѣмъ кланялся всей братіи». Всѣмъ этимъ государь Александръ Павловичъ сколько удовлетворялъ своему собственному настроенію, столько же и давалъ чувствовать братіи — въ какомъ духѣ имъ надлежало держать себя въ его присутствіи; но братія, въ отвѣтъ на поклонъ императора, «поклонилась ему въ землю» (*ibidem*). Тогда государь уже сказалъ прямо въ лицо инокамъ, «чтобы ему никто не кланялся поклоненіемъ въ землю, подобающимъ только Богу».

Въ этомъ же родѣ случилось нѣчто и въ отношеніи службъ: государя опять спрашивали, какъ служить, — онъ опять просилъ служить все по установленію. Ему все хотѣлось, чтобы на него не обращали вниманія, а инокъ Савватій во время службы оставилъ свое мѣсто, чтобы «поднять перчатку», которую уронилъ государь, и «его величество не допустилъ до этого отца Савватія» (203). Одну службу затянули такъ, что «іеросхимонахъ-пустынникъ Никонъ, въ присутствіи государя, при привычномъ вниманіи и напряженномъ слушаніи божественнаго пѣнія, выпустилъ костьль изъ рукъ и упалъ, а государь его поднялъ и посадилъ» (*ibidem*).

Когда все это было приведено на память высокопреосвященному Никанору, онъ увидалъ, что есть очень большая надобность приготовить балаамскихъ отшельниковъ къ тому, чтобы они могли держать себя при встрѣчѣ государя Николая Павловича соотвѣтственнѣе того, какъ держали себя, встрѣчая покойнаго Александра Перваго. А для того, чтобы такую подготовку сдѣлать многостороннѣе и избѣжать недосмотровъ, допущенныхъ митрополитомъ Михаиломъ, высокопреосвященный Никаноръ пришелъ къ очень счастливой мысли—повезти съ собою на Балаамъ не однихъ спутниковъ изъ столичнаго духовенства, которые могли дать инокамъ подходящіе совѣты въ отношеніи богослуженія, но также пригласить съ собою и двухъ-трехъ мірянъ изъ такихъ людей, которые совмѣщаютъ въ себѣ настоящее русское благочестіе и настоящее знаніе этикета и вкусовъ государя.

Въ такихъ лицахъ тогда недостатка не было. Къ митрополиту была вхожа цѣлая группа свѣтскихъ людей, изъ коихъ каждый могъ основательно оспаривать у другого право и на общественное уваженіе, и на набожность и благочестіе. Таковы, напримѣръ, были: Степанъ Онисимовичъ Бурачокъ (пзд. «Маяка»), графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой, Андрей Николаевичъ Муравьевъ, Андрей Андреевичъ Вагнеръ, Аркадій Николаевичъ Мазовской и Иванъ Якимовичъ Мальцевъ.

Выборъ былъ свободный, такъ какъ каждое изъ этихъ лицъ отвѣчало цѣлямъ, которыя имѣлъ митрополитъ, и каждое, конечно, изъявляло полнѣйшую готовность съ рвеніемъ принести свою долю ожидаемой отъ него пользы.

Мысли владыки втайнѣ намѣчали отдать предъ всѣми предпочтеніе Андрею Николаевичу Муравьеву, но судьба и разныя неожиданныя вещи устроили все это иначе, и притомъ гораздо лучше и ко всеобщему удовольствію многихъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Единомысленное содружество или «братство», состоявшее изъ Бурачка, гр. Дм. Н. Толстого, Андрея Н. Муравьева, Андрея А. Вагнера и Ивана Якимовича Мальцева, само признавало или, лучше сказать, чувствовало надъ собою нравственное старѣйшинство Андрея Николаевича Муравьева и было отъ него въ нѣкоторой авторитетной зависимости. Онъ ихъ тихо, но плотно подавлялъ извѣстными превосходствами своей природы — смѣлостью, оригинальностью и беззащитчивостью; притомъ всѣ они признавали въ немъ большой умъ и талантъ и знали, что высокопреосвященный Никаноръ отличаетъ его отъ прочихъ и «помогаетъ ему» такъ чувствительно, что это давало поводъ многимъ утверждать, будто Муравьевъ «жилъ на счетъ митрополита» *).

*) Муравьевыхъ было пять братьевъ: Александръ—бывшій декабристъ и впоследствии семейный, а потомъ губернаторъ и сенаторъ—Михаилъ (Виленскій), Николай (Барский), Сергій, служившій гдѣ-то въ небольшихъ должностяхъ, и общезвѣстный Андрей Николаевичъ, котораго называли «вселенскимъ». Онъ былъ «другъ всѣхъ патріарховъ» и «эпитропъ». Часть свою изъ наслѣдства отца Андрей Н. отдалъ брату своему Александру, а самъ жилъ на Троицкомъ подворьѣ, въ прекрасномъ, впрочемъ, помѣщеніи, которе даромъ предложилъ ему покойный митрополитъ московскій Филаретъ (Дроздовъ).

Андрей Н. Муравьевъ — лицо очень замѣчательное, оригинальное и до сихъ поръ еще никѣмъ не описанное съ тою тщательностію, какой заслуживаетъ этотъ характерный выразитель своего времени. У меня кое-что собрано для его характеристики; владѣютъ также драгоценными въ этомъ отношеніи матеріалами и другіе, но въ настоящемъ разсказѣ, конечно, нехоти подробно заниматься этимъ любопытнымъ дѣломъ, которое должно составить предметъ особаго сочиненія. Тутъ отмѣтимъ объ Андрѣ Николаевичѣ только вскользь, что идетъ къ рѣчи о значеніи сего лица въ извѣстномъ въ свое время «религіозномъ братствѣ», изъ котораго были взяты свѣтскіе сопутники при путешествіи митрополита Никанора на Валаамъ.

Андрей Николаевичъ, поссорившись съ синодальнымъ оберъ-прокуроромъ графомъ Протасовымъ, потерялъ свое мѣсто въ синодѣ и остался при небольшомъ жалованьѣ въ тысячу рублей, которое ему отпускали изъ суммъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Съ этими средствами онъ нуждался очень, и ему помогали многіе, отчасти чувствовавшіе нѣкую духовную связь съ нимъ, а отчасти «будировавшіе» такимъ образомъ противъ графа Протасова. Митрополитъ московскій отдалъ ему для житья большое помѣщеніе на Троицкомъ подворьѣ, у Анничкина моста, а петербургскій митрополитъ «поддерживалъ его денежно». Въ послѣднемъ съ владыкою Никаноромъ участвовали и другія изъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ.

Андрей Николаевичъ въ этомъ отношеніи обладалъ большимъ тактомъ и отлично умѣлъ группировать знакомство. Рѣзкіе люди не безъ основаній называли его «салоппницей». Будучи самъ бѣденъ и нуждаясь въ помощи, онъ группировалъ нужныхъ ему людей въ кружокъ и «доминировалъ надъ ними» силою своего духовнаго авторитета. Надъ этимъ шутили, и онъ самъ въ шутку называлъ свой кругъ «своимъ свѣтскимъ приходомъ» и собиралъ этихъ прихожанъ къ себѣ въ митрополичьи покои на такъ-называемыя «свѣтскія всенощныя».

«Свѣтскія всенощныя» — это собственно былъ вечерній чай, на который заходили къ Андрею Николаевичу его друзья по окончаніи всенощной службы въ митрополичьей церкви.

Андрей Николаевичъ, будучи достаточно смѣшонъ и уязвимъ во многомъ, имѣлъ слабость всѣмъ и всему да-

вать особенныя названія или клички. Какъ вещи, такъ и люди назывались у него не своими именами. Слѣдуя такой привычкѣ, онъ одну изъ комнатъ своего помѣщенія въ митрополитскихъ апартаментѣхъ устлавъ скамьями, застлалъ скатертями и назвалъ «боярской палатой». А какъ на стѣнахъ этой палаты онъ развѣсилъ портреты знакомыхъ ему патріарховъ, то приглашеніе пить здѣсь чай выражалось словами: «пить чай подѣ патріархами».

Люди у него тоже ходили всѣ съ особыми кличками, часто весьма неудачными, а иногда и довольно плоскими. Особенно молодежь, или его «пажи» и «берейторы», которые при немъ состояли и являлись «по очереди», — эти Ганимеды всѣ откликались не на свои имена, а на данныя имъ клички. Но объ ихъ кличкахъ и о нихъ самихъ поговоримъ въ другое время и въ другомъ мѣстѣ, а теперь о «чаѣ подѣ патріархами».

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Волею-неволею и своею охотою отрѣшившійся отъ «свѣта», Андрей Николаевичъ Муравьевъ старался показывать, что онъ «свѣтомъ вовсе не дорожить», но на самомъ дѣлѣ онъ никогда не переставалъ интересоваться всѣмъ, что дѣлается въ «большихъ сферахъ», и имѣлъ все тамъ происходившее на слуху. Если мы назовемъ здѣсь хоть нѣсколько лицъ изъ его постоянной компаніи или, какъ самъ онъ называлъ, изъ его «прихода», то всякому станетъ ясно, что онъ и могъ имѣть очень скорыя и очень вѣрныя извѣстія.

Къ Муравьеву «пить чай подѣ патріархами» собирались, между прочимъ, извѣстная Татьяна Борисовна Потемкина, графиня Ламбертъ (рожденная Канкринна), Мальцева, Марья Яковлевна Веригина (рожденная Булгарина) — жена Александра Ивановича Веригина, бывшаго генераль-губернатора, — Александръ Федоровна Туманская (рожденная Опочинина), сестра ея Горяинова, жена Николая Михайловича Лонгинова, Марія Михайловна (рожденная Корсакова) и др. А изъ мужчинъ — Абамяликъ (женатый на Лазаревой), Мезенцевъ, Сиверсъ, Эвальдъ, Мазовской, Павелъ Петровичъ Мельниковъ, Вагнеръ и Шаховской. Всѣ эти люди постоянно вращались въ разныхъ тогдашнихъ дѣловыхъ кружкахъ: вездѣ собирали всякія сколько-нибудь интересныя новости и сносили ихъ въ «боярскія палаты» къ Му-

равьеву, который выслушивал ихъ по виду съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, но въ самомъ дѣлѣ — съ большимъ вниманіемъ и никогда не упускалъ того, что могло касаться какихъ-нибудь личныхъ его видовъ.

Изъ лицъ, сейчасъ нами названныхъ, одинъ даже имѣлъ долгъ или обязанность всегда являться въ собраніе «подъ патріархами» *непрелмнно* съ новостію и за то получилъ отъ Андрея Николаевича кличку «Репетилловъ» *).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

«Репетилловъ» приходился сродни Андрею Николаевичу (племянникъ) и занималъ такую должность, по которой могъ скоро и вѣрно знать новости Двора. А потому при «чаѣ подъ патріархами» онъ былъ интересная персона, которую всегда встрѣчали съ любопытствомъ и которой потому даже дозволялось запаздывать и являться «подъ патріарховъ» не изъ церкви, а прямо изъ города, лишь бы только его «вечернее приношеніе было въ порядкѣ».

«Приношенія» къ «чаю подъ патріархами» были не только въ обычаѣ, но это, такъ сказать, составляло необходимое условіе. Андрей Николаевичъ не скрывалъ, что его дѣла находятся въ большомъ стѣсненіи, но, напротивъ, онъ самъ говорилъ объ этомъ всѣмъ и своей веселою откровенностью довольно легко и благоусибно выходилъ изъ затрудненій, не испытывая лишеній.

— Трудящійся достоинъ мзды, — говорилъ шутя, но съ серьезными цѣлями Муравьевъ. — Я васъ просвѣщаю, а вы меня кормите. Безъ меня вы ничего бы не знали, а я напишу моимъ золотымъ перомъ, что вамъ нужно знать, и вы будете знать **).

Поэтому являлись съ «приношеніями» всѣ приходившіе

*) Вотъ клички нѣкоторыхъ другихъ «муравьевскихъ прихожанъ»: Эвальдъ назывался «Азъ и Фергъ», Мазовской — «Кукушка», Вагнеръ — «Корнетъ-хохоль», Шаховской — «Колокольчикъ», Абамаликъ — «Зосима и Савватій». Дамы тоже имѣли клички. Нажи и берейторы назывались общимъ именемъ «сень-сыры», по степени расположенности они пользовались у Муравьева неодинаковою. Въ числѣ ласкаемой Андреемъ Николаевичемъ молодежи («сень-сировъ») были тогдашніе юнкера Шереметевъ и братья Алексѣй и Петръ Ахматовы, изъ которыхъ одинъ потомъ былъ оберъ-прокуроромъ св. синода.

***) Андрей Николаевичъ Муравьевъ писалъ *золотымъ перомъ*, которое было ему поднесено его почитателями, съ надписью: «перо Муравьева». Куда оно дѣлось — неизвѣстно. Писалъ онъ всегда прескверно и потому предпочиталъ диктовать.

«подъ патріарховъ». Не освобождались отъ этого даже и люди совершенно бѣдные. Изъ тѣхъ одинъ (В.) былъ обязанъ приносить сливки, другой (А.)—калачи, и т. д.—кто что могъ. У кого не было ничего своего для приношенія, тому Андрей Николаевичъ доставалъ возможность отбывать свою повинность на счетъ «ввѣренной части»,—такъ, напримеръ, М. Э. и С. присылали ему верховыхъ лошадей изъ берейторской школы, и онъ совершалъ на нихъ по городу свои прогулки, которыя обращали на него вниманіе и не дозволяли забывать о немъ людямъ безпамятнымъ. Но всѣхъ исправнѣе и всѣхъ щедрѣе въ приношеніяхъ были вышеназванныя дамы, между конми находились обладательницы огромныхъ состояній. Ихъ попеченіями Андрею Николаевичу доставлялось не только все существенно необходимое для безнужднаго существованія, но также не мало и излишняго. Дамы только затруднялись знать, что нужно Андрею Николаевичу или что ему желается; по въ этихъ случаяхъ ихъ обыкновенно выручалъ тезка Андрея Николаевича — «корнетъ-хохолъ» А. А. Вагнеръ, который былъ одно время какъ бы наперсникомъ Муравьева и его ризничимъ и кравчимъ его «боярской палаты». Какъ бы тщательно ни былъ пополненъ весь палатскій инвентарь Муравьева, Вагнеръ всегда умѣлъ указать желающимъ услужить Андрею Николаевичу—что еще можетъ быть предложено къ его благоугожденію. Даже, если было укомплектовано все,—то и тогда еще желающимъ приносить не приходилось тосковать въ невѣдѣніи, что можетъ быть предметомъ новыхъ приношеній. Андрей Николаевичъ постоянно носилъ дома черные полукафтаны (архалуки) изъ шелковой матеріи, устроенные такъ, что они должны были застегиваться на пуговицы, но пуговицы къ нимъ не пришивались, а только прометывались петли. Въ эти петли вставлялись запоны изъ драгоценныхъ цвѣтныхъ камней, обдѣланныхъ въ серебро или въ золото. Пуговицы одного какого-нибудь цвѣта Андрею Николаевичу надоѣдали, и онъ имѣлъ разныя смѣны: яхонтовые, изумрудныя, рубиновые, яштарныя. Новая смѣна въ этомъ родѣ всегда приносила Андрею Николаевичу удовольствіе, а Андрей Андреевичъ Вагнеръ зналъ вкусы «брата Андрея» и всегда могъ помочь дамамъ, затруднявшимся — какое приношеніе было умѣстнѣе во всякую данную минуту.

Понятно, что такъ хорошо обставленный А. Н. Муравьевъ былъ неупустительно извѣщенъ о томъ, что случилось послѣ мимолетнаго разговора государя съ графомъ Протасовымъ о Валаамѣ, и предполагавшаяся поѣздка митрополита вызвала въ Андрей Николаевичъ свои соображенія.

Дѣло представлялось такъ, что Андрею Николаевичу, кажется, слѣдовало бы имѣть первое мѣсто и главную роль въ этомъ паломничествѣ, и такъ какъ съ мѣропріятіями по этому поводу медлить было некогда, то Андрей Николаевичъ тотчасъ же и сдѣлалъ свои распоряженія по причету.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

У нихъ въ «братствѣ» былъ такой порядокъ, что къ концу «чая подѣ патриархами» Андрей Николаевичъ, какъ «настоятель», назначалъ подначальнымъ ему младшимъ братіямъ — куда имъ надлежитъ явиться на завтрашнія воскресныя службы.

Назначенія эти дѣлались всякій разъ по непосредственному его усмотрѣнію: часто, напримѣръ, назначалось посѣтить «внезапно» раннія службы у Пантелеймона или у Симеона, гдѣ Андрей Николаевичъ преслѣдовалъ извѣстныхъ ему упущенія (особенно лѣность какого-то діакона), но иногда надобность указывала имъ явиться «внезапно» въ другихъ храмахъ, — и всѣ эти распоряженія давались только наканунѣ, подѣ «патриархами», такъ что объ этомъ никто не могъ предупредить неисправныхъ священнослужителей, и Андрей Николаевичъ съ «братією» настигали упустительныхъ врасплохъ, со всѣми слабостями, и тутъ же взыскивали или исправляли *). Если же все по храмамъ епархіальнаго вѣдомства въ столицѣ шло въ порядкѣ и упущеній нигдѣ не предвидѣлось, тогда Андрей Николаевичъ доз-

*) Если Андрей Николаевичъ приходилъ въ церковь Пантелеймона передъ начатіемъ ранней обѣдни и видѣлъ, что священникъ готовится начинать литургію одинъ безъ діакона, котораго Муравьевъ уже зналъ за человѣка лѣниваго къ молитвѣ, то Андрей Николаевичъ тотчасъ же просилъ батюшку «пождать», а за діакономъ посылалъ сторожа, съ приказаніемъ «поднять его съ постели». Сторожъ шелъ и исполнялъ порученіе такъ успѣшно, что діаконъ приходилъ очень скоро и служилъ съ благоговѣніемъ.

волялъ себѣ и своимъ братіямъ высшее духовное удовольствіе: они все могли съѣзжаться въ Александро-Невскую лавру, въ Крестовую церковь митрополита, и тамъ даже принимать возможное для мірянъ личное участіе въ службахъ. Изъ «братія» Андрей Николаевичъ Муравьевъ и Андрей Андреевичъ Вагнеръ почитались за хорошихъ чтецовъ и имъ дозволялось читать въ Крестовой церкви за всеобщую пестопсалміе. (Самъ митрополитъ слушалъ это чтеніе, сидя у окна, которое было продѣлано въ церковь изъ его столовой). Вагнеръ и Муравьевъ читали «каждый въ своемъ родѣ»; но какъ однимъ изъ ихъ слушателей больше нравилось чтеніе Муравьева, а другимъ былъ пріятнѣе Вагнеръ, то въ общихъ интересахъ, для уравненія слушателей, между обоими мастерами читать была установлена очередь: одинъ разъ читалъ «Андрей большой», а въ другой—«Андрей меньшей», т. е. Вагнеръ.

Оба чтеца въ очередь свою подготавливались къ чтенію и превосходили другъ друга въ своемъ искусствѣ, а потому случаи эти представляли интересъ для компаніи и сопровождались нѣкоторою особенною торжественностію. Въ тѣ дни, когда читали Муравьевъ или Вагнеръ, Андрей Николаевичъ пріѣзжалъ въ лавру одинъ, такъ какъ онъ былъ очень честолюбивъ и занималъ въ церквахъ особыя мѣста (въ Троицкомъ подворьѣ Муравьевъ, въ отсутствіе московскаго митрополита, стоялъ всегда на его мѣстѣ), а весь остальной мужской персоналъ «братія» долженъ былъ пріѣзжать разомъ «въ курятникъ». Это требуетъ объясненія. «Братія» съѣзжалась сначала на Моховую, въ домъ секундъ-маіора Ивана Якимовича Мальцева, къ обѣду. Обѣдъ въ такихъ случаяхъ происходилъ ранѣе обыкновеннаго, и при послѣднемъ блюдѣ къ крыльцу подавалась большая четверомѣстная карета, которую, со словъ Муравьева, называли «курятникъ». Въ этотъ-то «курятникъ» усаживались—самъ чтецъ Вагнеръ («иже бысть первый по Фараонѣ») и знатоки службы: Бурачокъ, Толстой и самъ секундъ-маіоръ Мальцевъ.

Въ Крестовой церкви оканчивалось служеніе, чтецы отличались, и затѣмъ все шли на чай къ митрополиту, гдѣ и проводили часъ въ пріятныхъ разговорахъ о томъ, что было на ту пору интереснаго въ городѣ.

Муравьевъ имѣлъ полное основаніе рассчитывать, что въ

этотъ разъ тамъ дежурный разговоръ будетъ о Валаамѣ, но, къ крайней своей досадѣ, онъ очень грубо ошибся.

Андрей Николаевичъ поиялъ, что это не сироста и что ему что-то подстроено.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Положеніе Муравьева въ духовенствѣ было чрезвычайно странное. Близкій по своимъ отношеніямъ къ патріархамъ и вообще высшимъ іерархамъ, онъ вовсе не пользовался расположеніемъ клира. Напротивъ, онъ имѣлъ въ числѣ священнослужителей множество недоброжелателей и даже нѣкоторое число очень откровенныхъ и смѣлыхъ враговъ, которые не боялись «ходить на него въ одиночку». Изъ нихъ одинъ такой жилъ тогда въ Невской лаврѣ,—это былъ знаменитый синологъ, архимандритъ Аввакумъ, извѣстный по своей учености, по благородной прямотѣ характера, по неукротимой пылкости и по анекдотической небрежности въ отправленіи совершенно несродныхъ ему цензорскихъ обязанностей, къ которымъ онъ былъ назначенъ и потомъ отрѣшенъ. За продолжительную жизнь въ Китаѣ, отецъ Аввакумъ совсѣмъ «отвыкъ отъ европейской политики» и не скрывалъ никакихъ своихъ чувствъ: онъ гласно говорилъ, что «самое безвредное чтеніе—читать этикеты на бутылкахъ, а самый противный человекъ на свѣтѣ—Андрей Муравьевъ съ братією его». И Андрей Николаевичъ это зналъ, потому что Аввакумъ однажды высказалъ всю эту тираду за столомъ въ присутствіи самого Муравьева; но Муравьевъ не могъ ему ничего сдѣлать и даже не дерзалъ его припугнуть. Онъ даже не выдумалъ Аввакуму никакой клички, кромѣ какъ «китаецъ», что, впрочемъ, составляло обыкновенное и давно извѣстное въ монастырскомъ обиходѣ прозваніе «Аввакума китайскаго» *). Этотъ характерный старикъ терпѣть не могъ Муравьева будто бы за то, что онъ и его «іезуиты» много «стоятъ» высокопреосвященному Никанору и увлекаютъ его «къ свѣтскости». Аввакумъ любилъ приволье и простоту, любилъ и уважалъ въ человѣкѣ

*) Архимандритъ Аввакумъ дожилъ свой обильный приключеніями вѣкъ и скончался въ Александро-Невской лаврѣ. Онъ погребенъ тамъ же, подлѣ церкви Благовѣщенія, и надъ его могилою стоитъ такъ-называемый «Китайскій памятникъ». Китайская надпись изсѣчена на немъ въ Петербургѣ, но сочинена въ Китаѣ.

прямую доброту и честность, былъ заботливъ о сиротахъ и не находилъ никакого удовольствія въ сообществѣ свѣтскихъ людей, если они не занимаются «чтеніемъ этикетовъ». Положеніе же его было несравненно лучше и тверже положенія Андрея Николаевича, которое всегда «зависѣло отъ игры обстоятельствъ», тогда какъ «китайскій Аввакумъ» стяжалъ себѣ самую твердую репутацію и имѣлъ до шести тысячъ рублей въ годъ «полученія» при готовой, неотъемлемой монастырской квартирѣ, выходившей окнами какъ разъ насупротивъ митрополичьихъ покоевъ*).

Здѣсь онъ могъ видѣть изъ своихъ оконъ всѣхъ, кто прїѣзжалъ къ митрополиту, и когда замѣчалъ прїѣздъ Муравьева съ его «братіей», то впадалъ въ гнѣвность, и если на тотъ случай былъ еще «начитавшись этикетовъ», то не таился съ своими чувствами, а открывалъ форточку и кричалъ:

— Опять вы палетѣли, іезуиты!.. Пошли вонъ, попрошайки!

И такъ далѣе, въ этомъ родѣ.

Муравьевъ былъ очень самолюбивъ и мстителемъ до безконечности, и онъ нимало не таился съ этими качествами. Очень нерѣдко онъ даже своимъ приближеннымъ и друзьямъ рѣзко говорилъ серьезнымъ тономъ:

— Прошу не забывать, что я *Муравьевъ*.

Но Аввакуму онъ возражать не смѣлъ и отыгрывался отъ его обидъ, представляя, будто ихъ не замѣчаетъ. Иного ничего и не оставалось, потому что если бы онъ напомнилъ ему, что онъ «Муравьевъ», то Аввакумъ у него въ долгу бы не остался, ибо почиталъ себя «ничимъ же меньше» и, кажется, имѣлъ на то основаніе. Но и, кромѣ независимаго Аввакума, при особѣ митрополита были еще лица, въ

*) Аввакумъ получалъ около 4.000 руб. пенсіи за свою службу въ Китаѣ, да 2.000 прибавочныхъ. Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ сказано, будто онъ былъ «казначеемъ» давры, но это неправда, Аввакумъ казначеемъ не былъ и былъ такъ же неспособенъ къ этой должности, какъ къ должности цензурской. Онъ былъ очень добръ и очень щедръ, но все это подъ довольно грубою формою. Аввакумъ происходилъ изъ духовныхъ тверской епархіи. Цензурская проруха съ нимъ случилась на мнѣ архимандрита Израиля, гдѣ въ вину Аввакуму была поставлена слѣдующая неловкая строка: «блудъ не былъ бы блудомъ, если бы не было учреждено таинство брака». Аввакумъ не оправдывался и не тузилъ, что его оставили.

которыхъ Муравьевъ также имѣлъ болѣе или менѣе затаенныхъ недруговъ. Таковъ былъ, напримѣръ, знаменитый въ лѣтописяхъ лавры протодіаконъ-монахъ Викторъ *). Это былъ величайшій знатокъ богослужебныхъ церемоній, какому не было равныхъ даже между протодіаконами, всегда ведущими весь порядокъ сложнаго архіерейскаго богослуженія. Андрей Николаевичъ Муравьевъ тоже мнилъ себя знатокомъ этого предмета и отъ многихъ былъ почитаемъ за такое знаніе, но при познаніяхъ, навыкѣ и распорядительности Викторъ всё Муравьевскія свѣдѣнія ничего не стоили, и Андрей Николаевичъ даже боялся говорить и не любилъ Викторъ, какъ соперника, который подавлялъ его своимъ авторитетомъ. Андрею Николаевичу оставалось одно: держаться будто покровительствующаго Виктору тона, а между тѣмъ ронять его потихоньку въ глазахъ владыки сожальніями о «разночтеніяхъ», которымъ прилежалъ протодіаконъ по примѣру Аввакума. Но это «сожалительное коварство» обнаружилось и поселило въ сердцѣ протодіакона горькія чувства противъ Муравьева, а серьезно повредить Виктору оно не могло, такъ какъ онъ былъ человѣкъ нужный и даже казался незамѣнимымъ. Притомъ же «разночтенія» Викторъ совсѣмъ не мѣшали дѣламъ службы. Протодіаконъ Викторъ, хотя былъ отъ природы простъ и снисходителенъ, по тоже, подобно Аввакуму, посматривалъ на Муравьева свысока, какъ человѣкъ нужный на человѣка, представляющаго изъ себя что-то такое, безъ чего все обходиться можетъ.

Казалось, что Викторъ иногда тоже, подобно Аввакуму, желалъ обнаруживать свое пренебреженіе къ Муравьеву очень открыто. Такъ, напримѣръ, онъ часто обтиралъ со лба потъ цвѣтнымъ фуляромъ передъ самымъ лицомъ Андрея

Мнѣ случалось встрѣчать въ печати, что Викторъ называютъ то «иподіакономъ», то «архидіакономъ». Какъ то, такъ и другое невѣрно. Викторъ прославился въ санѣ «протодіакона». Первый архидіаконъ въ Невской лаврѣ поставленъ высокопреосвященнымъ Исидоромъ—это Валеріанъ, а между нимъ и Викторомъ былъ еще протодіаконъ Германъ. Также читалъ я гдѣ-то, что будто Викторъ выѣзжалъ съ митрополитомъ Серафимомъ на площадь во время декабристскаго бунта и защитилъ митрополита. Это опять невѣрно: на Сенатской площади 14 декабря 1825 года съ митрополитомъ Серафимомъ былъ протодіаконъ Прохоръ.

Николаевича, который находилъ такой «форсъ» со стороны протодіакона совершенно непозволительнымъ.

Андрей Николаевичъ даже не разъ ему говорилъ: «вы меня этимъ просто убиваете»; но отецъ Викторъ отвѣчалъ: «а что же, если у меня такая привычка»,—и продолжалъ его «убивать».

Но кромѣ этихъ двухъ лицъ, которыя своего нерасположенія не скрывали, но зато бились честнымъ оружіемъ въ открытомъ бою, у Андрея Николаевича при митрополитѣ были еще два человѣка, въ души которыхъ было гораздо труднѣе проникнуть, чѣмъ въ души Аввакума и Виктора; эти два лица были: письмоводитель митрополита Навроцкій и секретарь Ласскій, оба изъ малороссіянъ,—люди тонкіе и съ вліяніемъ. Притомъ послѣдній изъ нихъ, Ласскій, тоже дѣлалъ конкуренцію Андрею Николаевичу еще въ томъ, что владыка считалъ этого своего чиновника за знатока «свѣтской политики». Андрей Николаевичъ считалъ это за вопіющую несообразность, но отчасти, должно-быть, въ Ласскомъ были политическія дарованія. По крайней мѣрѣ мы должны такъ думать, судя по наступающему случаю, который обличалъ сообразительность Ласскаго въ ущербъ желаніямъ Андрея Николаевича, за «престижъ» котораго, однако, возсталъ сила судебъ и подняла его какъ пренебреженный камень на самую главу угла.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Когда Андрей Николаевичъ послѣ всенощной вошелъ въ аппартаменты митрополита Никанора, онъ засталъ здѣсь тѣ открыто и тайно непріязненные ему лица, о которыхъ мы выше упомянули. Архимандритъ Аввакумъ, который, по обыкновенію, готовъ былъ всегда «будировать» противъ Муравьева, и теперь, при входѣ его, громко рассказывалъ кому-то, какъ просто жилъ въ этомъ самомъ помѣщеніи предмѣстникъ Никанора—митрополитъ Серафимъ.

— Вотъ,—говоритъ Аввакумъ:—эта комната была у него гостиная, и вотъ тутъ въ стѣнѣ было окошечко къ его келейнику. Бывало, позоветъ къ себѣ послѣ всенощной кого-нибудь чай пить, а келейникъ не подаетъ чаю. Онъ къ окошечку и говоритъ: «Давай же скорѣе чаю!» А тотъ отвѣчаетъ: «Подождите, владыко,—воды нѣтъ». И ждали, и

не обижались, потому что къ нему не приходили таковыя, которые...

Андрей Николаевичъ почувствовалъ, что эти «таковыя, которые» могутъ залетѣть въ его огородъ, и поспѣшилъ проникнуть далѣе здѣсь стоявшихъ и ожидавшихъ выхода владыки. Этимъ онъ избѣгалъ непріятности слушать Аввакума и всѣмъ далъ почувствовать, что онъ «Муравьевъ».

Но зато самое свиданіе съ-глазу-на-глазъ, наединѣ съ митрополитомъ, Андрея Николаевича не порадовало. Его штатскій «Репетиловъ» не оказался на полной высотѣ своего призванія и оконфузился. Онъ принесъ къ чаю «подъ патріархами» не самое свѣжее приношеніе. Вѣсти Репетилова не были самыя свѣжія, и оттого вышли безчисленныя досажденія... Дѣло о путешествіи на Валаамъ ушло очень далеко впередъ противъ того, что было рассказано «подъ патріархами». Графъ Протасовъ уже довелъ о желаніи митрополита до свѣдѣнія государя, а государь приказалъ «снарядить экспедицію какъ можно приличнѣе». Въ такомъ случаѣ, конечно, хорошо бы спросить Муравьева, но графъ Протасовъ его не жаловалъ, а другіе не желали о немъ напомнить митрополиту, и потому вопрошеніе было Ласскій, котораго Муравьевъ въ насмѣлку называлъ «церемоніймейстеромъ».

Ласскій, однако, имѣлъ вполне достаточную компетентность въ дѣлѣ, о которомъ его спрашивали, и никакихъ насмѣшекъ не заслуживалъ. Онъ зналъ, что плаваніе митрополита Михаила Десницкаго «на лодкахъ», при теперешнихъ взглядахъ, не можетъ быть признано за «приличное», и навелъ, гдѣ зналъ, справки, какъ плавалъ по петербургскимъ водамъ при Петрѣ Великомъ Феофанъ Прокоповичъ. Справка показала, что судно, носившее владыку, ходило *подъ митрополичьимъ флагомъ...* Вотъ какъ приличествовало плыть и высокопреосвященному Никанору, который тоже любилъ пышность. Государь приказалъ дать митрополиту вмѣсто двухъ лодокъ «два парохода и чтобы оба шли *подъ митрополичьимъ флагомъ*». Штатъ своей свиты владыкѣ предоставлено было составить по его непосредственному усмотрѣнію, а онъ призвалъ на совѣтъ опять того же Ласскаго, и Ласскій предложилъ такой подборъ лицъ, какого лучше нельзя выдумать для прикровенныхъ соображеній, руководившихъ экспедиціей. Съ митрополитомъ

ѣхали оба его секретаря—Навроцкій и Ласскій, которые знали и исторію, и епархіальныя дѣла въ совершенствѣ; архимандритъ Сергіевской пустыни (впослѣдствіи архіерей) Игнатій Брянчаниновъ, который зналъ и свѣтское, и духовное не хуже, чѣмъ Муравьевъ, но притомъ обладалъ еще ласкою и увѣтливостью прекраснаго характера; архимандритъ Аввакумъ-китайскій, археологъ, нумизматъ и такой книговѣдъ, что ему довольно было поглядѣть бібліотеку, чтобы понять, что въ ней есть и какъ ее показать лицомъ; протодіаконъ Викторъ—тихій, смиренный, голосистый и головастый, съ замѣчательною манерою особенно хорошо носить волосы и вести служеніе въ величайшей тишинѣ и стройности. Онъ въ одинъ, въ два приѣма могъ исправить несоотвѣтственныя манеры служенія въ любомъ малонскусномъ скитникѣ. Словомъ, никого не брали лишняго, но во всякомъ нужномъ родѣ былъ человекъ, вполне отвѣчающій требованію. А эти избранники, каждый по своей части, знали кого еще прихватить нужно; такъ, напримѣръ, Игнатій Брянчаниновъ взялъ съ собой изъ своей Сергіевской пустыни повара, православнаго чухонца, по имени Сергія. Это былъ «врожденный талантъ», который умѣлъ приготовить монастырскія трапезныя кушанья—какъ никакой другой поваръ. Разсчитывали, что Сергію могъ принести свою долю благихъ указаній на уединенномъ островѣ, гдѣ во многихъ отношеніяхъ не знаютъ лучшаго, а держатся приемовъ рутинныхъ. Изъ свѣтскихъ было приглашено нѣсколько лицъ изъ моряковъ, кажется, больше по выбору Брянчанинова. Муравьевъ и его клирики были «абортированы», и это было бы непоправимо, если бы, къ счастью, не явился задержавшій отплытіе вопросъ о флагѣ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Военные пароходы, на которыхъ слѣдовало плыть митрополиту, были готовы; но нигдѣ не могли отыскать того флага, подъ которымъ плавалъ Прокоповичъ. Въ лаврѣ этого флага не оказалось и никто не знаетъ, гдѣ его слѣдуетъ искать. Пришлось дѣйствовать наугадъ. Думали, что флагъ можетъ быть въ синодальномъ архивѣ, и искали его, но не нашли. Потомъ пришло на мысль—не положили ли его, по минованіи надобности, гдѣ-нибудь въ запасныхъ кладовыхъ адмиралтейства, и опять тутъ вездѣ искали, но

тоже не нашли, и стали думать, что всякіе дальнѣйшіе поиски будутъ напрасны, потому что, очевидно, митрополичій флагъ послѣ Θεοφана легкомысленно почли за вещь, которая болѣе не нужна, и сунули его куда-нибудь небрежно, безъ описи и расписокъ, и онъ гдѣ-нибудь тлѣетъ безъ всякихъ слѣдовъ, а можетъ-быть даже и уничтоженъ какимъ-нибудь невѣжественнымъ профаномъ, польстившимся на кусокъ матеріи. И когда явились такія, повидимому, весьма вѣроятныя соображенія, тогда пришли къ заключенію, что дѣло собственно не въ томъ, чтобы отыскать старинный митрополичій флагъ, а гораздо скорѣе и проще будетъ устроить такой флагъ вновь и плыть подъ нимъ безъ задержанія. Но тутъ обнаружилось наше обыкновенное русское небреженіе въ геральдическихъ дѣлахъ: несомнѣнно было, что митрополичій флагъ существовалъ, но какой именно онъ былъ, т. е. какого цвѣта и что на немъ было изображено, — объ этомъ нигдѣ не нашли никакихъ записей и никакихъ рисунковъ. Тогда, чтобы не останавливаться безконечное время на этомъ вопросѣ, для основательнаго разрѣшенія котораго не находилось никакихъ положительныхъ данныхъ, рѣшились сдѣлать поскорѣе новый флагъ «съ приличными изображеніями», — и это такъ и сдѣлали *).

Только эти хлопоты съ флагомъ и были причиною того, что митрополитъ не отплылъ безъ вѣдома Андрея Николаевича и что этотъ послѣдній могъ имѣть при экспедиціи на судахъ митрополита своихъ людей. Высокопреосвященный Никаноръ, въ угожденіе ему, пригласилъ съ собою Мазовского, Вагнера и еще кого-то... Компания составила

*) Замѣчательно, что и этотъ случай не исправилъ нашей характерной небрежности. Одинъ флагъ потеряли безслѣдно, другой при нуждѣ въ немъ сдѣлали кое-какъ наскоро, но опять и объ этомъ не сохранили никакихъ историческихъ памятей. О томъ, что флагъ былъ сооруженъ для плаванія митрополита Никанора, помнятъ нѣкоторые изъ доживающихъ свой вѣкъ иноковъ и мірянъ, но мнѣ ни отъ одного изъ нихъ не удалось узнать — какой именно былъ этотъ флагъ и куда онъ дѣлся послѣ экспедиціи митрополита на Валаамъ? Полагаютъ, что и этотъ флагъ тоже пропалъ, а о томъ, что именно онъ изображалъ, говорятъ гадательно и разпорѣчно: одни говорятъ, будто «были нашиты какіе-то кресты», а А. А. Вагнеру «помните», что на флагъ были нарисованы атрибуты митрополичьяго служебнаго облаченія: митра, посохъ, триквирій и диквирій. А какое изъ этихъ свѣдѣній вѣрнѣе — о томъ рѣшительно сказать невозможно.

не малая. Оба парохода въ прекрасный, свѣтлый, погожій день отвалили съ блестящимъ экипажемъ отъ петербургской пристани и направились вверхъ по Невѣ къ Ладожскому озеру. А Андрей Николаевичъ остался въ Петербургѣ, вѣроятно, не въ наилучшемъ расположеніи духа, и ходилъ ли онъ въ своемъ архаикѣ по покоямъ Троицкаго подворья, или ѣздилъ верхомъ въ своемъ штатскомъ плащѣ, — онъ, безъ сомнѣнія, чувствовалъ желчную досаду отъ того, что терпѣлъ въ угоду прихотямъ «гусара», какъ величалъ онъ графа Протасова.

Впрочемъ, такіе удары ему были уже знакомы, и онъ ихъ старался перепосить съ достоинствомъ, что ему порою и удавалось.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Между тѣмъ отплывшія подъ митрополичьимъ флагомъ суда совершали свой ходъ такъ весело и благополучно, что это навсегда оставило самое пріятное впечатлѣніе во всѣхъ соучастникахъ эскадры. Погода стояла прекрасная; солнце горѣло на небѣ, воздухъ былъ тихъ и тенель, невозмутимая гладь воды блистала какъ зеркало. Вездѣ, на встрѣчныхъ судахъ и по берегамъ рѣки, все замѣчались оживленныя и веселыя лица. Нѣкоторые были даже очень веселы. Въ послѣднемъ родѣ отличалась публика, помѣщавшаяся на палубѣ небольшого частнаго парохода, который отвалилъ отъ другой петербургской пристани почти одновременно съ эскадрою митрополита и, нагнавъ ее, шелъ за нею очень не въ большомъ разстояніи.

На этомъ пароходѣ было много кавалеровъ и дамъ: оттуда слышались звуки музыки, смѣхъ разныхъ голосовъ и смѣшанный русскій и иностранный говоръ.

Появленіе этого парохода съ веселыми пассажирами было неожиданностію для митрополита и его спутниковъ, и имъ удалось разгадать эту неожиданность только въ Шлиссельбургѣ, гдѣ пароходы, прежде чѣмъ войти въ озеро, пристали на короткое время, чтобы дать возможность пассажирамъ поклониться чудотворному образу, находящемуся въ прибрежной часовнѣ.

Оказалось, что это ѣдетъ очень интересная компанія милыхъ и веселыхъ людей, состоящая по преимуществу изъ французскихъ и русскихъ артистовъ и художниковъ, тоже

собравшихся полюбоваться красотами Валаама. Пришелся ли выѣздъ ихъ случайно въ одно время съ отъѣздомъ митрополита, или они, быть-можетъ, нарочно старались увидать монастырскій островъ, когда тамъ будутъ встрѣчать высшаго церковнаго сановника, — это осталось неизвѣстнымъ. Одни говорили такъ, а другіе иначе; но высокопреосвященный Никаноръ, чувствовавшій себя тоже въ прекрасномъ расположеніи, слушая сообщеніе объ этомъ, не обнаружилъ ни малѣйшаго неудовольствія и сказалъ:

— Господь съ ними! они намъ не мѣшаютъ.

Услыхавъ такой снисходительный отзывъ отъ владыки, нѣкоторые изъ его свиты, замѣтившіе въ числѣ артистовъ извѣстнаго комика Мартынова, сдѣлали-было даже предложеніе пригласить его въ Шлиссельбургъ пересѣсть съ частнаго парохода на казенный пароходъ митрополита, но высокопреосвященный Никаноръ улыбнулся и отвѣчалъ:

— Нѣтъ. Зачѣмъ его отрывать отъ своихъ. Всякому въ своей компаніи свойственнѣе. Не станемъ мѣшать другъ другу.

Пароходы вошли въ озеро и, держась одного фарватера, опять пошли на виду и на слуху одинъ у другого. Пассажиры ихъ какъ будто не обращали другъ на друга никакого вниманія; но, однако, тѣмъ не менѣе, съ обѣихъ сторонъ можно было наблюдать взаимную деликатность. Несходные по своему положенію путники старались ничѣмъ не стѣснять одини другихъ: митрополитъ не выходилъ на палубу, а сидѣлъ у открытаго окна въ рубкѣ, а по другую сторону этого окна, противъ него, сидѣли на морскихъ складныхъ табуретахъ Брянчаниновъ и китайскій Аввакумъ. Преосвященный и его спутники вели самыя веселыя и оживленныя бесѣды. «Лицедѣи» пѣли и шутили, но сдержанно; они, очевидно, старались умѣрять свое веселье, чтобы оно не очень доходило до подвижнаго монастыря.

Тотчасъ по входѣ въ Ладожское озеро начался обѣдъ, который былъ отдѣльно сервированъ для мірянъ и для монаховъ. Для первыхъ готовили обыкновенныя морскіе «кохи», а для митрополита и его свиты изготовляли трапезу тотъ знаменитый въ свое время православный чухонецъ Сергій, кулинарными способностями котораго скромно щеголялъ Игнатій Брянчаниновъ.

Тотъ, кто хотѣлъ быть «говѣйнымъ» и, отказавшись отъ

скромной стряпни «коховъ», присоединился къ постной трапезѣ иноковъ, — быть положительно въ выигрышѣ, потому что отецъ Сергій на водѣ даже превзошелъ свою репутацію, составившуюся на сушѣ. Впрочемъ, можетъ-быть, этому много помогаль и свѣжій морской воздухъ, развивающій апетитъ и поддерживающій легкое расположеніе духа.

Затѣмъ солнце стало склоняться къ западу, пошло вечерѣть; съ частнаго парохода порывами легкаго вѣтерка доносилось отрывками стройное пѣніе. Митрополитъ опять сидѣлъ у открытаго окна рубки, а Брянчаниновъ долго-долго глядѣлъ молча вдаль и вдругъ, какъ бы забывшись, забредилъ стихами Пушкина, которыхъ зналъ наизусть чрезвычайно много...

Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полнъ,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ.

Владыка и Аввакумъ не прерывали его; поникнувъ головами, они его тихо слушали... Протодіаконъ Викторъ стоялъ у косяка, опершись головою о локоть, и тоже слушалъ... Его простое вниманіе было своего рода «народная тропа» къ могилѣ пѣвца. Вечеръ густѣлъ. На бѣловатомъ лѣтнемъ сѣверномъ небѣ встала блѣдная луна; вдалекѣ слѣва, на финляндскомъ берегу, заяцъ затопилъ листвою печку, и туманъ, какъ дымокъ, слегка поползъ по гладкому озеру, а вправо, далеко-далеко, началъ чуть зримо обозначаться надъ водой Коневецъ.

Митрополитъ взглянулъ на часы и сказалъ:

— Мы опоздали ко всеобщей.

— Мы сейчасъ споемъ ее здѣсь, владыко! — отозвался Викторъ, и въ одну минуту досталъ и подаль гдѣ-то близко у него подъ рукою лежавшую эпитрахиль Брянчанинову. Отецъ Игнатій сейчасъ же ее надѣлъ и громко, вслухъ благословилъ царство вседѣющаго Бога подъ открытымъ куполомъ Его нерукотворнаго храма...

Викторъ читалъ и пѣлъ наизусть. Аввакумъ пѣлъ съ нимъ. Митрополитъ стоялъ у окна съ сложенными на груди руками и молился... Другіе, кто попалъ на эту отиѣтую безъ книгъ вечерню, стали на колѣна, — нѣкоторые плакали...

О чемъ и для чего? — вѣдаетъ Тотъ, Кому угодно было,

чтобы «благоухала эфирною душою роза» и чтобы душа находила порою отраду и счастье омыться слезою.

Это была не всенощная, не вечерня, а какое-то вольное соединеніе того и другого или, еще вѣрнѣе сказать, — это былъ благоговѣйный порывъ высоко настроившихъ себя душъ, которому знатокъ богослуженія Викторъ вдругъ сымпровизировалъ молитвенную форму.

На пароходѣ было небольшое число взятыхъ съ собою митрополитомъ пѣвчихъ, но ихъ не позвали. Они бы, выстроившись съ регентомъ, не такъ тепло воспѣли «славу въ вышнихъ Богу», какъ спѣли ее втроемъ «китаецъ», Викторъ и Брянчаниновъ...

Къ концу ихъ хваленій пароходъ былъ завиденъ съ Коневца, и по волнамъ озера поплылъ навстрѣчу путникамъ привѣтный звонъ...

На частномъ пароходѣ, гдѣ плыли артисты, все было тихо: пароходъ держался близко къ судну митрополита, и артисты—дамы и мужчины — стояли у борта и... тоже молились...

Тѣ, кто помнятъ описанное путешествіе, никогда не говорили объ этой минутѣ иначе, какъ съ чувствомъ живого восторга...

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Почевали у Коневца. Митрополитъ и болѣе высокіе изъ лицъ его свиты почивали въ помѣщеніяхъ монастыря (тогда еще очень не обширныхъ), а всѣ прочіе почевали гдѣ пришлось на своихъ судахъ. Пассажиры частнаго парохода всѣ остались на суднѣ, которому, вдобавокъ, и вполне удобнаго мѣста для стоянки не было, такъ какъ у пристани стали военные пароходы подъ митрополичьимъ флагомъ.

Да экипажъ частнаго парохода такъ преисполнился деликатностію, что и самъ сторонился отъ митрополичьихъ судовъ, и на другой день утромъ снялся отъ Коневца и ушелъ въ море ранѣе казенныхъ пароходовъ.

На Валаамъ артисты прибыли за часъ или за полтора ранѣе прихода эскадры митрополита. Надъ артистами здѣсь шутили, что они, вѣроятно, пошли впередъ, чтобы извѣстить иноковъ о приближеніи именитаго гостя, или посиѣнили, чтобы занять подъ себя помѣщенія, а свиту владыки оставить безъ крова. Но въ самомъ дѣлѣ это было не такъ: ар-

тисты дѣйствительно укрывались, чтобы не стѣснять своимъ появленіемъ лицъ, положеніе и настроеніе которыхъ не могло отвѣчать ихъ положенію и ихъ настроенію. Имъ не руководили никакія другія соображенія, кромѣ тонкой деликатности, столь много свойственной женщинамъ французской крови, которыхъ было много въ этой артистической компаніи, и онѣ своимъ мягкимъ вліяніемъ давали тонъ всей группѣ. Онѣ не хотѣли отказаться отъ возможности осмотрѣть Валаамъ, для чего выѣхали большою компаніей послѣ большихъ и довольно сложныхъ сборовъ, но хотѣли сдѣлать это какъ можно незамѣтно для настигшихъ ихъ внезапно попутчиковъ, и для этого какъ можно скорѣе ступешаваться и, если можно, совсѣмъ скрыться съ ихъ глазъ.

На пароходѣ подъ митрополичьимъ флагомъ ими теперь тоже не занимались, потому что свѣжее впечатлѣніе, охватившее всѣхъ вчера въ началѣ плаванія, теперь уже притупило послѣ ночи, не совсѣмъ удобно проведенной въ коневецкихъ помѣщеніяхъ; да и притомъ, въ концѣ перехода къ Валааму, съ большою серьезностью надо было обдумать, что тамъ надо посмотрѣть и что приспособить на случай предвидѣнной графомъ Протасовымъ возможности посѣщенія острова государемъ.

Вообще настроеніе измѣнялось тутъ и тамъ и не располагало болѣе путешественниковъ къ шуткамъ.

На островъ они прибыли, какъ я выше сказала, за часъ до парохода подъ митрополичьимъ флагомъ и застали тутъ совсѣмъ неблагоприятное для нихъ положеніе: для нихъ не было ни мѣста, ни людей, которые бы имѣли время съ ними заниматься, и если артисты съѣхались съ митрополитомъ не случайно, а съ расчетомъ видѣть островъ въ минуты торжественной встрѣчи высокаго гостя, то этотъ расчетъ ихъ выходилъ самымъ неудачнымъ. Валаамская братія была болѣе чѣмъ когда-нибудь усиленно погружена въ дѣятельность, которую можно было замѣчать далеко съ моря. Прежде чѣмъ нога путника становилась на берегъ, онъ видѣлъ, что зеленые острова усыяны иноками и послушниками въ ихъ бѣлыхъ холщевыхъ кафтанахъ и такихъ же колпачкахъ, и всѣ они, не покладая рукъ, «ворошили» и гребли свѣжее, скошенное сѣно.

При приближеніи частнаго парохода, они было остановились, опершись на свои вилы и грабли, но точно полу-

чили издали условный, побудительный знак и опять продолжали работать. Но зато, когда вслѣдъ затѣмъ въ заливѣ показался митрополитчій флагъ и на колокольнѣ раздался встрѣчный звонъ, всѣ эти «трудники» покидали на мѣстѣ свои вилы и грабли и, бросивъ недокопненное сѣно въ валахъ, бросились бѣгомъ къ пристани, опережая другъ друга, чтобы принять благословеніе и поцѣловать руку любимаго архипастыря.

Увидавъ эту картину — сбѣгающихъ съ горъ иноковъ, артисты, остававшіеся до сихъ поръ безпристанными, поняли, что имъ тутъ и ждать нечего, и, какъ не въ пору пришедшіе гости, они ушли въ дальнія части лѣснстаго острова и, пробродивши ночь, уѣхали на другое утро рано, когда братія еще молилась за заутренею въ храмѣ.

Впрочемъ, когда и какъ отплыли артисты, на это не обращали вниманія и объ этомъ и не говорили, потому что у каждаго было много дѣла, а къ тому же еще случился обратившій на себя вниманіе необыкновенный случай: недокопненное вчера вечеромъ сѣно было такъ и брошено въ рядахъ на ночь, но утромъ оно оказалось все стребено и сметано въ копны...

Это было на виду у всѣхъ; никакой фальши или сомнѣнія тутъ быть не могло: уснули — сѣно оставалось въ валахъ, а когда встали — сѣно было въ копнахъ...

Мало того, два брата-трудника, «производившіе смолу» или гнавшіе деготь изъ бересты (работа которыхъ не могла быть прервана), робко и нерѣшительно рассказывали, что они, не спавши свѣтлою ночью, видѣли, какъ изъ лѣса вышли лѣкіе «легкіе естественомъ и преносянные воздушнаго круга сѣножаты и начали метать сѣно». А братья-трудники, увидѣвъ таинственныхъ сѣножателей, отвернулись. Они не знали, какъ имъ отнестись къ появленію тѣхъ сѣножателей, а когда настало утро, они увидѣли, что появленіе это было не призракъ, потому что сѣно оказалось убрано и сметано въ копны.

И вотъ всѣ пошли, всѣ посмотрѣли и всѣ удивлялись: сѣно было въ копнахъ...

Инокіи крестились и отходили. Разказъ двухъ братій-трудниковъ о «сѣножатѣхъ» передавался изъ устъ въ уста и дошелъ до митрополита...

Высокопреосвященный Никаноръ выслушалъ объ этомъ

чудесномъ событіи и улыбнулся. Новидимому, занятый настоящими дѣлами своего пріѣзда, онъ нерасположенъ былъ придавать особеннаго значенія происшествію съ сѣномъ, но нѣкто изъ «птенцовъ Андрея», много писавшій подъ диктовку своего учителя *), изложилъ въ тонѣ своего учителя и представилъ митрополиту проектъ записи «дивнаго событія о сѣножатѣхъ...»

Владыка отвергъ эту литературу, а когда другіе, желавшіе поддержать «птенца», попробовали представить соображенія, что событіе о «сѣножатѣхъ» не малозначуще, и что оно, безъ сомнѣнія, находится въ связи съ значеніемъ, какое имѣетъ посѣщеніе острова митрополитомъ, то преосвященный разсердился.

Запись «о сѣножатѣхъ», сдѣланная птенцомъ муравьевскаго гнѣзда, такъ и осталась безъ санкціи владыки и нигуда не могла быть занесена, а только списана «для себя» тѣми, которыхъ рассказанное таинственное событіе особенно поражало и которымъ описаніе, сдѣланное ему муравьевскимъ слономъ, особенно нравилось.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Къ тому же, какъ пріѣздъ митрополита былъ легокъ и веселъ, такъ возвращеніе его вышло неблагопріятно. Онъ распредѣлилъ свое время, когда ему угодно было вернуться, и въ тотъ самый день, когда хотѣлъ, тогда и отплылъ. А между тѣмъ на зарѣ, передъ восходомъ солнца, въ этотъ день по водѣ озера, шурясь, мигали, то расширяясь, то суживаясь, маленькіе кружочки. Это называютъ, будто «котъ плакавъ», и считаютъ за предвѣстіе къ бурѣ; и въ самомъ дѣлѣ поднялась буря, пошла бросать пароходъ, и пришлось убрать поскорѣе флаги... На пароходѣ

*) Андрей Николаевичъ Муравьевъ имѣлъ очень дурной почеркъ и остерегался своихъ неладовъ съ русскою орфографіею, а потому онъ не любилъ писать собственною рукою. Онъ обыкновенно диктовалъ свои сочиненія которому-нибудь изъ «птенцовъ», назначавшихся по каждому случаю въ должность «генеральнаго писаря». Для полученія болѣе широкаго и сильнаго вдохновенія, Муравьевъ во время диктовки надѣвалъ на себя, поверхъ полукафтаны съ запонами, широкій бедуйскій плащъ и диктовалъ, ходя скоро по комнатахъ, чтобы плащъ на немъ вѣялся какъ будто отъ вѣтра въ пустынѣ. Такъ настраивался онъ «закидывая за себя Шатобриана», или метая горячіе угли на головы» мало почтительныхъ къ нему людей.

появилось много больныхъ. и не было того, кто бы могъ приготовить трапезу, потому что о. Сергій, чухонецъ, лежалъ пластомъ на палубѣ, блѣдный, какъ мѣль, и вопіялъ:

— Ой, моя мартонька!.. Вынимайте скорѣе съ меня мою дусаньку.

Отецъ Викторъ стоялъ надъ нимъ и уговаривалъ:

— Подожди умирать,—ты человекъ нужный.

Отецъ Аввакумъ былъ непоколебимъ, и то по особой причинѣ.

Такъ пріѣхали въ Петербургъ всѣ не въ авантажѣ и прежде чѣмъ передавать о томъ, что и какъ учредили на Валаамѣ,—всѣ поспѣшили искать покоя и отдыха. Только одни строго-дисциплинированные «штенцы Андрея», ни минуты не упуская, явились донести ему о всемъ происшедшемъ и, конечно, изложили притомъ и исторію «о сѣножатѣхъ».

Андрею Николаевичу не понравилось, что такое достопримѣчательное событіе могло произойти въ его небытность.

Непосредственную связь между пріѣздомъ на островъ высокопреосвященнаго Никанора и появленіемъ «сѣножатей» Андрей Николаевичъ отвергалъ.

По его мнѣнію, событіе могло быть всегда, но оно дѣйствительно заслуживаетъ вниманія и изслѣдованія, а не такой «пусторамашки».

Изъ этого былъ выводъ тотъ, что при митрополитѣ не было надлежащихъ людей, которые бы знали, что надо дѣлать, и—главное—которые сумѣли бы «безстрашно настоять на томъ, что должно».

— Завтра я ему противъ этого пропишу,—рѣшилъ Андрей Николаевичъ, и назначилъ себѣ на случай сего писанія завтра «дежурнаго генеральнаго писаря».

Въ назначенный день и часъ писарь сѣдѣлъ на мѣстѣ и выводилъ бысролетнымъ перомъ, что изрекалъ, быстро летая въ своемъ бедуинскомъ плащѣ, Муравьевъ.

Смыслъ писанья былъ тотъ, «что нельзя отрицать...» что «испытывать надо»; но тутъ вдругъ совсѣмъ некстати доложили, что пришелъ актеръ Мартыновъ и непременно проситъ его принять.

Андрей Николаевичъ изумился и попутылъ:

— Святъ, святъ, святъ! Зачѣмъ ко мнѣ «Филатка и Мирошка»? Не ошибся ли онъ дверью?

— Никакъ нѣтъ, — онъ къ вамъ, ваше превосходительство.

— Частъ-отъ-часу не легче! Но кое же общеніе тѣмъ со свѣтомъ? Впустите его.

Впустили.

Иванъ Евстафьевичъ вошелъ и удивилъ еще болѣе, объявивъ Муравьеву, что онъ желаетъ говорить съ нимъ съ-глазу-на-глазъ и не можетъ говорить при постороннемъ.

— Но это мой близкій человекъ, — отвѣчалъ Муравьевъ, указывая на секретаря.

— Все равно, я не могу ни при комъ.

Муравьевъ пожалъ плечами и сказалъ:

— Выйди на минутку.

А когда тотъ выходилъ, онъ добавилъ:

— Не вздумалъ ли онъ и здѣсь разыграть своего «Филатку и Мирошку»?

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Но игры не было. Набожный, какъ большинство русскихъ актеровъ, Мартыновъ пришелъ къ Муравьеву съ испугомъ и за самымъ серьезнымъ содѣйствіемъ.

Утромъ на репетиціи онъ слыпалъ отъ Максимова о бывшемъ на Валаамѣ «чудѣ о сѣножатѣхъ», которому будто Муравьевъ желаетъ составить описаніе, какъ предвѣщательному къ войнѣ событію, — ибо были будто тѣ сѣножати не люди, но духи, а между тѣмъ...

Мартыновъ остановился.

Муравьевъ его поддержалъ:

— Договаривайте — я Муравьевъ.

— Извольте, — заключилъ Мартыновъ: — я договорю: здѣсь ничего худого нѣтъ и никакого дурного умысла не было, а сѣно убрали мы.

— Какъ это вы?

— Мы, наша компанія, — артистки и артисты... Мы ходили, бродили по острову въ ожиданіи дня... пришли на мѣсто, гдѣ оставалось сѣно, и вилы, и грабли... Одна французская актриса взяла грабли и говоритъ: «давайте, уберемъ за этихъ бѣдныхъ старичковъ», и всѣ стали грести и копнить, и скопили. Но теперь мнѣ — какъ православ-

ному — это очень неприятно, и я пришел просить васъ разъяснить это кому нужно и не допустить до ложныхъ толкованій.

— Благодарю,— произнесъ Муравьевъ и снисходительно протянулъ Марынову руку, а бумагу, написанную ранѣе подъ диктовку, разорвалъ и поѣхалъ въ лавру, гдѣ Аввакумъ видѣлъ его при вхожденіи и при выхожденіи отъ митрополита «въ позѣ громадной».

Онъ одержалъ верхъ надъ всѣми своими недоброжелателями и показалъ, что такихъ людей, какъ онъ, нельзя манкировать, потому что до нихъ и отовсюду и всѣми путями доходятъ обо всемъ извѣстія.

И Аввакумъ, и Викторъ, и Ласскій съ Навроцкимъ должны были уступить и помолчать.

Это было лѣтомъ въ поздній сѣнокосъ 1852 года, и сочтено было за «предвѣстіе войны», которой нигдѣ не было на горизонтѣ.

Андрей Николаевичъ очень эффектно разрушилъ это предсказаніе. Но *не прошло года*, какъ въ маѣ 1853 года возникъ официально вопросъ о «святыхъ мѣстахъ», и въ Константинополь былъ посланъ чрезвычайнымъ посломъ князь Меншиковъ. а 14-го іюня послѣдовалъ высочайшій манифестъ, которымъ повелѣвалось нашимъ войскамъ занять Дунайскія княжества «съ миролюбивыми цѣлями»...

Муравьевъ вспомнилъ все это въ нѣкоторомъ разговорѣ въ Кіевѣ, и сказалъ:

— Да, вотъ вамъ и разбирайте теперь—было ли это предвѣщательное «событіе о сѣножатѣхъ», а война была.

АЛЕКСАНДРИТЪ.

Натуральный фактъ въ мистическомъ освѣщеніи.

Въ каждомъ изъ насъ, окруженномъ міровыми тайнами, существуетъ склонность къ мистицизму, и одни изъ насъ, при извѣстномъ настроеніи, находятъ сокровенныя тайны тамъ, гдѣ другіе кружась въ водоворотѣ жизни, находятъ все яснымъ. Каждый листикъ, каждый кристаллъ напоминаетъ намъ о существованіи въ насъ самихъ таинственной лабораторіи.

Н. Широковъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Я позволю себѣ сдѣлать маленькое сообщеніе объ одномъ причудливомъ кристаллѣ, открытіе котораго въ нѣдрахъ русскихъ горъ связано съ воспоминаніемъ объ усопшемъ государѣ Александрѣ Николаевичѣ. Дѣло идетъ о красивомъ густо-зеленомъ драгоценномъ камнѣ, который получилъ названіе «александритъ» въ честь покойнаго императора.

Поводомъ къ усвоенію этого имени названному минералу послужило то, что камень впервые найденъ 17 апрѣля 1834 г., въ день совершеннолѣтія государя Александра II. Мѣстонахожденіемъ александрита были уральскія изумрудныя копи, находящіяся въ восьмидесяти пяти верстахъ отъ Екатеринбурга по рѣчкѣ Токовой, впадающей въ Большую Ревть. Названіе «александритъ» далъ камню извѣстный финляндскій ученый минералогъ Норденшильдъ, именно потому, что камень найденъ имъ, г-мъ Норденшильдомъ, въ день совершеннолѣтія покойнаго государя. Сказанной причины, я думаю, достаточно, чтобы никакой другой не разыскивать.

Какъ Норденшильдъ назвалъ вновь найденный кристаллъ «камнемъ Александра», такъ онъ и именуется по сіе время. Что же касается до свойствъ его природы, то о нихъ извѣстно слѣдующее:

«Александритъ» (Alexandrit, Chrisoberil Cymophone) есть видоизмѣненіе уральскаго хризоберила. Это минералъ драгоценный. Цвѣтъ александрита — *темно-зеленый*, довольно сходный съ цвѣтомъ темнаго изумруда. При искусственномъ освѣщеніи камень этотъ теряетъ свою зеленую окраску и *переходитъ съ малиновой цвѣтъ*».

«Самые лучшіе кристаллы александрита были найдены на глубинѣ трехъ сажень въ Красноболотскомъ приискѣ. Вставки изъ александрита очень рѣдки, а безукоризненно хорошіе кристаллы составляютъ величайшую рѣдкость и не превышаютъ вѣсомъ одного карата *). Вслѣдствіе этого александритъ въ продажѣ не только весьма рѣдокъ, но даже и въ которыхъ ювелиры знаютъ о немъ только по-наслышкѣ. Онъ почитается камнемъ Александра Второго».

Свѣдѣніе это я выписалъ изъ книги Мих. Ив. Пыляева, изданной с.-петербургскимъ минералогическимъ обществомъ въ 1877 г. подъ названіемъ: «Драгоценные камни, ихъ свойства, мѣстонахожденія и употребленіе».

Къ тому, что выписано изъ сочиненія г. Пыляева о мѣстонахожденіи александрита, надо прибавить, что рѣдкость этого камня еще болѣе увеличилась отъ двухъ причинъ: 1) отъ укоренившася между искателями камней повѣрья, что гдѣ обозначился александритъ, тамъ уже напрасно искать изумруда и 2) отъ того, что копи, гдѣ доставали лучшіе экземпляры камня Александра II, — *замло водою* прорвавшейся рѣки.

Такимъ образомъ прошу замѣтить, что александритъ очень рѣдко можно встрѣтить у ювелировъ русскихъ, а иностранные ювелиры и гранильщики, какъ говоритъ М. И. Пыляевъ, «знаютъ о немъ только по-наслышкѣ».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Послѣ трагической и великоскорбной кончины усопшаго государя, при которомъ прошли теплые, весенніе дни людей

*) Каратъ собственно считается равнымъ тяжестью одному зерну сладкаго рожка, или около 4 гранъ.

нашей поры, многіе изъ насъ, по довольно распространенному въ человѣческомъ обществѣ обычаю, желали имѣть о дорогомъ покойникѣ какія кто могъ вещественныя «памятки». Для этого разными читателями покойнаго государя избирались разнообразныя вещи, впрочемъ преимущественно такія, которыя бы можно имѣть всегда при себѣ.

Одни пріобрѣли миниатюрные портреты покойнаго государя и вдѣлывали ихъ въ свои бумажники или часовые медальоны, другіе вырѣзывали на завѣтныхъ вещахъ день его рожденія и день его кончины; третьи дѣлали еще что-нибудь въ этомъ родѣ; а немногіе—кому позволяли средства и кому представился случай—пріобрѣтали вставки изъ камня Александра Второго. Изъ нихъ или съ ними устраивали перстни, чтобы носить и не снимать эту памятку съ руки.

Перстни съ александритомъ были изъ самыхъ любимыхъ и притомъ изъ самыхъ рѣдкихъ и, можетъ-быть, изъ самыхъ характерныхъ памятокъ, и кто добылъ для себя такую, тотъ уже съ нею не разставался.

Кольцо съ александритомъ, однако, никогда не было много, ибо, какъ справедливо сказано у г. Пыльева, хорошія вставки изъ александрита и рѣдки, и дороги. А потому на первыхъ порахъ были люди, которые прилагали чрезвычайно большія усилія, чтобы отыскать александритъ, и часто не находили его ни за какія деньги. Разсказывали, будто это усиленное требованіе даже вызвало опыты поддѣлывать александритъ, но поддѣлывать этотъ оригинальный камень оказалось невозможнымъ. Всякая поддѣлка непременно должна обнаружиться, такъ какъ «камень Александра Второго» обладаетъ дихроизмомъ или свѣтоперемѣнностію. Опять прошу помнить, что александритъ при дневномъ свѣтѣ *зеленъ*, а при вечернемъ освѣщеніи онъ — *красенъ*.

Этого достигъ никакимъ искусственнымъ способомъ нельзя.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Мнѣ досталось кольцо съ александритомъ, шедшее съ руки одного изъ незабвенныхъ людей царствованія Александра Второго.

Я пріобрѣлъ перстень самымъ простымъ способомъ—покупкою, послѣ смерти того, кто носилъ эту вещь. Перстень

перешелъ черезъ руки рыночнаго торговца и достался мнѣ. Онъ былъ мнѣ впору, и я какъ надѣлъ его на руку, такъ съ нимъ и остался.

Кольцо было сдѣлано довольно затѣйно и идейно—съ символизмомъ: камень покойнаго государя Александра Второго сидѣлъ не одинъ, а его окружали два, чистой воды, брильянта. Они должны были представлять здѣсь собою два блестящія дѣла прошедшаго царствованія—освобожденіе крестьянъ и учрежденіе лучшаго судопроизводства, которое смѣнило старую «черную неправду».

Хорошій густоцвѣтный александритъ немного менѣе карата, а брильянты каждый только по полукарату. Это опять, очевидно, съ тѣмъ, чтобы брильянты, изображающіе дѣла, не закрывали собою главнаго скромнаго камня, который долженъ напоминать самое лицо благороднаго дѣятеля. Все это вдѣлано въ чистое, гладкое золото, безъ всякой нестроты и украшеній, какъ дѣлаютъ англичане,—чтобы перстень былъ дорогимъ воспоминаніемъ, но чтобы отъ него «деньгами не пахло».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Лѣтомъ 1884 года мнѣ привелось быть въ Чехахъ. Имѣя безпокойную склонность увлекаться разными отраслями искусства, я тамъ нѣсколько заинтересовался мѣстными ювелирными и гранильными работами.

Цвѣтныхъ камней въ чешскихъ земляхъ не мало, но всѣ они невысокаго достоинства и вообще много уступаютъ цейлонскимъ и нашимъ сибирскимъ. Исключеніе составляетъ одинъ *чешскій пиропъ*, или «огненный гранатъ», добываемый на «сухихъ поляхъ» Мероница. Лучше его нѣтъ нигдѣ граната.

У насъ пиропъ былъ когда-то въ почетѣ и въ старину высоко цѣнился, но теперь хорошаго крупнаго чешскаго пироба въ Россіи почти невозможно найти ни у одного ювелира. Многіе изъ нихъ не имѣютъ о немъ и понятія. У насъ нынче встрѣчается въ дешевыхъ ювелирныхъ вещахъ или мутный, темный тирольскій гранатъ, или «гранатъ водяникъ», но крупнаго огненнаго пироба съ «сухихъ полей» Мероница нѣтъ. Всѣ лучшіе старинные экземпляры этого прекраснаго, густоцвѣтнаго камня, ограненные, болышею частію, мелкогранною крещъ-розетою, скуплены по ничтож-

нымъ цѣнамъ иностранцами и вывезены за границу, а вновь находимые въ Чехіи хорошіе пироны прямо идутъ въ Англію или въ Америку. Тамъ вкусы устойчивѣе, и англичане очень любятъ и цѣнятъ этотъ прекрасный камень съ таинственнымъ огнемъ, въ немъ заключеннымъ («огонь въ крови»—«Feuer in Blut»). Англичане и американцы, впрочемъ, вообще любятъ характерные камни, какъ, напримѣръ, пиропъ или какъ «лунный камень», который при всякомъ освѣщеніи отливаетъ только однимъ своимъ *луннымъ* свѣтомъ. Въ ихъ маленькой, но очень полезной брошюркѣ «Правила вѣжливости и приличій», есть даже указаніе на эти камни, какъ на болѣе достойные вкуса истиннаго джентльмена. О брилліантахъ тамъ сказано, что ихъ «можетъ носить всякій, у кого есть деньги». Въ Россіи на это другой взглядъ: ни символики, ни красоты, ни загадочности удивительныхъ цвѣтовъ камня у насъ нынче не уважаютъ и «запахъ денегъ» скрывать не желаютъ. У насъ, напротивъ, цѣнятъ только то, «что принимается въ ломбардъ». Оттого такъ называемые любительскіе камни и не идутъ къ намъ, и они нашимъ нынѣшнимъ охотникамъ до драгоценностей неизвѣстны. Имъ даже, можетъ-быть, показалось бы удивительно и невѣроятно, что прелестный экземпляръ огненного граната считается однимъ изъ лучшихъ украшеній австрійской короны и стоитъ ужасной цѣны.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Бдучи за границу, я, между прочимъ, имѣлъ порученіе отъ одного петербургскаго пріятели привезти ему изъ Богеміи два лучшіе граната, какіе только можно будетъ найти у чеховъ.

Я и отыскалъ два камня изрядной величины и хорошаго цвѣта; но одинъ изъ нихъ, наиболѣе пріятный по своему тону, къ досадѣ моей, былъ испорченъ очень несовершенной, грубой огранкой. Онъ имѣлъ форму брилліанта, но верхняя его площадка была какъ-то неуклюже, прямолинейно срѣзана, и оттого камень не имѣлъ ни глубины, ни блеска.

Руководившій меня въ выборѣ чехъ, однако, посоветовалъ мнѣ купить этотъ гранатъ и потомъ отдать его перегранить одному извѣстному мѣстному гранильщику, по имени Венцелю, котораго поводырь мой называлъ вели-

чайшимъ мастеромъ своего дѣла и притомъ большимъ оригиналомъ.

— Это артистъ, а не ремесленникъ,—говорилъ чехъ, и рассказалъ мнѣ, что старшій Венцель — кабалистъ и мистикъ, а также отчасти восторженный поэтъ и большой суевѣръ, но человекъ преоригинальный и подчасъ даже прелюбопытный.

— Вы недаромъ съ нимъ познакомитесь,—говорилъ мой пріятель.—Камень для дѣдушки Венцеля представляетъ не бездушное, а одушевленное существо. Онъ чувствуетъ въ немъ отблескъ таинственной жизни горныхъ духовъ и, — прошу васъ не смѣяться, — онъ входитъ съ ними черезъ камень въ какія-то таинственныя сношенія. Иногда онъ рассказываетъ кое-что о полученныхъ откровеніяхъ, и слова его заставляютъ многихъ думать, что у бѣднаго старика уже не все исправно подъ черепомъ. Онъ уже очень старъ и капризенъ. Самъ онъ теперь рѣдко принимается за работу, работаютъ у него два его сына, но если его попросить и если ему камень понравится, то онъ его сдѣлаетъ самъ. А ужъ если онъ самъ сдѣлаетъ, то это будетъ превосходно, потому что, повторяю, самъ Венцель — великій и притомъ вдохновенный артистъ своего дѣла. Мы съ нимъ давно знакомы и вмѣстѣ пьемъ пиво у Ёдличка. Я его попрошу, и надѣюсь, что онъ исправитъ вамъ камень. Тогда это будетъ у васъ прекрасная покупка, которою вы какъ нельзя болѣе угодите тому, кто васъ просилъ о ней.

Я послушался и купилъ гранатъ, а затѣмъ мы тотчасъ же понесли его къ старому Венцелю.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Старикъ жилъ въ одной изъ мрачныхъ, узкихъ и тѣсно застроенныхъ улицъ жидовскаго предмѣстья, недалеко отъ известной исторической синагоги.

Гранильщикъ былъ высокій, худой старикъ, немного сгорбленный, съ совершенно бѣлыми длинными волосами и съ быстрыми карими глазами, взглядъ которыхъ выражалъ большую сосредоточенность съ оттѣнкомъ чего-то такого, что замѣчается у больныхъ людей, одержимыхъ горделивымъ помѣшательствомъ. Согнутый въ хребтѣ, онъ держалъ голову вверхъ и смотрѣлъ какъ король. Актеръ, глядя на Венцеля, могъ бы превосходно загримироваться Лиромъ.

Венцель осматрѣлъ купленный мною пиропъ и кивнулъ головою. По этому движенію и по выраженію лица старика надлежало понять, что онъ нашелъ камень хорошимъ, но, кромѣ того, старый Венцель повелъ дѣло такъ, что съ этой же первой минуты, хотя все шло у насъ о пиропѣ, но собственно главный интересъ для меня сосредоточился на самомъ гранильщикѣ.

Онъ долго-долго смотрѣлъ камень, чавкалъ беззубыми челюстями и одобрительно мнѣ кивалъ; потомъ мялъ пиропъ между двумя пальцами, а самъ глядѣлъ прямо и остро въ глаза мнѣ и морщился, морщился, точно съѣлъ зеленую скорлупу орѣха, и вдругъ объявилъ:

— Да, это онъ.

— Хорошій пиронъ?

Вмѣсто прямого отвѣта Венцель проговорилъ, что онъ этотъ камень «давно знаетъ».

Я очень удачно могъ вообразить себя передъ Лиромъ и отвѣчалъ:

— Я этимъ безмѣрно счастливъ, господинъ Венцель.

Почтительность моя старику понравилась, и онъ показлъ мнѣ мѣсто на скамейкѣ, а затѣмъ самъ подошелъ ко мнѣ такъ, что прижалъ своими колѣнами мои колѣна, и заговорилъ:

— Мы съ нимъ знакомы давно... Я видѣлъ его еще на его родинѣ, на сухихъ поляхъ Мероница. Онъ тогда былъ въ своей первозданной простотѣ, но я его чувствовалъ... И кто могъ мнѣ сказать, что его постигнетъ его ужасная участь? О, вы можете видѣть по немъ, какъ духи горъ предусмотрительны и зорки! Его купилъ разбойникъ - швабъ и швабу далъ его гранить. Швабъ можетъ хорошо продавать камень, потому что онъ имѣетъ каменное сердце; но гранить швабъ не можетъ. Швабъ—насилъникъ, онъ все хочетъ по-своему. Онъ не совѣтуется съ камнемъ—чѣмъ тотъ можетъ быть, да чешскій пиропъ и гордъ для того, чтобы отвѣчать швабу. Нѣтъ, онъ разговаривать съ швабомъ не станетъ. Нѣтъ, въ немъ и въ чехѣ одинъ духъ. Швабъ изъ него не сдѣлаетъ того, что ему вздумается. Вотъ они захотѣли сдѣлать его крейць-розетою, вы это видите (я ничего не видѣлъ), но онъ имъ на это не дался. О да, — онъ пиронъ! онъ схитрилъ, онъ лучше позволилъ

имъ, чтобы швабы ему отрѣзали голову, и они ему ее отрѣзали.

— Ну да,—перебилъ я:—значить, онъ погибъ.

— Погибъ! отчего?

— Вы сами сказали, что у него отрѣзали голову.

Дѣдушка Венцель сожалительно улыбнулся:

— Голова! Да, голова — важная штука, господинъ, но духъ... духъ еще важнѣе головы. Мало ли головъ отрѣзали чехамъ, а они всѣ живы. Онъ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать, когда попалъ варвару въ руки. Постуши швабъ такимъ подлымъ образомъ съ какимъ-нибудь животнымъ, съ какимъ-нибудь жемчугомъ или съ какимъ-нибудь «кошачьимъ глазомъ», который нынче пошелъ въ моду, — и отъ нихъ не осталось бы ничего. Изъ нихъ вышла бы какая-нибудь пошлая пуговица, которую осталось бы только выбросить. Но чехъ не таковъ, его не скоро столчень въ швабской стугѣ! У ирониа закаленная кровь... Онъ зналъ, что ему надо дѣлать. Онъ притворился, какъ чехъ подъ швабомъ, онъ отдалъ свою голову, а свой огонь спряталъ въ сердцѣ... Да, господинъ, да! Вы огня не видите? Пѣтъ! А я его вижу: вонъ онъ густой, неугасимый огонь чешской горы... Онъ живъ и... — вы его извините, господинъ, — онъ надъ вами смѣется.

Старый Венцель самъ засмѣялся и закачалъ головою.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Я стоялъ передъ этимъ старикомъ, который держалъ въ рукѣ мой камешекъ, и рѣшительно не зналъ, что ему отвѣчать на его капризные и малопонятныя рѣчи. И онъ, кажется, понялъ мои затрудненія: онъ взялъ меня за руку, а другою захватилъ концами пинцета ирониа, поднялъ его въ двухъ пальцахъ вверхъ передъ своимъ лицомъ и продолжалъ повышеннымъ тономъ:

— Онъ самъ чешскій князь, онъ первозданный рыцарь Мероница! Онъ зналъ, какъ уйти отъ невѣжды: онъ у нихъ на глазахъ переодѣлся трубочистомъ. Да, да, я видѣлъ его; я видѣлъ, какъ барышникъ-жидъ возилъ его въ своемъ карманѣ, барышникъ и выбиралъ по немъ другіе камни *). Но онъ не для того горѣлъ на первозданномъ огнѣ, чтобы те-

*) Если долго пересматривать однородные цвѣтные камни, то «глазъ притупляется» и терять способность отличать лучшіе цвѣта отъ худ-

реться уродомъ въ кожаной мошнѣ барышника. Ему надоѣло ходить трубочистомъ, и онъ пришелъ ко мнѣ за свѣтлой одеждой. О! мы понимаемъ другъ друга, и принцъ Мерионическихъ горъ явится принцемъ. Оставьте его у меня, господинъ. Мы съ нимъ проживемъ, мы съ нимъ посоветуемся— и принцъ будетъ принцемъ.

Съ этимъ Венцель довольно непочтительно кивнулъ мнѣ головою и еще непочтительнѣе бросилъ первозданнаго рыцаря на очень грязную, засиженную мухами тарелку, на которой валялось нѣсколько совершенно схожихъ на видъ гранатовъ.

Мнѣ это не понравилось, и я даже просто побоялся, что мой пирогъ перемѣшается съ другими, худшими.

Венцель это замѣтилъ и наморщилъ лобъ.

— Постойте!—сказалъ онъ и, смѣшавъ рукою все гранаты въ тарелкѣ, неожиданно бросилъ ихъ все въ мою шляпу, а потомъ потрясъ ее и, опустивъ въ нее, не глядя, свою руку, какъ разъ вынулъ «трубочиста».

— Хотите это сто разъ повторить или довольно, довольно одного раза?

Онъ чувствовалъ и различалъ камень по плотности.

— Довольно,—отвѣчалъ я.

Венцель опять бросилъ камень въ тарелку и еще горделивѣе кивнулъ головою.

Мы на этомъ разстались.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Во всѣхъ словахъ и въ самой фигурѣ стараго грапильщика было столько прихотливаго и особеннаго, что его трудно было считать нормальнымъ человѣкомъ, и во всякомъ случаѣ отъ него вѣяло сагой.

— Вотъ, — думалось мнѣ, — если бы такого оригинальнаго знатока камней повстрѣчалъ въ свое время такой великій любитель самоцвѣтныхъ лаловъ, какъ Иванъ Грозный! Вотъ бы съ кѣмъ онъ власть поговорилъ и можетъ-быть самъ бы его затравилъ самымъ лучшимъ медвѣдемъ! Те-

шихъ. Чтобы возстановить эту способность. скупщики камней имѣютъ при себѣ *регуляторъ*, т. е. такой камень, дѣлтъ котораго имъ извѣстенъ своимъ достоинствомъ. Сличая съ нимъ чужой камень, покупщикъ сейчасъ же видитъ разницу въ его оцвѣченнн и можетъ правильно судить о его достоинствѣ.

перь Венцель уже не ко времени птица и не къ масти козырь. Въ любомъ ломбардѣ сидятъ знатоки, которые навѣрное должны отнестись къ нему по крайней мѣрѣ съ такимъ же презрѣніемъ, съ какимъ онъ къ нимъ относится. Что онъ мнѣ наговорилъ о какомъ-то двадцатирублевомъ камнѣ!.. Чешскій принцъ, первозданный князь, и потомъ самъ швырнулъ его на грязную тарелку...

Нѣтъ, — онъ сумасшедшій.

А Венцель, какъ на зло, не выходилъ у меня изъ головы, да и только. Даже онъ сталъ мнѣ сниться. Мы съ нимъ все лазили по Мероницкимъ горамъ и чего-то скрывались отъ швабовъ. Поля были не только сухи, но жарки, и Венцель то здѣсь, то тамъ припадалъ къ землѣ, прикладывая ладони къ пыльному щебню и шепталъ мнѣ: «Пробуй! пробуй, какъ горячо!.. Какъ *они* тамъ нылаютъ! Нѣтъ, нигдѣ нѣтъ такихъ камней!»

И подъ наитіемъ всего этого купленный мною гранатъ въ самомъ дѣлѣ сталъ мнѣ казаться чѣмъ-то оживленнымъ «отъ первозданныхъ огней». Чуть я оставался одинъ, мнѣ тотчасъ начинали припоминаться въ дѣтствѣ читанное путешествіе Марко Поло и родныя сказанья новгородцевъ «о камняхъ драгихъ, ко многимъ дѣламъ угодныхъ». Вспомнилось, какъ бывало читаешь и удивляешься, что «гранатъ веселитъ сердце человѣческое и кручину отдаляетъ и кто его при себѣ носить, у того рѣчь и смыслъ исправляетъ и къ людямъ прилюбливаетъ». Позже все это потеряло значеніе, — на всѣ эти сказанія мы стали смотрѣть какъ на пустое суевѣріе, стали сомнѣваться, что «алмазь смягчить можно, помочивъ его въ крови козлей», что алмазь «лихіе сны отгоняетъ», а если къ носящему его «окормъ приблизить, то онъ потѣти зачнетъ»: что «яхонтъ сердце крѣпшитъ, лалъ счастье множитъ, лазоръ болѣзни унимасть, изумрудъ очи уздоравлиетъ; бирюза отъ паденія съ коня бережетъ, бечеть нехорошую мысль отжигаетъ, тумпазъ кипѣніе воды прекращаетъ, агатъ непорочность дѣвицъ бережетъ, а безоаръ-камень всякій ядъ погашаетъ». А вотъ попался старикъ съ густымъ бредомъ, и я самъ съ нимъ снова готовъ бредить.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Спипь, а все это снится... И какъ славно, какъ это все густо, и жизненно, хотя и знаешь, что это вздоръ. Не

взоръ — это то, что знаетъ оцѣнщикъ камней въ ломбардѣ. О да, то не вздоръ. То оцѣнка... то фактъ...

Да, но вѣдь и это было въ свое время фактомъ... Вѣдь патриархъ Никонъ фактъ писалъ царю Алексѣю, когда жаловался на своихъ лиходѣевъ. Совѣмъ хотѣли его извести и злымъ окормомъ его на-смерть окормили, да былъ патриархъ запасливъ — онъ при себѣ «безуй-камень» имѣлъ и «безуемъ отсосался». Долго онъ лизалъ безуй-камень, который былъ у него въ напалкѣ выправленъ, но зато ему помоглося, а лиходѣи его пострадали. Правда, что все это было въ старину, когда и камни въ нѣдрахъ земли, и планеты въ выси небесной — всѣ были озабочены судьбой человѣка, а не нынче, когда и въ небесахъ горѣ, и подъ землею — все охладѣло къ судьбѣ сыновъ человѣческихъ и нѣсть имъ оттуда ни гласа, ни послушанія. Всѣ вновь открытыя планеты уже не получили никакихъ должностей для гороскоповъ; много есть и новыхъ камней, и всѣ они смѣрены, свѣщенны, сравнены по удѣльной тяжести и плотности и затѣмъ ничего они не вѣщаютъ, ни отъ чего не пользуются. Прошелъ ихъ чередъ говорить съ человѣкомъ, и они теперь то же, что «витія многовѣщанные», которые сдѣлались «яко рыбы безгласныя». И старый Венцель, конечно, дурить, повторяя какія-нибудь старыя сказки, которыя у него перепутались въ ослабѣвшемъ мозгу.

Но какъ же онъ меня мучилъ, этотъ сумасбродный старикъ! Сколько разъ я заходилъ къ нему, а мой широкъ не только былъ еще не готовъ, но Венцель за него даже и не принимался. Мой «первозданный принцъ» валялся «трубочистомъ» на тарелкѣ, въ самомъ низкомъ и малодостойномъ его товариществѣ.

Если хоть каплю, но искренно суевѣрить, что въ этомъ камнѣ живетъ какой-то горный, гордый духъ, который мыслить и чувствуетъ, то обращаться съ нимъ такимъ непочтительнымъ образомъ тоже есть варварство.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Венцель меня уже не интересовалъ, а сердилъ. Они ни на что не отвѣчалъ толкомъ, и порою мнѣ въ немъ сказывался даже нахаль. На самыя вѣжливыя мои замѣчанія, что я слишкомъ долго жду маленькаго поворота его шлифовальнаго колеса. онъ меланхолически чистилъ свои гни-

лые зубы и начиналъ разсуждать, что за вещь *колесо* и сколько есть разнообразныхъ колесъ на свѣтѣ. Колесо при мужичьей мельницѣ, колесо въ мужичьей телѣгѣ, колесо въ вагонѣ, колесо въ легкой вѣнскои коляскѣ, часовое колесо до Брегета и часовое колесо послѣ Брегета, колесо въ часахъ Дениса Блонделя и колесо въ часахъ Луи Одемара... Словомъ, чортъ знаетъ, что за рацею разведеть, а конецъ тотъ, что каретную ось легче выковать, чѣмъ огранить камень, а потому: «ждите, славянннхъ».

Я потерялъ терпѣнiе и попросилъ Венцеля возвратить мнѣ назадъ мой камень, какимъ онъ есть, но въ отвѣтъ на это старикъ заговорилъ ласково:

— Ну, какъ это можно? зачѣмъ дѣлать такiе капризы?

Я признался, что мнѣ это надолю.

— Ага, — отвѣчалъ Венцель: — а я думалъ, что вы уже сдѣлались пивабомъ и нарочно хотите оставить чешскаго князя трубочистомъ...

И Венцель захохоталъ, широко раскрывъ ротъ, такъ что изъ него по всей комнатѣ запахло хмелемъ и солодомъ.

Мнѣ показалось, что старикъ въ этотъ день выпилъ лишнюю кружку пильзенскаго пива.

Венцель даже сталъ мнѣ разсказывать какую-то глупость, — будто онъ бралъ *ею* съ собою *гулять* на Винограды за Нуссельскiе сходы. Тамъ они будто вмѣстѣ сидѣли на сухой горѣ противъ Карлова тына, и онъ будто открылъ, наконецъ, ему, Венцелю, всю свою исторiю «отъ первозданныхъ дней», когда еще не только не родились ни Сократъ, ни Платонъ, ни Аристотель, но не было содомскаго грѣха и содомскаго пожара, — вплоть до самаго того часа, какъ онъ выползъ на стѣну клопомъ и посмѣялся надъ бабой...

Венцель будто вспомнилъ что-то очень смѣшное, — снова расхохотался и опять наполнилъ комнату запахомъ солода и хмеля.

— Довольно, дѣдушка Венцель, — я ничего не понимаю.

— Это очень странно! — замѣтилъ онъ съ недоумѣнiемъ и разсказалъ, что бывали случаи, когда превосходные пиропы находили просто въ избяной обмазкѣ стѣнъ. Богатство камней было такъ велико, что они валялись поверхъ земли и попадали съ глиной въ штукатурку.

Венцель, вѣроятно, имѣлъ все это въ головѣ, когда си-

дѣль въ садикѣ шивницы при Нуссельскихъ сходахъ, и унесъ это съ собою на сухую гору, на которой глубоко и мирно уснулъ и видѣлъ прелюбопытный сонъ: онъ видѣлъ бѣдную чешскую избу въ горахъ Меровица, въ избушкѣ сидѣла молодая крестьянка и прила руками козью шерсть, а ногою качала колыбель, которая при каждомъ движеніи тихонько толкала въ стѣнку. Штукатурка тихо шелушилась и опадала пылью и... «онъ пробудился!» То-есть пробудился не Венцель и не дитя въ колыбели, а онъ — перво-зданный рыцарь, замазанный въ штукатурку... Онъ пробудился и выглянулъ наружу, чтобы полюбоваться лучшимъ зрѣлищемъ, какое бываетъ на свѣтѣ, — молодою матерью, которая придетъ шерсть и качаетъ своего ребенка... Мать-чешка увидала на свѣтѣ гранатъ и подумала: «вотъ клопъ», и чтобы гадкое насѣкомое не кусало ея ребенка, она ударила его со всей силы своей старой туфлей. Онъ выпалъ изъ глины и покатился на землю; а она увидала, что это камень, и продала его ивабу за горсть гороховыхъ зеренъ. Все это было тогда, когда зерно широна стоило одну горсть гороха. Это было раньше, чѣмъ случилось то, что описано въ чудесахъ св. Николая, когда пиропись проглотила рыба, которая досталась бѣдной женщинѣ, и ту обогатила эта находка...

— Дѣдушка Венцель!—сказалъ я:—извините меня—вы говорите очень любопытныя вещи, но мнѣ недосужно ихъ слушать. Я послѣзавтра утромъ рано уѣду, и потому завтра приду къ вамъ въ послѣдній разъ, чтобы получить мой камень.

— Прекрасно, прекрасно!—отвѣчалъ Венцель.—Приходите завтра въ сумерки, когда станутъ зажигать огни: трубочистъ встрѣтитъ васъ принцемъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Я пришелъ какъ разъ въ назначенное время, когда зажгли свѣчи, и на этотъ разъ мой пиропись дѣйствительно былъ готовъ. «Трубочистъ» въ немъ исчезъ, и камень поглощалъ и извергалъ изъ себя пучки густого, темнаго огня. Венцель на какую-то незамѣтную линію снялъ края верхней площадки широна, и середина его поднялась капюшономъ. Гранатъ принялъ въ себя свѣтъ и заигралъ: въ немъ, въ самомъ дѣлѣ, горѣла въ огнѣ очарованная капля несгораемой крови.

— Что? каковъ витязь?—восклицалъ Венцель.

Я поистинѣ не могъ налюбоваться природою и хотѣлъ выразить Венцелю это, но, прежде чѣмъ я успѣлъ сказать хоть одно слово, мудреный старикъ выкинулъ неожиданную и престранную штуку: онъ вдругъ схватилъ меня за кольцо съ александритомъ, который теперь при огнѣ былъ красенъ, и закричалъ:

— Сыны мои! чехи! Скорѣй! Смотрите, вотъ-вотъ тотъ *вѣщій русскій камень*, о которомъ я вамъ говорилъ! Коварный сибирякъ! онъ все былъ зеленъ, какъ надежда, а къ вечеру облился кровью. Отъ первозданья онъ таковъ, но онъ все прятался, лежалъ въ землѣ и позволилъ найти себя только въ день совершеннолѣтія царя Александра, когда пошелъ его искать въ Сибирь большой колдунъ, волшебникъ, вейделота...

— Вы говорите пустяки, — перебилъ я. — Этотъ камень нашель не волшебникъ, а ученый—Норденшильдъ!

— Колдунъ! Я говорю вамъ—колдунъ,—закричалъ громко Венцель. — Смотрите, что это за камень! въ немъ зеленое утро и кровавый вечеръ... Это судьба, это судьба благо-роднаго царя Александра!

И старый Венцель отвернулся къ стѣнѣ, оперъ голову на локоть и... заплакалъ.

Сыновья его стояли молча. Не только для нихъ, но и для меня, который такъ давно видалъ постоянно на своей рукѣ «камень Александра Второго», камень этотъ будто вдругъ исполнился глубокою вѣщей тайной, и сердце сжа-лось тоскою.

Какъ хотите—старикъ увидалъ и прочелъ въ камнѣ что-то такое, что въ немъ какъ будто и было, но что прежде до него никому въ глаза не бросилось.

Вотъ что иногда значитъ посмотреть на вещь подъ не-обыкновеннымъ настроеніемъ фантазіи!

ЗАГАДОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ

ВЪ СУМАСШЕДШЕМЪ ДОМѢ.

(Извлечено изъ бумагъ Е. В. Пеликана.)

(1858—1878).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ нынѣшнее время часто доводится слышать сильное негодованіе, если какое-нибудь изъ ряда выходящее происшествіе остается безъ скорого и удовлетворительнаго разъясненія его причинъ. Это сейчасъ же ставится въ вину порядкамъ новаго судопроизводства и еще чаще въ вину тѣмъ людямъ, которые нынче производятъ слѣдствія, и тѣмъ, которые совершаютъ судъ по законамъ императора Александра II. Думаютъ, — и такихъ людей не мало, — что ранѣе, т. е. до введенія новыхъ судовъ, дѣла будто бы шли лучше, т. е. скорѣе, строже и справедливѣе. Такое мнѣніе не только существуетъ въ темномъ простонародьѣ, но оно даже безъ стѣсненія высказывается и въ извѣстныхъ органахъ періодической печати, руководимыхъ образованными людьми. Последнее, въ свою очередь, раздражаетъ и сердитъ людей, сохранившихъ вѣрное воспоминаніе о прежнемъ слѣдственномъ и судебномъ процессѣ. Это раздраженіе понятно, но гнѣвъ все-таки неумѣстенъ. Напротивъ, кажется, надо радоваться, что если уже есть въ обществѣ такое странное мнѣніе, то пусть оно не таится, а находитъ себѣ свободное выраженіе въ печати. Печать лучше, чѣмъ что-либо иное, можетъ послужить свѣркѣ и оцѣнкѣ всякихъ мнѣній—какъ ошибочныхъ, такъ и обстоятельныхъ.

Однимъ изъ лучшихъ способовъ для этого служатъ сравненія, которыхъ много можно привести изъ такъ-называемыхъ «памятей» о дѣлахъ «добраго стараго времени».

Разумію не то настоящее «старое время», какимъ почитается въ нашей исторіи до-Петровскій періодъ, а собственно время, предшествовавшее введенію судебной реформы, которое нынче часто тоже называютъ «старымъ».

Любопытные сборники Любавскаго не богаты матеріаломъ для исторіи о дѣлахъ угасшихъ. Очень можетъ быть—тамъ нѣтъ такихъ дѣлъ, потому что во время составленія сборниковъ Любавскаго никому изъ нашихъ русскихъ современниковъ еще не приходило на мысль искать идеала правосудія въ старинномъ судебномъ порядкѣ. Не предвидѣлось и того, что скоро можетъ представиться надобность доказывать несостоятельность слѣдственного процесса въ до-реформенное время. Иначе, вѣроятно, въ уголовныхъ сборникахъ нашли бы мѣсто образцы дѣлъ неразъясненныхъ, и притомъ такіе образцы, которые способны каждаго удивить и поразить своею оригинальнію и маловѣроятностію. Такихъ дѣлъ особенно много по группѣ убійства помѣщиковъ крѣпостными людьми и обратно, и не менѣе ихъ еще, напримѣръ, по истребленію казенныхъ лѣсовъ. Въ ранней моей молодости я помню, какъ въ Орлѣ, кажется, около четырнадцати лѣтъ, производилось дѣло о вырубкѣ казеннаго лѣса въ карачевскомъ или въ трубчевскомъ уѣздѣ. Въ этомъ преступленіи и грабежѣ казны на огромную, тогдашнему, сумму подозрѣвался и изобличался мѣстный лѣсничій по фамиліи Красовскій, — человекъ уже очень старый, набожный и постникъ, джентльменъ, съ совершенно бѣлой головою. всегда тщательно выбритый и причесанный.

Я помню, когда его водили изъ острога съ двумя часовыми мимо такъ-называемаго губернаторскаго сада, гдѣ я игралъ во дни моего дѣтства.

Красовскій ходилъ съ часовыми очень спокойно, ласково улыбался знакомымъ и почему-то *благовославлялъ дѣтей!*.. Онъ жилъ въ орловскомъ острогѣ болѣе десяти лѣтъ, и жилъ настоящимъ тюремнымъ аборигеномъ или даже патріархомъ. Когда въ Орлѣ была впервые прочтена «Крошка Доритъ», то многіе говорили, что старый отецъ маленькой Доритъ, живущій въ тюрьмѣ и тамъ лицемѣрствующій, точно будто списанъ Диккенсомъ съ орловскаго острожнаго патріарха—Красовскаго.

Красовскій, такъ же какъ и герой Диккенса, получилъ

вѣсть и значеніе въ тюрьмѣ; онъ славился своимъ благо-
честіемъ и скупостію; имѣлъ нравственное вліяніе на за-
ключенныхъ и на охранителей, и довелъ двухъ прислужи-
вавшихъ ему арестантовъ изъ простонародья до того, что
они сдѣлали покушеніе задушить его за скупость, и за то
наказаны плетью и сосланы въ каторгу.

Такъ изъ-за Красовскаго, во время его долголѣтней
жизни въ орловскомъ острогѣ, возникали новыя дѣла, а его
собственное дѣло объ истребленіи ввѣренныхъ ему казен-
ныхъ лѣсовъ все тянулось. На немъ, такъ сказать, воспи-
тывались дѣляги поколѣнія палатскихъ юристовъ (выписку
изъ него при представленіи въ сенатъ дѣлалъ сынъ слѣдо-
вателя, начавшаго слѣдствіе), и за всѣмъ тѣмъ хищниче-
ское дѣло это такъ и осталось нераскрытымъ. Кто срубилъ
тысячи десятинъ казеннаго лѣса и куда ушли деньги, за
нихъ вырученныя,—это такъ и не обнаружено. Красовскій
притворялся бѣднымъ, или въ самомъ дѣлѣ ничего не
имѣлъ,—это такъ и не открыто. Только онъ никому ника-
кихъ взятокъ не платилъ и въ острогѣ промышлялъ ростов-
щичествомъ, давая подъ залоги отъ двугривеннаго до рубли
изъ десяти процентовъ въ недѣлю. За это его и хотѣли
задушить. Наконѣцъ, послѣ двѣнадцатилѣтняго содержанія
въ тюрьмѣ, Красовскаго выпустили, но онъ еще не хотѣлъ
идти изъ тюрьмы, говорилъ, что ему негдѣ жить и нечѣмъ
жить. Такъ онъ «прижился въ тюрьмѣ» и такъ мало значила
въ его глазахъ драгоценная каждому живущему свобода.

Въ Орлѣ, назадъ тому сорокъ лѣтъ, всѣ отъ мала до
велика были поражены, что столь всѣмъ очевидное пре-
ступленіе Красовскаго не раскрылось. Но это такъ и кон-
чено.

Однако, не станемъ удивляться и на это: убійство го-
сподъ и крестьянъ, равно какъ и истребленіе лѣсовъ про-
исходили на широкихъ пространствахъ, гдѣ не было осо-
быхъ наблюденій и не было такъ называемой локализаци
преступленія. А встрѣчались случаи гораздо болѣе удиви-
тельные, когда дѣло совершалось, напримѣръ, въ домѣ,
окруженномъ самымъ тщательнымъ присмотромъ, гдѣ все
было, такъ сказать, «какъ въ горсти», а между тѣмъ ухо-
дило изъ горсти, и не могли добраться до виноватаго.

Одно изъ такихъ дѣлъ, интересныхъ не только въ судеб-
номъ, но и въ научномъ отношеніи, представляетъ нѣко-

торый воронежскій случай, замѣтки о которомъ попались мнѣ въ бумагахъ покойнаго предсѣдателя медицинскаго общества, Евгенія Венцеславовича Пеликана.

Вотъ это дѣло.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ шесть часовъ утра мглистаго, морознаго дня, 27 января 1853 года, на женской половинѣ сумасшедшаго дома въ Воронежѣ прозвонилъ звонокъ, «возвѣщавшій время топки печей». Таковъ былъ ежедневный порядокъ въ заведеніи во все то время, когда зданіе отапливалось печами.

Звонокъ этотъ разбудилъ въ числѣ прочихъ служительницъ одну, по имени Кирсанову, которая ночевала при умышленныхъ въ коридорѣ между комнатами №№ 6 и 10.

Кирсанова встала и удивилась, что ее сегодня первый разъ не разбудила раньше звонка одна изъ помѣщанныхъ— молодая, крѣпкая женщина, по имени Елена Швидчикова (по фамилии судя, вѣроятно малороссіянка).

Названная больная имѣла пироманическія наклонности и очень любила топить печи. Такъ какъ это было совершенно безвредно и притомъ облегчало трудъ служительницы, то Швидчиковой было дозволено топить печи, и она, дорожа такимъ удовольствіемъ, имѣла привычку вставать очень рано. До звонка она будила Кирсанову и помогала ей при топкѣ, но... сегодня вдругъ Швидчикова первый разъ проспала.

Служанка подивилась, однако не стала беспокоить Елену, а сама затопила всѣ печи, но потомъ подумала:

«Что же это, однако, значитъ, что Елена не встаетъ о сю пору?»

Служанкѣ пришло на мысль, не случился ли какой грѣхъ,— и не напрасно.

Когда Кирсанова вошла въ комнату, гдѣ, въ числѣ трехъ больныхъ, спала Швидчикова, она не замѣтила здѣсь ни малѣйшаго безпорядка. Все было тихо, и всѣ помѣщавшіяся здѣсь три женщины въ самомъ спокойномъ положеніи лежали, закрывшись одеялами, на своихъ койкахъ.

Служанка подошла прямо къ своей добровольной помощницѣ, Еленѣ Швидчиковой, и сначала позвала ее по имени. Елена не откликнулась. Тогда Кирсанова хотѣла ее побу-

дить рукою, но едва лишь дотронулась до нея, какъ упала отъ страха на полъ и потеряла сознание.

Елена Швидчикова была мертва.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Придя въ себя, перепуганная служанка вскочила на ноги и бросилась къ другой сосѣдней койкѣ, на которой спала умопомѣшанная Фіона Курдюкова (28 лѣтъ), но, къ ужасу служанки, Фіона тоже была мертва... Служанка съ страшнымъ воплемъ кинулась къ третьей больной, молодой дѣвушкѣ (18 лѣтъ), по имени Прасковья Снѣгиревой, и закричала ей во весь голосъ:

— Паша! Пашенька!—встань, помоги!

Но Пашенька тоже не вставала и не трогалась, а когда Кирсанова, вся дрожа какъ листъ, коснулась рукою до тѣла этой дѣвушки, то поняла, что и здѣсь всѣ зовы на помощь напрасны, потому что и молоденькая Паша тоже мертва...

Неожиданно, разомъ три покойницы, на трехъ сряду стоящихъ койкахъ, при сѣромъ сумракѣ январскаго утра и ходячихъ тѣняхъ отъ дрожащаго пламени только-что растопленныхъ печей,—это, какъ хотите, картина, способная произвести сильное и безпокойное впечатлѣніе даже и на больничную сидѣлку.

Кирсанова бросила мертвыхъ и, не помня себя отъ перепуга, кинулась бѣжать къ надзирательницѣ, г-жѣ Азаровой.

Азарова встревожилась,—прибѣжала еще съ другими служительницами заведенія и удостовѣрилась, что всѣ три помѣшанные, спавшія въ комнатѣ № 10, дѣйствительно недвижны, бездыханны и холодны. Азарова и другія бывшія съ нею прислужницы, въ тревогѣ, бросились посмотреть—все ли благополучно въ прочихъ покояхъ, и нашли не вездѣ все въ полномъ благополучіи. А именно, когда онѣ вошли въ небольшую комнату № 6, отдѣляющуюся отъ № 10 лѣстницею, то здѣсь оиать обрѣли роковую тишину и еще двухъ новыхъ покойницъ: Прасковью Воронину и Ирину Деревенскую.

Эти женщины спали вдвоемъ въ комнатѣ № 6, каждая на своей койкѣ, и такъ обѣ и найдены мертвыми на своихъ же койкахъ, безъ малѣйшихъ знаковъ насилія, въ спальныхъ чепцахъ и одѣтыя байковыми одѣялами.

Послали за фельдшеромъ Варламомъ Ивановичемъ, чтобы онъ шелъ какъ можно скорѣе—подать какую-нибудь помощь, или—какъ нынче красиво говорятъ—«констатировать смерть». Фельдшеръ пришелъ, посмотрѣлъ и объявилъ, что никакая помощь уже невозможна,—что всѣ пять женщинъ несомнѣнно умерли.

Пять скоростижно умершихъ вдругъ, отъ неизвѣстной причины и въ строго охраняемомъ мѣстѣ... Чтò за происшествіе!

Первое, разумѣется, чтò могло придти въ голову при подобномъ случаѣ,—это *угаръ*, но объ угарѣ не могло быть и рѣчи, потому что, во-первыхъ, печи въ заведеніи топились съ утра, а всѣ пять умершихъ легли спать вечеромъ здоровыми, да во-вторыхъ же,—другія больныя, сосѣдки по комнатамъ тѣхъ, которыя умерли, были живы и здоровы, межъ тѣмъ какъ ихъ комнаты согрѣвались тѣми самыми печами и вообще находились вполне въ одинаковыхъ атмосферныхъ условіяхъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Надзирательница и фельдшеръ тотчасъ же дали знать о страшномъ и загадочномъ происшествіи смотрителю заведенія, маіору Колинъ; тотъ удостовѣрился самоличнымъ видѣніемъ, что пять женщинъ умерли, и сейчасъ же донесъ объ этомъ губернатору.

Губернаторъ не медлитъ распоряженіями, и въ 11^{1/2} часовъ того же 27 января 1853 года въ сумасшедшій домъ прибыли инспекторъ врачебной палаты Шарковъ, старшій докторъ Погорскій и полицеймейстеръ города Воронежа г. Федоровъ. Они сдѣлали осмотръ и написали актъ, изъ котораго беремъ слѣдующія подлинныя мѣста:

Первая осмотрѣна Курдюкова. Ей 28 лѣтъ, тѣлосложенія крѣпкаго, найдена на постели въ рубашкѣ, въ чулкахъ и въ чепцѣ на головѣ. Она покрыта байковымъ одѣяломъ, лежала на спинѣ въ прямомъ положеніи, съ головою, нѣсколько наклоненною на правую сторону, и съ руками, расположенными по бокамъ тѣла (какъ велятъ спать благовоспитаннымъ дѣвушкамъ въ пансіонахъ). Руки въ суставахъ отъ оцѣненія найдены малоподвижными; лицо нѣсколько вздуто, правая щека покрыта красноватыми пятнами, а лѣвая натурального трупнаго цвѣта; животъ вздутъ

и мягкоъ при осязаніи; бедра и икры, преимущественно на задней поверхности, а равно спина, поясница и зашеекъ оказались при осмотрѣ темно-краснаго цвѣта; глаза закрыты, зрачки расширены; на головѣ надъ лѣвою теменною костью найденъ струпъ красноватаго цвѣта; другого рода поврежденій на тѣлѣ Курдюковой не было.

Вторая скоропостижно умершая сумасшедшая была Спѣгирева, дѣвушка лѣтъ около 18-ти, тѣлосложенія крѣпкаго. Она тоже найдена одѣтою—въ рубашкѣ, въ чулкахъ и въ чепцѣ, покрыта шерстянымъ байковымъ одѣяломъ, лежала въ постели на спинѣ въ прямомъ почти положеніи; правая рука протянута близь боку и въ локтѣ немного согнута, съ приподнятою къ лицу кистью. Пальцы рукъ полусжаты, конечности въ суставахъ отъ оцѣпенѣнія малоподвижны, вся спина отъ шеи и задняя поверхность бедеръ и обѣихъ голеней найдены краснаго цвѣта; на лицѣ темнаго же цвѣта пятна замѣчены, прочія части тѣла натурального трупнаго цвѣта; животъ раздутъ, напряженъ и твердоватъ. Лѣвый рукавъ рубашки найденъ замараннымъ въ жидкости красноватаго цвѣта (сукровицею, истекавшею изъ рта).

Третья—Елена Швидчикова (та самая, которая любила топить печи), около 30 лѣтъ, тѣлосложенія крѣпкаго, одѣта въ рубашкѣ, въ чулкахъ, въ чепцѣ и покрыта байковымъ шерстянымъ одѣяломъ. Она лежала въ постели на спинѣ въ прямомъ положеніи, съ наклоненною нѣсколько головою на лѣвую сторону, обѣ руки сложены вмѣстѣ, на животѣ, съ протянутыми пальцами. Конечности въ суставѣ отъ оцѣпенѣнія малоподвижны, вся спина, поясница и задняя поверхность бедеръ исцелена была красноватыми пятнами, лицо и прочія части тѣла трупнаго цвѣта; другого рода измѣненій на тѣлѣ не оказалось; животъ нѣсколько раздутъ и твердоватъ, ротъ закрытъ, зубы стиснуты, у лѣваго глаза верхняго вѣка недостасть, отчего глазное яблоко открыто, истощеннаго вида отъ предшествовавшаго болѣзненнаго состоянія этого органа.

Въ такомъ положеніи найдены три скоропостижно умершія жилицы сумасшедшей камеры № 10-й.

У всѣхъ обнаружена краснота, ятна, вздутости, но всѣ лежатъ на своихъ постеляхъ въ чепцахъ и ни одна не сбросила съ себя ни этого чепца, ни одѣяла, точно смерть ни одной изъ нихъ не стоила ни малѣйшей мѣны. Пришли

каждой «отложенное ся»—и онѣ пошли за ангеломъ смерти цѣлою компаніей «въ путь всея земли».

Исторія все становится удивительнѣе и непонятнѣе.

Теперь перейдемъ въ маленькій покой подъ № 6-мъ,— гдѣ спали только двѣ женщины, возрастомъ постарше, и тоже обѣ умерли въ товарищеской компаніи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Начинается опять то же самое.

Первая—Прасковья Воронина, крѣпкаго тѣлосложенія, 45 лѣтъ, найдена лежащею на постели въ рубашкѣ, въ чулкахъ и въ неизбѣжномъ чепцѣ. Она такъ же, какъ и жилицы № 10-го, покрыта байковымъ одѣяломъ, лицомъ обернулась къ стѣнѣ и держала лѣвую руку на животѣ, а правую на кровати протянутою къ бедру; пальцы мало сжаты, животъ твердоватъ. Спина, поясница и задняя поверхность бедеръ темно-краснаго цвѣта, лицо и прочія части тѣла обыкновеннаго трупнаго цвѣта. Другого рода измѣненій на тѣлѣ никакихъ не найдено.

Ирина Деревенская, отъ роду лѣтъ около 50, тѣлосложенія посредственнаго, въ рубашкѣ, чулкахъ и въ чепцѣ; покрыта байковымъ шерстянымъ одѣяломъ; конечности, какъ верхнія, такъ и нижнія, найдены въ суставахъ опѣченѣвшими, животъ вздутый и твердоватъ; поясница, спина и зашеекъ краснаго цвѣта, лицо и прочія части тѣла натуральнаго трупнаго цвѣта.

Опять и здѣсь краснота и сукровица,—которыя, конечно, совсѣмъ уже упраздняють всякую необходимость разсуждать объ угарѣ, да и самый актъ, о которомъ мы говоримъ, на угарѣ не настаиваетъ. Очевидно, воронежскіе чиновники съ самаго начала не сомнѣвались, что причиною смерти пяти сумасшедшихъ былъ не угаръ, а что-то иное... Но что же именно?

Любопытныя вещи требуютъ часто большаго терпѣнія.

Послѣдуемъ пока за осматривающими зданіе и посмотримъ, какія свѣдѣнія они соберутъ отъ служебнаго персонала.

При осмотрѣ зданія всего женскаго отдѣленія умалишенныхъ, оказалось: комнаты, въ которыхъ найдены мертвыя,—сухи, и воздухъ въ нихъ чистъ. Въ каждой изъ тѣхъ комнатъ, равно и во всѣхъ другихъ сего отдѣленія, *тонка*

печей устроена изъ коридора; отдушниковъ въ комнаты нѣтъ по всему зданію. Комната № 10-й отдѣлена отъ прочихъ; въ ней одна голландская печь изъ простыхъ изразцовъ и безъ отдушниковъ въ комнату. Тонка этой печи устроена изъ коридора. Комната № 6-й (гдѣ найдено два мертвеца) отдѣлена отъ предыдущей комнаты № 10-й (гдѣ три мертвеца) лѣстницею, которая ведетъ въ нижній этажъ; рядомъ же, только съ другой стороны этой комнаты, находится другая сосѣдняя комната, обозначенная подь № 7. Это, надо думать, былъ покой для больныхъ особенно буйныхъ, потому что здѣсь стѣны до двухъ третей вышины обиты войлокомъ, а поверхъ войлока крашениннымъ холстомъ. Такія обивки въ домахъ умалишенныхъ дѣлають только въ такихъ покояхъ, гдѣ помѣщаютъ людей, обнаруживающихъ большое раздраженіе, съ мрачною склонностью вредить своему здоровью или самой жизни.

Комната эта нагрѣвается одною и тою же голландскою печью, которая обогрѣваетъ № 6-й, и эта печь точно такого же устройства, какъ и печь въ комнатѣ подь № 10-мъ, т. е. онѣ голландки и безъ отдушниковъ.

Въ комнатахъ подь №№ 10-мъ и 6-мъ, гдѣ найдены умершія, а равно на постеляхъ и другихъ покрывалахъ итьтъ ни слѣдовъ рвоты, ни другихъ изверженій. Стѣны комнатъ, а равно и самаго коридора, выбѣлены мѣломъ и не представляютъ никакихъ признаковъ, по которымъ можно бы заподозрить, что ихъ скоблили или лизали языкомъ.

Слѣдовательно, отравленіе этимъ способомъ тоже невозможно.

На кроватяхъ, гдѣ лежали умершія, и вообще въ комнатахъ, не найдено никакихъ постороннихъ вещей, кромѣ того, что принадлежало къ устройству и инвентарю этихъ помѣщеній. Бѣлье на постеляхъ и на умершихъ чистое. Солома въ тюфякахъ, по объявленію надзирательницы Вѣры Азаровой, по всему отдѣленію женскаго дома умалишенныхъ перемѣнена назадъ тому всего только семь дней и притомъ опять-таки солому не отбирали на отборъ для тѣхъ пяти, которые умерли, а набивали ею *всѣ* тюфяки изъ одной общей массы, а между тѣмъ умерли не всѣ изъ находящихся въ заведеніи, а только пятеро.

Что касается до порядковъ въ домѣ, то смотритель маіоръ

Колиньи объявить, что печи, какъ въ этомъ, такъ и въ прочихъ зданіяхъ, 26-го января были истоплены въ 5 часовъ утра и во второй разъ въ эти сутки топлены не были. Въ этомъ зданіи и по всему этому женскому отдѣленію дома умалишенныхъ нѣтъ ни кухонь, ни прачечной, ни другихъ какихъ-либо служебныхъ построекъ, откуда бы могли заходить дымъ, чадъ или какія-нибудь зловонныя и мiasmатическія испаренія.

— Досмотръ за больными былъ такой рачительный, что, по-видимому, желать лучшаго невозможно.

Для примѣра достаточно прослѣдить одинъ день 26-го января, предшествовавшій роковой ночи, когда пять сумасшедшихъ неизвѣстно отъ чего умерли цѣлой компаніей.

Въ 26-е число января это отдѣленіе посѣщали, въ 10 часовъ утра, старшій докторъ Погорскій и младшій ординаторъ Предтеченскій, а предъ ихъ визитаціей, въ 8 часовъ утра, все зданіе осматривали экономъ Алексѣевъ и помощникъ смотрителя Никитинъ.

Словомъ, досмотръ со стороны начальства былъ во весь день до вечера и никакихъ упущеній не указано.

Теперь начинается ближайшее время къ роковой ночи, — вечеръ 26-го января.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Вечеромъ 26-го января, въ 10 часовъ, вторично обходилъ это отдѣленіе экономъ Алексѣевъ.

Вечеръ въ такихъ домахъ кончается рано, въ 8 часовъ здѣсь уже спать. А послѣ того какъ больныя легли спать, въ 11 часовъ ночи, покои ихъ обходилъ дежурный надзиратель по заведенію, унтеръ-офицеръ Коноплевъ. Оба эти должностныя лица, обойдя покои, явились къ смотрителю майору Колиньи и доложили ему о совершенномъ благополучіи того самаго отдѣленія, гдѣ къ утру оказался такой неожиданный и такой несчастный случай.

Что же касается пяти скоропостижно умершихъ женщинъ, то онѣ проводили день 26-го января вмѣстѣ съ прочими, находящимися въ томъ же отдѣленіи, умонамѣванными въ числѣ 24; всѣ онѣ обѣдали за однимъ общимъ столомъ и употребляли одну, для всѣхъ безъ различія, приготовленную пищу.

Обѣдъ больныхъ состоялъ изъ щей, сваренныхъ съ го-

бядною и съ кислую капустою, изъ ржаного хлѣба и кваса для питья. Пищу всѣмъ помѣшаннымъ подавали въ деревянныхъ крашеныхъ чашкахъ, а ѣли онѣ всѣ деревянными ложками, съ которыхъ краска отъ давняго употребленія сошла.

Послѣ обѣда до вечера всѣ были здоровы, и ни одна ни на что не жаловалась.

Вечеромъ въ шесть часовъ, больнымъ подавался ужинъ, который былъ вполне повтореніемъ обѣда, т. е. всѣмъ имъ за однимъ общимъ столомъ, въ шесть часовъ, была подана та же самая пища, что и за обѣдомъ.

Кушанье для больныхъ приготовлялось всегда въ одной кухнѣ и въ однихъ котлахъ. Эти чугунные котлы были осмотрѣны и оказались въ самомъ чистомъ видѣ. Слѣдовательно, подозрѣвать, что пять скоропостижно умершихъ отравились пищею, предложенною имъ заведеніемъ, тоже невозможно.

Оставалось обратить вниманіе, какъ эти несчастныя проводили свой послѣдній день и ночь каждая въ отдѣльности. Но и это ничего особеннаго не представляло.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Послѣ ужина всѣхъ призрѣваемыхъ въ вышеозначенномъ отдѣленіи, въ 7 часовъ, положили спать. Каждая легла на своей койкѣ. Точно такъ же легли спать и тѣ пять женщинъ, которыя ночью скоропостижно умерли. Онѣ легли на тѣхъ самыхъ постеляхъ и въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, въ которыхъ утромъ служанка Кирсанова нашла ихъ мертвыми.

Двери въ этихъ двухъ комнатахъ, точно такъ же, какъ и во всѣхъ прочихъ, были во всю ночь растворены настежь въ коридоръ, гдѣ ночевала Кирсанова. Рядомъ съ комнатою № 6-й, гдѣ найдено двое умершихъ, въ комнатѣ подъ № 7-мъ, нагрѣваемой тою же самою печью, которая обогрѣвала № 6-й, почевала умалишенная Авдотья Рубцова; а тотчасъ же за этой комнатою—въ № 8-мъ, ночевали еще двѣ другія умалишенныя, Надежда Вихирева и Матрена Скобина, и всѣ онѣ остались живы и здоровы. Наканунѣ загадочнаго событія, т. е. 26 января, и при наступленіи ночи, какъ умершія, такъ и прочія умалишенныя, оставшіяся въ живыхъ, не жаловались ни на какіе болѣзненные припадки.

Послѣ урочнаго времени (7 часовъ вечера), когда всѣхъ умалишенныхъ уложили спать, съ ними осталась почевать дежурная служанка Федосья Кирсанова. Изъ лицъ правоспособныхъ она одна оставалась ближайшею свидѣтельницею, что здѣсь происходило въ послѣдующіе ночные часы до утра, и съ нея тотчасъ же сняли показаніе, записанное въ актъ.

Кирсанова объявила, что до трехъ часовъ всѣ призрѣваемые спали спокойно безъ особенныхъ движеній и не обнаруживали никакого безпокойства. Въ три же часа ночи одна изъ скоростижно умершихъ — именно Елена Швидчикова, которая любила топить печи, — проснулась, разбудила двухъ другихъ спавшихъ съ нею въ одной комнатѣ подъ № 10-мъ (Сибгиреву и Курдюкову), а потомъ пошла въ комнату № 6-й и тамъ разбудила двухъ тамошнихъ жилищъ — Воронину и Деревенскую. Собравъ эту компанію, Швидчикова попросила служанку Кирсанову провести ихъ въ ретирадное мѣсто. Служанка будто исполнила это безпрекословно, и всѣ пять помѣщенныхъ пошли съ нею, куда имъ было нужно. Оттуда Кирсанова провела ихъ обратно въ ихъ же комнаты, и при этомъ Кирсанова замѣтила, что Швидчикову немного вырвало на полъ. Больная спокойно попросила Кирсанову вытеретьъ, и Кирсанова это исполнила.

Послѣ этого выхода и возвращенія всѣ пять скоростижно умершихъ женщинъ, не тратя времени, тотчасъ же снова легли по своимъ койкамъ и уснули спокойно.

Ни одна изъ нихъ не жаловалась ни на какую боль, да если бы у нихъ что-нибудь болѣло, то онѣ бы и не уснули.

Отчего же стошнило Швидчикову и не было ли у нея чего-нибудь такого вредоноснаго, чѣмъ бы она могла извести себя и своихъ сосѣдокъ въ то короткое время, которое имъ нужно было на то, чтобы выйти въ ретираду и снова возвратиться на свои койки?

Слѣдователи не упустили изъ вида и этого, но опять ничего не вышло.

Надзирательница Азарова и служанки Кирсанова и Пелагея Логнинова объявили, что постороннихъ посѣтителей въ заведеніи передъ этимъ не было, кромѣ 25-го числа января; 25-го же утромъ, до обѣда больныхъ посѣщали какія-то три неизвѣстныя барыни и роздали всѣмъ по од-

ному французскому хлѣбу. Хлѣбы эти были всѣми больными съѣдены до обѣда того же 25-го января, и съ той поры больныя не употребляли никакой другой ѣды, кромѣ вышеописанной больничной пищи, состоявшей изъ съѣдобныхъ предметовъ довольно грубыхъ, но здоровыхъ и во всякомъ разѣ безвредныхъ.

Засимъ старшій докторъ, коллежскій совѣтникъ Погорскій, удостовѣрилъ, что вышепоименованныя скоропостижно умершія женщины 26-го января и до этого дня были здоровы (исключая умственного расстройства въ разной степени) и никакихъ лѣкарствъ ни одна изъ нихъ не принимала. — Стало-быть, даже и съ этой стороны ничего сокращающаго жизнь имъ подано не было, и смерть ихъ послѣдовала по крайней мѣрѣ «безъ медицинской помощи».

Но, однако, отчего же онѣ умерли?

Вотъ въ томъ-то и тайна.

Да это и въ теченіе цѣлыхъ двадцати пяти лѣтъ оставалось тайною даже для такого лица, какъ предсѣдатель медицинскаго совѣта, которому въ интересахъ науки нельзя было не заботиться, чтобы уяснить рассказанный случай. И предсѣдатель медицинскаго совѣта описаннымъ происшествіемъ въ воронежскомъ сумасшедшемъ домѣ интересовался,—только втуне.

Актъ, сохранившійся въ бумагахъ покойнаго Пеликана, кончается на томъ, что мы могли изъ него выбрать и сообщить; но на немъ есть еще чрезвычайно любопытная пометка, сдѣланная собственною рукою Евгенія Венцеславовича 8-го декабря 1878 года. Изъ этой надписи видно, что покойному предсѣдателю медицинскаго совѣта описанное загадочное событіе пяти смертей оставалось необъясненнымъ до 1878 года, т. е. въ теченіе ровно двадцати пяти лѣтъ.

Въ 1878 году покойный Пеликанъ распорядился искать по этому дѣлу справки въ архивахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, но, несмотря на то, что Пеликанъ держалъ свои бумаги въ отличномъ порядкѣ и обо всемъ касающемся даннаго предмета дѣлалъ обстоятельныя отмѣтки собственною рукою, — загадочный случай пяти смертей въ воронежскомъ сумасшедшемъ домѣ и послѣ 1878 года оставленъ имъ безъ объясненія,—при одномъ лишь желаніи знать: чѣмъ такая загадка разъяснена быть можетъ.

Къ сказанному, можетъ статья, неллишимъ будетъ прибавить, что всѣ пять въ одно время скоропостижно умершихъ были женщины бѣдныя и изъ низшаго класса, такъ что, кажется, трудно даже придумать, кому было выгодно озабочивать себя приспѣшеніемъ всѣмъ имъ коллективной кончины.

Развѣ, можетъ статья, теперь кто-нибудь изъ воронжскихъ старожиловъ въ состояніи пролить свѣтъ на любопытный вопросъ: отчего въ ихъ городѣ скоропостижно и вдругъ умерли, въ 1853 году, пять сумасшедшихъ?

Для медицинской науки это еще и теперь, несмотря на тридцатилѣтнюю давность, будетъ интересно.

На читателей этотъ маленькій рассказъ изъ недавняго русскаго прошлаго, можетъ-быть, произведетъ непріятное чувство; онъ какъ бы незаконченъ,—въ немъ нѣтъ удовлетворенія любопытству: чѣмъ же дѣло разъяснилось?

Пишущій настоящія строки исполнѣ сознаетъ законность такого неудовольствія, и самъ его испытывалъ, когда прочелъ сейчасъ рассказанное дѣло. Но просвѣщенный читатель пусть не посяуетъ за эту неудовлетворенность. Пусть онъ обратитъ свою мысль въ другую сторону, — пусть онъ вспомнитъ тѣхъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые, по замѣчанію Н. И. Пирогова, «пренобѣдили въ себѣ даже потребность воспоминаній о прошломъ».

Настоящій рассказъ годится для того, чтобы оцѣнить весь трудъ ихъ «пренобѣжденной» памяти, и въ этомъ отношеніи онъ не оставитъ досадительной неудовлетворенности.

Припомнить себѣ такую неудовлетворенность есть своего рода большое удовлетвореніе.

УМЕРШЕЕ СОСЛОВІЕ.

(изъ юпошескихъ воспоминаній.)

Въ 1884 году было напечатано въ газетахъ, что въ Нижнемъ-Новгородѣ одинъ торговецъ и одинъ чиновникъ, сидя въ трактирѣ, брали мѣстнаго губернатора Баранова. Полиція арестовала этихъ господъ, но губернаторъ Барановъ приказалъ ихъ освободить и указалъ полиціи впредь не обращать вниманія на такія ничтожныя вещи.

Этотъ случай, не заслуживающій, кажется, ничего другого, кромѣ сочувствія должностному лицу, которое такъ распорядилось—вызвать, однако, у кривотолковъ осужденія.

— Во всякомъ случаѣ (доводилось слышать)—это своего рода рисовка, гарунъ-аль-ранидство; все это только разводитъ дикія фантазіи.

Въ дни нашей юности мы тоже видали «дикія фантазіи», но только въ другомъ родѣ. Нижегородскія «дикія фантазіи» напоминаютъ мнѣ другой городъ и другой губернаторскій характеръ, который считали тишескимъ въ прошлую, хотя и не очень отдаленную отъ насъ пору. Кто любитъ вспоминать недалекую старину и сопоставлять ее съ нынѣшнимъ временемъ, для тѣхъ, можетъ статься, это будетъ не лишено интереса.

Во время моей юности, проходившей въ Орлѣ, тамъ жилъ «на высылкѣ» Аѳанасій Васильевичъ Марковичъ, впоследствии мужъ талантливой русской писательницы, известной подъ псевдонимомъ «Марко-Вовчокъ».

Аѳанасій Васильевичъ въ очень молодыхъ годахъ былъ

высланъ въ Орелъ изъ Кіева по случившейся въ Кіевѣ «исторіи», которую тогда считали «политическою» и называли «Костомаровскою исторіей».

Марковичъ долженъ былъ жить въ Орлѣ и находиться подъ непосредственнымъ наблюденіемъ мѣстнаго губернатора, а дабы наблюденіе за нимъ было удобнѣе, Марковичъ былъ зачисленъ на службу въ губернаторскую канцелярію. Тутъ онъ занималъ должность дѣлопроизводителя, или помощника правителя, — не помню уже теперь по какому отдѣлу.

Имущественныя средства Марковича были не очень свободны — онъ нуждался въ подспорьѣ, которымъ ему и служило маленькое жалованье, присвоенное его канцелярской должности (помнится, что-то около 25 р. въ мѣсяць). Занятія службою Марковича не тяготили, но не могла его не тяготить подчиненность лицу, отъ котораго онъ зависѣлъ.

Орловскою губерніей во время ссылки Марковича правилъ не разъ упоминавшійся въ литературѣ князь Петръ Ивановичъ Трубецкой.

Увѣряли, будто онъ былъ человекъ не злой, но невоспитанный и какой-то, — какъ его звали орловцы, — «невразумительный». Князь зналъ и понималъ въ дѣлахъ очень мало, или, вѣрнѣе сказать, — почти ничего, а правительственного искусства онъ не имѣлъ вовсе, но безмѣрно любилъ власть и страдалъ охотою вмѣшиваться во все.

Такая склонность побудила его, между прочимъ, вмѣшиваться даже въ дѣла церковнаго управленія, что и было причиною возникновенія много разъ описанной непримиримой «войны» между нимъ и покойнымъ орловскимъ архіепископомъ Смарагдомъ Крыжановскимъ, который ранѣе, по случаю болѣзни Павскаго, далъ нѣсколько уроковъ покойному государю Александру Николаевичу во время его дѣтства. Поэтому Смарагдъ слылъ въ Орлѣ «царскимъ законоучителемъ» и очень этимъ кичился. Вообще же онъ имѣлъ характеръ гордый и неуступчивый.

Его «война» съ Трубецкимъ есть своего рода орловская эпопея. Она не разъ изображалась и въ прозѣ, и въ стихахъ, и даже въ произведеніяхъ пластическаго искусства. (Въ Орлѣ тогда были карикатуристы: майоръ Шульцъ и В. Череповъ). Интереснѣе исторіи этой войны въ старомъ

Орлѣ, кажется, никогда ничего не происходило, и все, о чемъ ни доведется говорить изъ тогдашнихъ орловскихъ событій, непременно немножко соприкасается какъ-нибудь съ этой войной.

Я хочу рассказать объ одномъ покушеніи князя Трубецкого вторгнуться въ область исторіи, и о томъ, кто его на это навелъ и кто его отъ этого отвелъ... Все это относится къ тому же боевому времени.

Кто-то изъ охотниковъ вмѣшиваться не въ свое дѣло сообщилъ письмомъ князю Петру Ивановичу, что въ Орловской гимназіи происходятъ будто бы невозволительныя вещи, а именно — будто учитель исторіи (кажется) Вас. Ив. Фортунатовъ (тогда уже почтенный старикъ) излагаетъ ученикамъ «революціонныя экзерсисы», а почетный попечитель гимназіи, флота капитанъ 2-го ранга Мордарій Васильевичъ Милюковъ (на дочери котораго впоследствии былъ женатъ В. Якушкинъ) будто бы оказываетъ этому вредному дѣлу потворство.

Наблюдатель, желающій оставаться самъ въ неизвѣстности, представляя въ подкрѣпленіе своихъ словъ доказательства, состоявшія въ томъ, что подозрѣваемый имъ въ неблагонадежности учитель исторіи, въ присутствіи попечителя Милюкова, разъяснялъ ученикамъ «о правахъ третьяго сословія во Франціи», а капитанъ 2-го ранга Милюковъ учителя не остановилъ и тѣмъ выразилъ ему какъ бы свое одобреніе.

Можно было предполагать, что извѣтъ этотъ прислалъ князю кто-нибудь изъ родителей какого-нибудь воспитанника, — человекъ, можетъ-быть, ничего не знавшій въ исторіи и имѣвшій какой-то сумасшедшій взглядъ на позволительное и невозволительное въ преподаваніи.

Болѣе важнаго въ доносѣ ничего не указывалось, по князь никогда не давалъ себѣ труда различать важное отъ неважнаго. Ему главное было, чтобы имѣлся предлогъ «пошумѣть». Это былъ въ его время такой служебный терминъ. О начальникахъ, которыхъ особенно хотѣли похвалить, всегда говорили: «Охотникъ пошумѣть. Если къ чему привяжется, и зашумитъ, и изругаетъ какъ нельзя хуже, а неприятности не сдѣластъ. Все однимъ шумомъ копчаль».

Такихъ начальниковъ одобрили: «брань на вороту не виснеть».

Таковъ былъ отчасти и князь Петръ Ивановичъ, и такъ же поступилъ онъ въ томъ случаѣ, о которомъ будемъ бесѣдовать, вспоминая его славное время.

Князю Трубецкому письмо показалось вполнѣ достаточнымъ поводомъ для того, чтобы вмѣшаться не въ свое дѣло и кому-нибудь «надерзить». (О немъ такъ и говорили въ Орлѣ, что онъ «любить дерзить»).

Князь сейчасъ же призвалъ правителя или исправлявшаго его должность и велѣлъ немедленно написать «хорошій напругай и указаніе». Сноситься съ попечителемъ, который тогда жилъ въ Харьковѣ, князю казалось излишнимъ,—онъ хотѣлъ самъ исправлять все непосредственно,—да и дѣло не терпѣло отлагательства.

Правитель канцеляріи не могъ возражать князю, а извернулся иначе. Онъ сослался на незнакомство съ учебнымъ дѣломъ и указалъ на Марковича, какъ на человѣка «университетскаго», который долженъ все это хорошо знать и потому можетъ написать и «напругай указаніе».

Приказаніе сейчасъ же было передано Марковичу и поставило того въ очень непріятное затрудненіе. Онъ не могъ усмотрѣть рѣшительно никакой вины со стороны учителя въ томъ, что тотъ упоминалъ про «третье сословіе», и не зналъ, какой и за что давать напругай. А потому онъ явился къ князю и осмѣлился ему доложить, что это не губернаторское дѣло, а дѣло попечителя учебного округа, а притомъ, что учитель имѣлъ основаніе упоминать о «третьемъ сословіи», такъ какъ это, очевидно, не что иное, какъ tiers-état, т. е. сословіе гражданъ и крестьянъ, составлявшее въ феодальныя времена во Франціи часть генеральныхъ штатовъ (États-généraux) и существовавшее до революціи рядомъ съ аристократіею и съ духовенствомъ.

Князь разсердился, и хотя онъ обращался съ Марковичемъ всегда деликатнѣе, чѣмъ съ другими, но тутъ и на него зашумѣлъ во всю. Обрезонить его не было никакой возможности, ибо онъ былъ ужаснѣйшій крикунъ и ругатель.

Вообще, какъ гражданскій правитель, Трубецкой походилъ, пожалуй, на Альберга Брольи, о которомъ Реклю говорить, что «по мѣрѣ того, какъ онъ приходилъ въ волне-

піе, онъ начиналъ пыхтѣть, свистать, харкать, кричать и трещать, гнѣвъ его походилъ на гнѣвъ восточнаго евнуха, который не знаетъ, чѣмъ излить досаду». Но Трубецкой имѣлъ еще перевѣсъ передъ Броли, потому что зналъ такія слова, которыхъ Броли, конечно, не зналъ, да, безъ сомнѣнія, и не посмѣлъ бы употребить съ французами.

Такимъ Трубецкой явился и на сей разъ. Онъ ничего не желалъ слушать и настойчиво велѣлъ какъ можно скорѣе написать «напрягай» и подать его къ подписи.

Онъ былъ очень скоръ и любилъ дѣйствовать по-военному.

Марковичъ дерзнулъ только спросить, какъ онъ прикажетъ впредь называть людей третьяго сословія?

— Называть ихъ такъ, въ какихъ они нынче чинахъ.

— Они всѣ уже умерли.

— А это еще лучше: если они умерли, то пусть учитель и говорить о правахъ «умершаго сословія».

Приходилось писать объ умершемъ сословіи и напрягай Милюкову, и наставленіе учителю, а также и сообщеніе окружному учебному начальству.

Но что человѣкъ предполагаетъ, то Богъ располагаетъ.

Представлять резоны князю Трубецкому было невозможно, тѣмъ болѣе, что и тѣ краткія замѣчанія, которыя осмѣлился представить ему Марковичъ, уже привели легко возбуждающуюся натуру губернатора въ кипяченіе. Князь въ такихъ случаяхъ не переносилъ даже себя самого и нетерпѣливо рвался на воздухъ. Ему надо было выгуляться и выпустить изъ себя неукротимый жаръ.

Въ губернаторскомъ домѣ всѣ это знали, и чуть князь начиналъ шумѣть, сейчасъ же готовили для него лошадей «на выскочку».

Такъ въ городѣ и говорили: «вотъ князь ѣдетъ на выскочку»—и всѣ по возможности прятались, чтобы не попадаться ему на глаза.

И теперь онъ тоже рѣзко всталъ изъ-за стола, порывисто отбросилъ ногою прочь свое кресло и велѣлъ какъ можно скорѣе подать открытую пролетку. Онъ очень спѣшилъ на кого-нибудь покричать на вольномъ воздухѣ, потому что въ такихъ случаяхъ онъ любилъ кричать громко,

во все свое удовольствіе, по дома, при книжницѣ, онъ не всегда смѣлъ доставить себѣ такое удовольствіе *).

Чиновникъ ушелъ, а князь поѣхалъ по городу, чтобы какъ-нибудь перетерпѣть, пока ему изготовить и подадутъ подписывать «напрягай», а тѣмъ временемъ, по усмотрѣнію судьбы, мысли его получили другое направленіе и напрягай оказался совсѣмъ ненужнымъ.

У князя Петра Ивановича въ Орлѣ былъ знаменитый кучеръ. Онъ развѣ малымъ чѣмъ-нибудь уступалъ оставившему по себѣ въ Москвѣ историческую память кучеру оберъ-полицеймейстера Беринга. Орловскій наѣздинъ былъ такъ же утробистъ, такъ же горластъ и краснорожъ, имѣлъ такіе же выпяченные рачьи глаза и такъ же неистово хрипло оралъ и очертя голову несся на всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ, ни за что не ожидая, пока тѣ успѣютъ очистить ему дорогу. На душѣ этого христіанина, говорятъ, считалось уже нѣсколько смертныхъ грѣховъ, и во всякомъ случаѣ онъ по справедливости могъ почитаться въ свое время очень опаснымъ человѣкомъ въ городѣ.

Лихая ѣзда какъ на пожаръ тогда была, впрочемъ, въ модѣ у многихъ большихъ лицъ, и это почиталось даже необходимымъ признакомъ «твердой власти». Особенно шибко ѣздили губернаторы и полицеймейстеры: они всюду скакали, и кучера ихъ всегда особенно кричали. Это придавало городамъ оживленіе.

Князь Трубецкой по преимуществу любилъ такого рода всепародную помпу, и горожанамъ она нравилась. Всѣ видѣли, что губернаторъ ѣдетъ какъ губернаторъ, а не трюхъ-трюхъ, какъ ѣздили тогда въ Орлѣ приснопамятный инспекторъ гимназій Азбукинъ.

А ѣздили князь большею частію по-русски, то-есть парой, съ пристяжкой,—рысакъ въ кордѣ и залихватскій, въ кольцо изогнувшійся скакутъ въ пристяжку.

Летить, бывало, какъ вихоръ, кони мчатся, подковы ляз-

*) Супруга князя Петра Ивановича Трубецкого, рожденная Витгенштейнъ, была сама очень грознаго характера и любила властвовать безъ раздѣла. Ея гнѣвность и силу знали не только въ городѣ, но и на почтовыхъ станціяхъ, гдѣ ей боялись всѣ ямщики... Необыкновенное военнѣаніе этой знатной дамы составляло для всѣхъ неразъяснимую загадку.

гаютъ о широкіе каменья отвратительной орловской мостовой, кучеръ вырветъ глаза и оретъ, какъ будто его снизу огнемъ жарить, а князь сидитъ руки въ боки, во всѣ стороны поворачиваетъ свое маленькое незначительное лицо, которому не даровано было отъ природы никакого величія, но, однако, дозволено было производить нѣкоторый испугъ. Для этого князю стоило только поднять къ носу столціе усы и пустить въ ходъ свое прискорбное сквернословіе. Ротъ у него тогда становился черный и круглый какъ у сжатаго за жабры окуни, а изъ-подъ усовъ рвались и текли эти звуки, которые по справедливости требовали увѣщаній по тексту извѣстнаго поученія, приписываемаго Іоанну Златоусту.

Прибавьте къ этому, что человекъ, о которомъ говоримъ, по вѣрному мѣстному опредѣленію, былъ «невразумителенъ», грубъ и самовластенъ,—и тогда вамъ станетъ понятно, что онъ могъ внушать и ужасъ, и желаніе избѣгать всякой съ нимъ встрѣчи. Но простой народъ съ удовольствіемъ любилъ глядѣть, когда «ѣтъ садитъ». Мужики, побывавшіе въ Орлѣ и имѣвшіе счастье видѣть фхавнаго князя, бывало долго рассказываютъ:

— И-и-ихъ, какъ ѣтъ садитъ! Ажло будто весь городъ тарыхтитъ.

Особенно сильное впечатлѣніе производило, когда князь поворачивалъ на углу изъ одной улицы въ другую. Тутъ его кони, экипажъ, кучеръ и самъ онъ неслись совѣмъ накресясь, и на поворотѣ летѣли въ наклонномъ положеніи, пока опять выравнивались и, принявъ прямое положеніе, мчались еще быстрее. Это никогда не обѣщало благополучія ни пѣшему, ни конному, кто бы тутъ ни подвернулся.

Такъ Трубецкой понесся и теперь, раздраженный почти-тельными представленіями Марковича о третьемъ сословіи во Франціи.

Губернаторъ фхаль отъ себя съ горы, по Болховской улицѣ внизъ. Онъ имѣлъ, вѣроятно, намѣреніе пронестись мимо оконъ гимназіи, чтобы тамъ его увидали и заранѣе уже содрогнулись.

Онъ благополучно обскакалъ «домъ дворянства» и безъ всякаго для себя вреда повернулъ внизъ за уголъ, но здѣсь случилось съ нимъ несчастье: кони его спшибли съ ногъ

одного приказнаго. Вотъ, однако, съ Божіею помощію встали и выпутался изъ своей разодранной шинелишки, и даже старался успокоить начальство, что его приказной спинѣ не больно. Но князь еще больше осердился и обругалъ подьячата за неловкость,—а затѣмъ вдругъ встрѣтилъ новый, еще большій безпорядокъ.

Въ то время, какъ князь подѣхалъ къ Введенскому дѣвичьему монастырю (нынче, кажется, простая приходская церковь), ему, противъ магазина тогдашняго гелікосвѣтскаго портного Жильберта, попался навстрѣчу мѣстный кунецъ П.—Кунецъ былъ старикъ и плохо видѣлъ, а притомъ онъ ѣхалъ въ маленькой бѣговой купеческой телѣжкѣ и самъ правилъ дорогимъ кровнымъ рысакомъ.

Кунецъ этотъ былъ большой храмоздатель и съ этой стороны былъ извѣстенъ архіерею Смарагду, а кромѣ того, онъ былъ охотникъ до лошадей и съ этой стороны былъ извѣстенъ князю, у котораго не было ни одной такой хорошей лошади, какою правилъ теперь кунецъ. Это уже само по себѣ было непорядокъ.

Ѣхалъ кунецъ шагомъ, чинно и степенно, что называется «въ свое удовольствіе», а рядомъ съ нимъ, подъ лѣвымъ локтемъ, помѣщался мальчикъ лѣтъ четырнадцати, его фаворитъ-внучекъ; но, встрѣтясь съ губернаторомъ, кунецъ ни самъ не снялъ картуза, ни поучилъ этому внука. Это уже было совсѣмъ непозволительно.

Всего вѣроятнѣе, что кунецъ, правя горячею лошадыю, не успѣлъ снять передъ княземъ Петромъ Ивановичемъ свой картузъ, а о внука не вспомнилъ. Но князь не любилъ входить въ такія мелочи. Онъ видѣлъ въ этомъ одинъ оскорбительный для него фактъ. Онъ заколотился руками и ногами и поднялъ такой шумъ и крикъ, что кунецъ оробѣлъ и бросилъ вожжи. Лошадь рванула и понесла, выбросивъ старика у дверей Жильберта, а внука у столбовъ Георгіевской церкви.

Мальчикъ, болѣе легкій тѣломъ, отдѣлся счастливо, а грузный старикъ очень расшибся. Старый французъ Жильбертъ имѣлъ столько независимости, что поднялъ его и посадилъ у себя на крылечкѣ,—и тѣмъ, можетъ-быть, вызвалъ на мягкость самого князя.

Трубецкой велѣлъ посадить старика на извозчика и отправить его на гаунтвахту, гдѣ того и продержали, пока

князь уснокоился, а онъ въ это время все ждалъ, не станеть ли заступаться за купца Смарагдъ, и за этую новою заботою позабылъ о полученномъ имъ извѣтѣ насчетъ третьяго сословія. Марковичъ же слухавиль и не напоминалъ ему о его намѣреніи вмѣшаться не въ свое дѣло. Такъ опасность отъ вреднаго направленія въ гимназій миновала, и губернаторское распоряженіе именовать tiers-état «умершимъ сословіемъ» не получило дальнѣйшаго хода. За все французское tiers-état въ Орлѣ оттерпѣлся одинъ купецъ, едва умѣвній выводить каракулями «церикофнн старта».

Въ Трубецкомъ была прелестна и достойна самаго любовнаго наблюденія искренность его губернаторскаго величія: онъ его словно несъ съ собою повсемѣстно, какъ бы нѣкій алавастръ мура, съ постоянною заботливостію, чтобы кто-нибудь не подтолкнулъ его подъ локоть, чтобы сосудъ не колыхнулся и не расилескалось бы его содержимое. Это былъ «губернаторъ со всѣхъ сторонъ»; такой губернаторъ, какіе теперь перевелись за «неблагопріятными обстоятельствами». Но въ то время, къ которому относится мой воспоминанія, въ числѣ современниковъ Трубецкого было нѣсколько такихъ губернаторовъ, которыхъ не позабудеть исторія. Надъ ними надъ всѣми яркой звѣздою сіялъ Александръ Алексѣевичъ Панчулидзевъ въ Пензѣ, на котораго дерзкою рукою «навель слѣдствие» немножко извѣстный въ литературѣ своими «стансами» Евфимъ Ѳеодоровичъ Заринъ («Библіотека для чтенія» — «стансы Зарина» и т. д.). Початной гласности тогда у насъ и въ заведеніи еще не было, а функціи ея исполняла «молва»: «земля слухомъ полнилась». Между орловскою губерніею, гдѣ процвѣталъ князь Трубецкой, и пензенскою, которая была осчастливлена переводомъ туда изъ Саратова А. А. Панчулидзева, находится тамбовская губернія, сродная орловской по особенной чистотѣ плутовскихъ типовъ. (Ни въ той, ни въ другой даже «жидъ долго не могъ привиться» — потому что «свои были жиды ядовитѣе»). Черезъ тамбовскую губернію орловцы съ пензяками перекликались: пензяки хвалились орловцамъ, а орловцы пензякамъ — какіе молодецкіе у нихъ водворились правители. «Нашъ жестокъ». — «А нашъ еще жестче». — «Нашъ ругается на всякіе манеры». —

«А шагъ даже изъ своихъ рукъ не спускаеть».—Такъ другъ друга и превосходили. Но пришло какое-то измѣнчивое время, и Смарагдъ съ предводителемъ какъ-то «подвели» Трубецкому какую-то хитрую механику. Почувствовалась надобность «убрать его въ сенаторы». Убрали. Онъ уѣхалъ на-чисто, такъ что послѣ его отъѣзда въ губернаторскомъ домѣ не нашли даже нѣкоторыхъ паркетовъ. Въ Пензѣ, между тѣмъ, А. Панчулидзевъ продолжалъ процвѣтать. Предводитель А. А. Араповъ былъ ему другъ и собратъ по «заводчеству» (оба были «винокуры и бѣдокуры»), а Е. Заринъ еще былъ въ юности, и сразительный ядъ еще не созрѣлъ подъ его семинарскимъ языкомъ. Приставленный къ сенату, Трубецкой былъ и полицентъ, и въ то же время обиженъ: въ сенатѣ его рѣшительно никто не болллся, да и на стогнахъ столицы онъ совсѣмъ не производилъ никакого внушающаго впечатлѣнiя. При появленiи его самые обыкновенные люди такъ же шли и ѣхали, какъ будто его и нѣтъ,—и «не ломали шапокъ», и не уступали дороги, между тѣмъ, какъ это столько лѣтъ кряду согрѣвало и вдохновляло князя... Онъ заскучалъ въ столицѣ о добрыхъ и простыхъ нравахъ провинци, и поѣхалъ лѣтомъ прокатиться — навѣстить свои и витгенштейновскiя родовыя маестности. Орель онъ «промигнулъ мимо»... Не въ гостиницѣ же ему было тутъ останавливаться и слушать какъ «другой» править!.. Но въ Кiевѣ онъ остановился для совѣтовъ съ врачами и ради какихъ-то духовныхъ потребностей княгини, которой тоже были свойственны и религiозныя порывы. Остановились они incognito, въ молитвенномъ смиренiи, не въ гостиницѣ «Англетеръ», а у самого православнаго купца Ивантiя Михайловича Ватухина, и вечеркомъ, когда всѣ кошки становятся сѣры, князь отправлялся подышать чистымъ воздухомъ. Дѣло это было по осени. На дворѣ, послѣ погожаго дня, проморосилъ дождичекъ и смочилъ кiевскiе кирпичные тротуары,—гуляющихъ было мало и князь могъ «растопыриться». Это было самое любимое его устроенiе своей фигуры, когда ему надо было идти, а не ѣхать. Онъ бралъ руки «въ боки» или «фертомъ», отчего кашюшонъ и полы его военнаго плаща растопыривались и занимали столько широты, что на его мѣстѣ могли бы пройти три человѣка: всякому видно, что идетъ губернаторъ. (Сенаторства князь не ров-

пялъ съ губернаторствомъ и любилъ быть вѣчно губернаторомъ).

Такъ шелъ онъ и теперь по лучшей улицѣ Кіева, Крепачику, отъ «Англетера» къ Александровскому спуску, и вдругъ на самомъ углу Институтской горы съ нимъ случилось странное, но въ то же время досадительное происшествіе.

Въ Кіевѣ былъ тогда гражданскимъ губернаторомъ знаменитый въ своемъ родѣ богатъ и добрый, кроткій человѣкъ Иванъ Ивановичъ Фундуклей, иждивеніемъ котораго сдѣлано много прекрасныхъ описательныхъ изданій. Онъ былъ одинокій, довольно скучный человѣкъ, тучнаго тѣлосложенія и страдалъ неизлѣчимыми и отвратительными лишаями. Его лѣчили многія медицинскія знаменитости и не вылѣчили: лишаи немножко успокаивались, но потомъ опять разыгрывались, — пузырились, пухли, чесались и не давали богачу нигдѣ ни малѣйшаго покоя. Тогда потаенно былъ призванъ который-то изъ извѣстныхъ въ свое время кіевскихъ самоучекъ, — не то Потаненко, не то Корней (Столичевскій) и сталъ лѣчить расчесавшагося вельможу «травкою и *выпотнѣніемъ*». Травки или больше «для успокоенія больного», но главное, на что рассчитывалъ знахарь, — это было «выпотнѣніе», столь извѣстное по своимъ послѣдствіямъ ветеринарамъ и спортсменамъ. Лошадямъ для этого покрываютъ подлежащую выпотнѣнію часть тѣла войлочнымъ потникомъ и гоняютъ ихъ на кордѣ, а для Фундуклея было устроено такъ, что онъ покрывалъ стеганымъ набрюшникомъ пораженное лишаемъ мѣсто, надѣвалъ на себя длинное ватное пальто, спитое «англійскимъ сюртукомъ», бралъ зонтикъ и шелъ гулять съ своею любимою пѣгою левреткою. Такимъ образомъ производилось «выпотнѣніе», и производилось оно въ теченіе довольно долгаго времени неотложно и аккуратно при всякой погодѣ. А такъ какъ губернаторамъ въ то время днемъ среди толпы гулять было неудобно, потому что все будутъ кланяться, и надо будетъ откланиваться, а Фундуклей былъ человѣкъ застѣчивый и скромный, то онъ дѣлалъ свою гигиеническую прогулку черезъ часъ послѣ обѣда, вечеромъ, когда — думалось ему — его не всякій узнастъ, для чего онъ еще тщательнѣе закрывался зонтикомъ.

Разумѣется, всѣ эти старанія скромнаго губернатора не вышлѣ достигали того, чего онъ желалъ: кіевляне узнавали Фундуклея и, по любви къ этому тихому человѣку, давали ему честь и мѣсто. Образованные люди, замѣтивъ его большую фигуру, закрытую зонтикомъ, говорили: «Вотъ идетъ прекрасная *испанка*», а простолюдины повѣряли по немъ время, сказывая: «Седьмой часъ,—вошь уже *дыакъ* съ горы спускается».

«Дьякомъ» называли Фундуклея потому, что въ своемъ длинномъ, англійскомъ ватошникѣ онъ очень напоминалъ извѣстную кіевлянамъ фигуру златоустовскаго дьячка «Котина», который въ такомъ же длинномъ ватошникѣ сидѣлъ на скамеечкѣ съ тарелочкою и крошилълицей у деревянной церкви Иоанна Златоуста и «переймалъ богомуловъ», уговаривая ихъ «не ходить на Подоль до братчиковъ, бо они дуже учени и переучени, а класти упрость жертву Ивану». Издали дьякъ Котинъ и губернаторъ Фундуклей въ англійскомъ капотѣ имѣли по фигурѣ много сходства.

Чтобы вышнѣнїе шло сильнѣе, губернаторъ дѣлалъ свои вечернія прогулки не по ровной мѣстности, въ верхней плоскости города, гдѣ стоитъ губернаторскій домъ на «Липкахъ», а, спускаясь внизъ по Институтской горѣ, шель Крещатиномъ и потомъ опять поднимался въ Липки, по крутой Лютеранской горѣ, гдѣ присаживался для кратковременнаго отдыха на лавочкѣ у дома портного Червяковскаго, а потомъ, отдохнувъ, шель домой.

Такой курсъ держалъ онъ и въ тотъ теплый и темноватый вечеръ, когда шель случившійся проѣздомъ въ Кіевѣ князь Петръ Ивановичъ Трубецкой.

Фундуклей шель, понутивъ голову и закрывая лицо распущеннымъ безъ надобности зонтикомъ, а Трубецкой «перъ» своей гордой растопыркою, задравъ лицо кверху. Они столкнулись. Трубецкой получилъ легкое прикосновеніе къ локтю, но самъ вышнѣ этимъ локтемъ у Фундуклея зонтикъ и шпурокъ, на которомъ шла собачка.

Грузный Иванъ Ивановичъ ничего не сказалъ и сталъ дѣлать очень тяжелое для него усиліе, чтобы поймать и поднять покотившійся зонтикъ, а въ это время отъ него побѣжала его собачка, шпурокъ которой ему было еще труднѣе схватить, чѣмъ зонтикъ.

Трубецкой же разсердился, затопталъ и закричалъ:

— Знаешь ли, кто я? знаешь ли, кто я?

— Не знаю,—отвѣчала Фундуклей.

— Я губернаторъ!

— Ну такъ что же дѣлать,—разсѣянно произнесъ Иванъ Ивановичъ:—я и самъ тоже губернаторъ!

Въ это время на небѣ блеснула луна, и случившійся на улицѣ квартальный, узнавъ Фундуклея, поймалъ и подвелъ къ нему на шнуркѣ его собачку.

Тутъ Трубецкой воочию убѣдился, что передъ нимъ въ самомъ дѣлѣ, должно-быть, губернаторъ, и поспѣшилъ возвратиться въ свою гостиницу въ гнѣвъ и досадѣ, которыя и излилъ передъ покойнымъ медицинскимъ профессоромъ Алекс. Павл. Матвѣевымъ. Акушеръ Матвѣевъ происходилъ изъ дворянъ орловской губерніи и имѣлъ родныхъ, знакомыхъ Трубецкому, вслѣдствіе чего и былъ приглашенъ для безплатнаго медицинскаго совѣта. Ему Трубецкой разсказалъ свою «непріятную встрѣчу», а тотъ по нескромности развезъ ее во всю свою акушерскую практику.

Теперь всѣ эти лица уже сами составляютъ «умершее сословіе»; но когда случится вспомнить о ихъ времени, то даже какъ-будто не вѣрится, что все это было въ дѣйствительности, и притомъ еще сравнительно такъ недавно.

ЗАГОНЪ.

«Disciplina agnali существуетъ въ пол-ной силѣ: цѣль ея — предоставить ближ-нимъ удобство мирно конаться въ свинныхъ корытахъ суевѣрій, предрасудковъ и низменныхъ идеаловъ». Дж. Морлей («О компромиссѣ»).

«За ослушаніе истинѣ — вѣрить лжи и заблужденіямъ» (2 Оес. II. 10—11).

Въ одномъ произведеніи Достоевскаго выведенъ офицер-скій денщикъ, который раздѣлялъ свѣтъ на двѣ неравныя половины: къ одной онъ причислялъ «себя и своего барина, а къ другой всю остальную сволочь». Несмотря на то, что такое раздѣленіе смѣшно и глупо, въ насъ обществѣ никогда не переводились охотники подражать офицерскому денщику и притомъ въ гораздо болѣе широкой сферѣ. Въ послѣднее время выходки въ этомъ родѣ стали какъ будто манією. Въ концѣ сентября 1893 года, въ за-сѣданіи Общества содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, одинъ ораторъ прямо заговорилъ, что «Россія должна обособиться, забыть существованіе другихъ западно-европейскихъ государствъ, *отдѣлится отъ нихъ китайскою стѣною*».

Такое стремленіе отгораживаться отъ свѣта стѣною намъ не ново, но послѣдствія этого всегда были для насъ невыгодны, какъ это доказано еще въ «твореніи» Тюнена «Der isolirte Staat» (1826 г.), которое въ 1857 году у насъ считали нужнымъ «приспособить для русскихъ читателей», для чего это твореніе и было переведено и напечатано въ томъ же 1857 году въ Карлсруэ, въ придворной типогра-

фин, а въ Россіи оно распространялось съ разрѣшенія петербургскаго цензурнаго комитета *).

Одновременно съ тѣмъ, какъ у насъ читали приспособленную для насъ часть «творенія» Тюнена, въ качествѣ художественной иллюстраціи къ этой книгѣ обращалась печатная картинка, на которой былъ изображенъ темный загоны, окруженный стѣною, въ которой кое-гдѣ пробивались трещинки, и черезъ нихъ въ сплошную тьму сквозили къ намъ слабые лучи свѣта.

Такимъ «загономъ» представлялось «уединенное государство», въ которомъ всѣ хотѣли узнавать Россію, и для тѣхъ, кто такъ думалъ, казалось, что намъ нельзя оставаться при нашей замкнутости, а надо вступать въ широкое международное общеніе съ міромъ. Отсталость русскихъ тогда безбоязненно сознавали во всемъ; но всего болѣе были удивлены тѣмъ, что мы отстали отъ западныхъ людей даже въ искусствѣ обрабатывать землю. Мы имѣли твердую увѣренность, что у насъ «житница Европы», и вдругъ въ этомъ пришлось усомниться. Люди яснаго ума указывали намъ, что русское полеводство изъ рукъ вошь плохо и что если оно не будетъ улучшено, то это скоро можетъ угрожать Россіи бѣдствіемъ. Причину этого видѣли въ томъ, что наши крестьяне обрабатываютъ землю очень старыми и дурными орудіями и ни съ чѣмъ лучшимъ по дикости своей и необразованности обращаться не умѣютъ, а если дать имъ хорошія вещи, то они едятъ съ ними то, что дѣлали съ бисеромъ уномянутыя въ Евангеліи свиньи (Мѡ. VII, 3).

Я позволю себѣ предложить здѣсь кое-что изъ того, что мнѣ привелось видѣть въ этомъ родѣ.

Это касается крестьянъ и некрестьянъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Тяготѣніе къ жолудю и къ корыту.

Въ моихъ отрывочныхъ воспоминаніяхъ я не разъ говорилъ о нѣкоторыхъ лицахъ англійской семьи Шкотъ. Ихъ

*) «Уединенное государство въ отношеніи къ общественной экономіи, изъ творенія Э. Г. фонъ-Тюнена, мекленбургскаго эконома, извлечено и приспособлено для русскихъ читателей Матвѣемъ Волковымъ. Карlsruэ, въ придворной типографіи В. Госнера. Печ. позв. 7 февр. 1857 г. Цензоръ Б. Бекетовъ».

отецъ и три сына управляли огромными имѣніями Нарышкинскихъ и Перовскихъ и слыли въ свое время за честныхъ людей и за хорошихъ хозяевъ. Теперь здѣсь опять нужно упомянуть о двухъ изъ этихъ Шкотовъ.

Александръ Яковлевичъ Шкотъ,—сынъ «старого Шкота» (Джемса), послѣ котораго у Перовскаго служили Веригинъ и извѣстный «аболіціонистъ» Журавскій,—многократно рассказывалъ, какія хлопоты перенесъ его отецъ, желая научить русскихъ мужиковъ пахать землю какъ слѣдуетъ, и отъ какихъ, повидимому, неважныхъ и пустыхъ причинъ всѣ эти хлопоты не только прошли безъ всякой пользы, но еще едва не сдѣлали его виноватымъ въ преступленіи, о которомъ онъ никогда не думалъ.

Старый Шкотъ какъ прѣхалъ въ Россію, такъ увидѣлъ, что русскіе мужики пахутъ скверно, и что если они не станутъ пахать лучше, то земля скоро выщелется и обезсилѣетъ. Это предсказаніе было сдѣлано не только для орловскаго неглубокаго чернозема, но и для дѣвственной почвы степей, которыя теперь заноситъ песками *). Предвидя это огромное и неминуемое бѣдствіе, Шкотъ захотѣлъ вывести изъ употребленія дрянныя русскія сохи и бороны и замѣнить ихъ лучшими орудіями. Онъ надѣялся, что когда это удастся ему въ имѣніяхъ Перовскаго, тогда Перовскій не откажется ввести улучшеніе во всѣхъ подвѣдомыхъ ему удѣльныхъ имѣніяхъ, и дѣло получитъ всеобщее примѣненіе.

Перовскій, кажется, говорилъ объ этомъ съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ и въ очень хорошемъ расположеніи духа, прощаясь въ Москвѣ со Шкотомъ, сказалъ:

— Поѣзжайте съ Богомъ и начинайте!

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ.

По переселеніи орловскихъ крестьянъ съ выпаханныхъ ими земель на дѣвственный черноземъ въ низнемъ Поволжьѣ, Шкотъ рѣшился здѣсь отнять у нихъ ихъ «Гостомысловы ковырялки» или сохи и приучить пахать легкими пароконными плужками Смайля; но крестьяне такой перемѣны ни за что не захотѣли и крѣпко стояли за свою «ковырялку» и за бороны съ деревянными клещами. Крестьяне, выведенные сюда же изъ малороссійской Украйны,

*) См. статью Вл. Соловьева «Вѣда съ востока».

умѣли пахать лучше орловцевъ; но тяжелые малороссійскіе плуги требовали много упряжныхъ воловъ, которыхъ налицо не было, потому что ихъ истребилъ падежь.

Тогда Шкотъ выискалъ три пароконные плужка Смайля, и чтобы ознакомить съ ними пахарей, взялся за одинъ изъ нихъ самъ, къ другому поставилъ сына своего Александра, а къ третьему—ловкаго и смышленнаго крестьянскаго парня. Всѣ они стали разомъ на равныхъ постатяхъ, и дѣло пошло прекрасно. Крестьянскій парень, пахавшій третьимъ плугомъ, какъ человѣкъ молодой и сильный, сразу же опаздалъ обоимъ англичанъ — отца и сына, и получилъ награжденіе и *снасть одобрилъ*. Затѣмъ къ плужкамъ попеременно допускались разные люди, и всѣ находили, что «снасть способна». Къ году на этомъ участкѣ пришелъ хорошій урожай, и случилось такъ, что въ этомъ же году представилась возможность показать все дѣло Перовскому, который «слѣдовалъ» куда-то въ сопровожденіи какихъ-то особъ.

Извѣстно, что графъ былъ человѣкъ просвѣщенный и имѣлъ характеръ благородный. За это за нимъ было усвоено прозваніе «рыцарь».

Шкотъ, встрѣтивъ владѣльца, вывелъ предъ лицо его пахарей и поставилъ рядомъ русскую соху-«ковырялку», тяжелый малороссійскій плугъ, запряженный въ «пять сунруговъ воловъ», и легкій «способный» смайлевскій плугъ на парѣ обыкновенныхъ крестьянскихъ лошадокъ. Стали немедленно дѣлать пробу пашни.

Пробныя борозды самымъ нагляднымъ образомъ показали многостороннія преимущества смайлевакаго плужка не только передъ великорусскою «ковырялкою», но и передъ тяжелымъ малороссійскимъ плугомъ. Перовскій былъ очень доволенъ, пожалъ не одинъ разъ руку Шкоту и сказалъ ему:

— Сохѣ сегодня конецъ: я употребляю всѣ усилія, чтобы немедленно же замѣнить ее плужками во всѣхъ удѣльныхъ имѣніяхъ.

А чтобы еще болѣе поддержать авторитетъ своего англичанина, онъ, развеселись, обратился къ «хозяевамъ» и спросилъ, хорошо ли плужокъ пашеть.

Крестьяне отвѣтили:

— Это какъ твоей милости угодно.

— Знаю я это; но я хочу знать *ваши мнѣ*: хорошо или нѣтъ такимъ плужкомъ пахать?

Тогда изъ середины толпы выльзъ какой-то плѣшивый старикъ малороссійской породы и спросилъ:

— Гдѣ сими плужками пахнутъ (или орутъ)?

Графъ ему разказалъ, что пахнутъ «сими плужками» въ чужихъ краяхъ, въ Англии, за границую.

— То значитъ въ нѣмцахъ?

— Ну, въ нѣмцахъ!

Старикъ продолжалъ:

— Это вотъ значитъ у тѣхъ, що у насъ хлѣбъ покупаютъ?

— Ну да,—пожалуй, у тѣхъ.

— То добре!.. А тильки якъ мы станемъ сими плужками пахать, то гдѣ тогда мы будемъ себѣ хлѣбъ покупать?

Вышло «табло», и просвѣщенный умъ Перовскаго не зналъ, какъ отшутить мужику его шутку. И всѣ бывшія при этомъ случайныя особы схватили этотъ «замысловатый отвѣтъ крестьянина» и, къ несчастью, не забыли его до Петербурга; а въ Петербургѣ онъ получилъ огласку и надобля Перовскому до того, что когда императоръ по какому-то случаю спросилъ:—«А у тебя все еще англичанинъ управляетъ?» то Перовскій подумалъ, что дѣло опять дойдетъ до «остроумнаго отвѣта», и на всякій случай предпочелъ сказать, что англичанинъ у него болѣе уже не управляетъ.

Государь на это замѣтилъ: «то-то!» и болѣе объ этомъ не говорилъ; а Перовскій, возвратясь домой, написалъ Шкоту, что онъ долженъ оставить степи, и предложилъ устроить его иначе.

Честный англичанинъ обидѣлся; забралъ съ собою плужки, чтобъ они не стояли на счету экономіи, и уѣхалъ.

Дѣло «ковырялки» было выиграно и въ такомъ положеніи остается до сего дня.

Смайлевскіе плужки, которыми старый Шкотъ хотѣлъ научить пришедшихъ съ выпаханныхъ полей переселенцевъ «воздымать» тучныя земли ихъ новаго поселенія на заволжскомъ просторѣ, я видѣлъ въ пятидесятихъ годахъ въ пустомъ каменномъ сараѣ села Райскаго, перешедшаго къ Александру Шкоту отъ Ник. Ал. Всеволожскаго.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Шутъ Севацкой.

Всеволожскій тоже интересный человекъ своего времени. Для большинства его современниковъ онъ былъ знаменитъ только какъ безумный мотъ, который прожилъ въ короткое время огромное состояніе; но въ немъ было и другое, за что его можно помянуть добромъ.

Онъ жилъ какъ будто въ какомъ-то изступленіи или въ чаду, который у него не проходилъ до тѣхъ поръ, пока онъ не преобразился изъ миллионера въ нищаго. Личная роскошь Всеволожскаго была чрезвычайна. Онъ не только выписывалъ себѣ и своей супругѣ (урожденной Клушиной) всѣ туалетныя вещи и платья «прямо изъ Парижа», но къ нему оттуда же должны были сѣбно являться въ Пензу французскіе рыбы и деликатесы, которыми онъ угощалъ кого попаду. Онъ одинаково кормилъ деликатесами и тогдашняго пензенскаго губернатора Панчулидзева («меломана и звѣря»), и приказныхъ его канцеляріи, и дворянскихъ сошекъ, изъ которыхъ многіе не умѣли положить себѣ на тарелки то, что имъ подносили. Пожилой буфетчикъ Всеволожскаго, служившій послѣ его разоренія у другихъ такихъ же, какъ Всеволожскій, обстоятельныхъ людей (Данилевскаго и Савинскаго), говорилъ:

— Бывало, подаешь засѣдателю В. французскій паштетъ, а у самого слезы на рукавъ фрака падаютъ. Видѣть стыдно, какъ онъ все расковыряетъ, а взять не умѣетъ. И шепнешь ему, бывало: — «Ваше высокородіе! Не угодно ли я вамъ лучше икорки подамъ?» А онъ и самъ радъ: «Сдѣлай милость, — говоритъ, — я икру обожаю!»

Гостей этого рода часто нарочно спаввали, связывали, раздвѣвали, живыхъ въ гробы укладывали и нагихъ бабъ надъ ними стоять ставили, а потомъ кидали имъ что-нибудь въ награду и изгоняли. Это дѣлали всѣ или почти всѣ, и Всеволожскій грѣшить такими забавами, можетъ-быть, даже меньше, чѣмъ другіе. Но Всеволожскій ввелъ ересь: онъ сталъ заботиться, чтобы его крестьянамъ въ селѣ Райскомъ было лучше жить, чѣмъ они жили въ орловской губерніи, откуда ихъ вывели. Всеволожскій приготовилъ къ ихъ приходу на новое мѣсто цѣлую «каменную деревню».

О такихъ чистыхъ и удобныхъ помѣщеніяхъ и помышлять не могли орловскіе крестьяне, всегда живущіе въ безтрубныхъ избахъ. Всѣ дома, приготовленные для крестьянъ въ новой деревнѣ, были одинаковой величины и сложены изъ хорошаго прожженного кирпича, съ печами, трубами и полами, подъ высокими череничными крышами. Выведенъ былъ этотъ «порядокъ» въ линію на горномъ берегу быстрого ручья, за которымъ шелъ дремучій боръ съ заповѣдными и «клеимеными» въ петровское время «мачтовыми» деревьями изумительной чистоты, прямизны и роста. Въ этомъ бору было такое множество дичи и звѣрья и такое изобиліе всякой ягоды и бѣлыхъ грибовъ, что казалось, будто всего этого вѣкъ ѣсть и не переѣсть. Но орловскіе крестьяне, пришедшіе въ это раздолье изъ своей тѣсноты, гдѣ «курицу и тое выпустить некуда», какъ увидели «каменную деревню», такъ и уперлись, чтобы не жить въ ней.

— Это, молъ, что за выдумка! И дѣды наши не жили въ камени, и мы не станемъ.

Забраковали новые дома и тотчасъ же придумали, какъ имъ устроиться въ своемъ вкусѣ.

Благодаря чрезвычайной дешевизнѣ строевого лѣса, здѣсь платили тогда за избяной срубъ отъ 5 до 11 рублей. «Переведенцы» сейчасъ же «изъ послѣднихъ силъ» купили себѣ самые дешевенькіе срубки, приткнули ихъ гдѣ попало, «на задахъ», за каменными жильями, и стали въ нихъ жить безъ трубъ, въ тѣснотѣ и конотѣ, а свои просторные каменные дома опредѣлили «ходить до вѣтру», что и исполняли.

Не прошло одного мѣсяца, какъ всѣ домики прекрасной постройки были загажены, и новая деревня воияла такъ, что по ней нельзя было проѣхать безъ крайняго отвращенія. Во всѣхъ окнахъ стекла были повывиты, и оттуда валилъ смрадь.

По учрежденіи такого порядка, на всѣхъ подторжкахъ и ярмаркахъ люди сообщали другъ другу съ радостью, что «райскіе мужики своему барину каменную деревню всю запакостили».

Всѣ отвѣчали:—Такъ ему и надо!

— Шутъ этакой: что выдумалъ!

— Вали, вали ему на голову; вали!

За что они на него злобетовали, — этого, я думаю, они и сами себѣ объяснить не могли; но только они какъ оцѣнились, такъ и не приняли себѣ ни одного его благодѣянія. Опъ, напримѣръ, построилъ имъ въ селѣ общую баню, въ которую всѣмъ можно было ходить мыться, и завелъ школу, въ которой хотѣлъ обучать грамотѣ мальчиковъ и дѣвочекъ; но крестьяне въ баню не стали ходить, находя, что въ ней будто «ноги стынутъ», а о школѣ шумѣли: зачѣмъ нашимъ дѣтямъ умнѣе отцовъ быть?

— Мы-ли-де своимъ дѣтямъ не родители: наши ли сыновья не пьяницы!

Дворяне этому радовались, потому что если бы райскіе крестьяне приняли благодѣянія своего помѣщика иначе, то это могло послужить вреднымъ примѣромъ для другихъ, которые продолжали жить какъ обры и дулѣбы, «образомъ звѣринымъ».

Такого соблазнительнаго примѣра, разумѣется, надо было остерегаться.

Когда «райскій баринъ» промотался и сбѣжалъ, его каменное село перешло съ аукціоннаго торга къ двумъ владѣльцамъ, изъ которыхъ, по волѣ судьбы, одинъ былъ Александръ Шкотъ — сынъ того самаго Джемса Шкота, который хотѣлъ научить пахать землю хорошими орудіями *). Переходъ этотъ состоялся въ началѣ пятидесятихъ годовъ. Тогда мужики въ Райскомъ все «севацкое» уже «обгадили на отдѣлку», а сами задыхались и слѣдили въ «куренкахъ». Ѡ. Селивановъ въ своей части села Райскаго оставилъ мужиковъ въ куренкахъ, но Шкотъ не могъ этого переносить. Онъ не былъ филантропъ и смотрѣлъ на крестьянъ прямо какъ на «рабочую силу»; но онъ берегъ эту силу и сразу же учелъ, что потворствовать мужичьей прихоти нельзя, что множество слѣпыхъ и удушныхъ приносятъ ему большой экономической ущербъ. Шкотъ сталъ уговаривать мужиковъ, чтобы они обчистили каменные дома и перешли въ нихъ жить; но мужики взбѣрошились и объявили, что въ тѣхъ домахъ жить нельзя. Имъ указали изъ дворовыхъ, которые жили въ каменныхъ домахъ.

*) Другая половина Райскаго была приобрѣтена Оед. Ив. Селивановымъ.

— Мало ли что подневольно дѣлается, — отвѣчали крестьяне: — а мы не хотимъ. Въ каменномъ жить, это все равно что острогъ. Захотѣлъ перегонять, такъ ужъ лучше пусть прямо въ острогъ и сгонитъ: мы всё и пойдёмъ въ острогъ...

Отъ убѣжденій перешли къ наказаніямъ и кого-то высѣкли, но и это не помогло; а Шкоту черезъ исправника Мура (тоже изъ англичанъ) было сдѣлано отъ Панчулидзева предупрежденіе, чтобы онъ не раздражалъ крестьянъ.

Шкотъ осердился и поѣхалъ къ губернатору объясняться, съ желаніемъ доказать, что онъ старался сдѣлать людямъ не злое, а доброе, и если наказалъ одного или двухъ чловѣкъ, то «безъ жестокости», тогда какъ всё безъ исключенія наказываютъ безъ милосердія; но Панчулидзевъ держалъ голову высоко и не дозволялъ себѣ ничего объяснять. Съ Шкотомъ онъ былъ «знакомъ по музыкѣ», такъ какъ Шкотъ хорошо игралъ на віолончели и участвовалъ въ губернаторскихъ симфоническихъ концертахъ; но тутъ онъ его даже не принялъ.

Шкотъ написалъ Панчулидзеву дерзкое письмо, котораго тотъ не могъ никому показать, такъ какъ въ немъ упоминалось о прежнихъ сношеніяхъ автора по должности главноуправляющаго имѣніями министра, перечислялись «дары» и указывались такія дѣла, «за которыя чловѣку надо бы не губерніей править, а сидѣть въ острогѣ». И Панчулидзевъ снесъ это письмо и ничего на него не отвѣтилъ. Письмо содержало въ себѣ много правды и послужило матеріаломъ для борьбы Зарина, окончившейся смѣщеніемъ Панчулидзева съ губернаторства. Но тогда еще въ Загонѣ не вѣрили, что что-нибудь подобное можетъ случиться и расшевелить застоявшееся болото.

Смѣлье прочихъ сторону губернатора поддерживалъ дворянскій предводитель, генералъ Арановъ, о которомъ тоже упоминалось въ письмѣ, какъ о нестерпимомъ самоцициѣ. А генералъ Арановъ, въ свою очередь, былъ славенъ и жить широко; въ его домѣ на Лѣкарской улицѣ былъ «открытый столъ» и самыя злыя собаки, а при столѣ были свои писатели и поэты. Отсюда на Шкота пошли пасквили, а вслѣдъ затѣмъ въ Пензѣ была получена брошюра о томъ, какъ у насъ въ Россіи все хорошо и просто и все сообразно нашему климату и вкусамъ и привычкамъ нашего добраго

народа. И народъ это понимаетъ и цѣнить и ничего лучшаго себѣ не желаетъ; но есть пустые люди, которые этого не видятъ и не понимаютъ и выдумываютъ не-знать для чего самыя глупыя и смѣшныя выдумки. Въ примѣръ была взята курная изба и показаны ей разнообразныя удобства: кажется, какъ будто она и не очень хороша, а на самомъ дѣлѣ, если вникнуть, то она и прекрасна, и жить въ ней гораздо лучше, чѣмъ въ бѣлой, а особенно ее совсѣмъ нельзя сравнить съ избой каменной. Это вотъ радость ужъ во всѣхъ отношеніяхъ! Въ куренкѣ топлива идетъ мало, а тепло какъ у Христа за пазухой. А въ воздухѣ чувствуется легкость; на широкой печи въ ней способно и спать, и отогрѣться, и онучи и лапти высушить, и веретѣе оттаять, и нечисть изъ курной избы бѣжить, да и что теленокъ съ овцой насмердятъ,—во время топки все опять дверью вошь выгнать. Гдѣ же и какъ можно все это сдѣлать въ чистой горницѣ? А главное, что въ курной избѣ хорошо — это *сажа!* Ни въ какомъ другомъ краю теперь уже нѣтъ «черной, лоспящейся сажи» на стѣнахъ крестьянскаго жилища,—вездѣ «это потеряно», а у насъ еще есть! А отъ сажи не только никакая мелкая гадъ въ стѣнѣ не водится, но эта сажа имѣетъ очень важныя лечебныя свойства, и «наши добрые мужички съ великою пользою могутъ пить ее, смѣшивая съ нашимъ простымъ, добрымъ русскимъ виномъ». Словомъ — въ курной избѣ, по словамъ брошюры, было цѣлое угодье.

«Русская партія» торжествовала побѣду; ничего поваго не надо: надо жить по старинѣ, — въ куренкѣ и лѣчится сажею.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Лѣченье сажей.

Англичанинъ смѣялся.

— Мало имъ, что люди въ этой сажѣ живутъ и слѣпаютъ, — они еще хотятъ обучить ихъ пить ее съ водкою! Это преступленіе!

Шкотъ самъ умѣлъ стряпать брошюры,—это ихъ англичанская страсть, — и онъ поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы напечатать, что крестьяне слѣпаютъ и наживаютъ удумье отъ курныхъ избъ; но напечатать свою брошюру о томъ, что крестьяне слѣпаютъ, ему не удалось, а противная партія,

случайно или нѣтъ, была поддержана въ листкѣ, который выходилъ въ Петербургѣ «подъ гербомъ» и за подписью редактора Бурнашова *).

Раченіемъ Бурнашова почти одновременно вышли двѣ хозяйственныя брошюры: одна «О благотворномъ врачеваніи коры и молодыхъ побѣговъ ясенева дерева», а другая «О цѣлебныхъ свойствахъ лоснящейся сажки». Исправники и благочинные должны были содѣйствовать распространенію этихъ полезныхъ брошюръ.

Въ брошюрѣ о ясени сообщалось, что этимъ деревомъ можно обезопасить себя отъ ядовитыхъ отравъ и укушеній гадами. Стоило только имѣть при себѣ ясеневую палочку— и можно легко узнавать, гдѣ есть въ землѣ хорошая вода; щелокомъ изъ ясеневой коры стоитъ вымыть опелудивѣвшихъ дѣтей, и они очистятся; золою хорошо парить зачesy въ хвостахъ у лошадей. Овцамъ въ овчарню надо было только ставить вѣтку ясеня, и овцы агнились гораздо плодуще, чѣмъ безъ ясеня. Бабамъ яшень унимала кровотокъ и еще дѣлала много другихъ вещей, про которыя черезъ столько лѣтъ трудно вспомнить. Но избяная «лоснящаяся сажка» превозносилась еще выше.

Въ брошюрѣ о сажкѣ, которая была гораздо объемистѣе брошюры о ясени, утвердительно говорилось, что ея, при благословеніи Божіемъ, можно излѣчивать почти всѣ чело-вѣческія болѣзни, а особенно «болѣзни женскаго пола». Нужна была только при этомъ сноровка, какъ согрести сажу, т. е. скрести ее сверху внизъ, или снизу вверхъ. Отъ этого измѣнялись ея медицинскія свойства: собранная въ одномъ направленіи, она поднимала опавшее, а взятая иначе, она опускала то, что надо понизить. А получать ее можно было только въ русскихъ курныхъ избахъ и нигдѣ иначе, такъ какъ нужна была сажка *лоснящаяся*, которая есть только въ русскихъ избахъ, на стѣнахъ, натертыхъ мужичьими потными загорбками. Пушистая же или лохматая сажка цѣлебныхъ свойствъ не имѣла. На Западѣ такого

*) Владиміръ Петр. Бурнашовъ скончался недавно въ Марининской больницѣ, въ Петербургѣ, въ возрастѣ очень преклонномъ. Въ послѣдніе годы жизни сотрудничалъ въ изданіяхъ гг. Каткова и Комарова. Оставилъ много автобіографическихъ замѣтокъ, изъ которыхъ было напечатано извлеченіе въ «Историческомъ Вѣстникѣ». По словамъ его, вращаясь въ литературныхъ кружкахъ, онъ иногда служилъ и не одиѣмъ литературнымъ потребностямъ.

добра уже нѣтъ, и Западъ придетъ къ намъ въ Загонъ за нашею сажею, и отъ насъ будетъ зависѣть дать имъ нашей копоты или не давать; а цѣну, понятно, можемъ спросить какую захотимъ. Конкурентовъ намъ не будетъ.

Это говорилось въ-серьезъ, и сажа наша прямо приравливалась къ ревеню и калганному корню, съ которыми она станетъ соперничать, а потомъ убьетъ ихъ и сдѣлается славой Россіи во всемъ мірѣ.

Загонъ былъ доволенъ: осатанѣлые и утратившіе стыдъ и смыслъ люди стали расписывать, какъ лѣчиться сажею. «Лоснящуюся сажу» рекомендовалось разводить въ вишѣ и въ водѣ и принимать ее внутрь людямъ всѣхъ возрастовъ, а особенно дѣтямъ и женщинамъ. И кто можетъ отважиться сказать: сколькимъ людямъ это стоило жизни! Но тѣмъ не менѣе, брошюра о сажѣ имѣла распространеніе.

Радовались, что не послушались затѣйниковъ и уберегли свои избы; а затѣйниковъ бранили и порочили и припоминали ихъ въ большомъ числѣ, перемеживая умныхъ съ безумными: Сперанскаго съ Всеволожскимъ.

— Помилуй Богъ, если бы имъ тогда волю дали! Чтѣ бы они надѣлали!

На губернскихъ балахъ той самой баснословной пензенской знати, которая столь обмелѣла, что кичилась своею «араповщиной», — между безстыжими выходками всякой пошлости прославляли «умъ и чуткость русскаго земледѣльца», который не захотѣлъ жить въ *чистомъ домѣ*. При этомъ разоренный и отсутствующій Всеволожскій всякій разъ былъ осмѣиваемъ, и ни одному изъ благородныхъ людей, ѣвшихъ его деликатесы, не пришло въ голову отыскать его на мостовой, для которой онъ билъ камни, и отдать ему хоть частицу тѣхъ денегъ, которыя у него были заняты.

Но его еще хотѣли сдѣлать посмѣшищемъ на вѣчныя времена.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Всевозможные бетизы.

Нѣкто С., ничтожный «человѣкъ высокаго происхожденія по боковой линіи», замѣчательный удивительнымъ сходствомъ съ Поздreyимъ и также членъ и душа общества, напившись предводительскаго вина, подаль мысль собрать

«музей бетизовъ» Всеволожскаго, чтобы всѣ видѣли, *«чего въ Россіи не нужно»*.

Бетрищеву это поправилось, и онъ хохоталъ и обѣщалъ не пожалѣть тысячи рублей, чтобы такой «музей бетизовъ» былъ устроенъ.

Тысячъ у него было много!

Вспомнили все, что надо почитать за «бетизы». Набралось много: Всеволожскій не только построилъ каменные жилыя помѣщенія для крестьянъ, но онъ выписалъ для нихъ плуги, жнеи, вѣялки и молотилки отъ Бутенона; онъ завелъ школу и больницу, кирпичедѣлательную машину и первый мѣдный ректификаторъ Шварца, на винномъ заводѣ. Съ ректификаторомъ еще пошли осложненія: крестьяне въ этомъ ректификаторѣ забили трубки, и въ пріемникъ полилась вонючая и теплая муть вмѣсто спирта, а на кордѣ рабочіе быки, пригнанные хохлами для выкормки ихъ бардою, пришли въ бѣшенство, оттого что они напалились пьяны, задрали хвосты, бодались и перекалѣчили другъ друга почти наполовину.

Всеволожскій заплатилъ хохламъ за погибшихъ отъ онойства и драки быковъ, и еще приплатилъ, чтобы не говорили о происшедшемъ у него на заводѣ скандалѣ.

Этого нельзя было «скупить» и выставить, но это позволили заказать написать на картинѣ живописцу Петру Соколову: «онъ, правда, беретъ дорого, но онъ свой братъ дворянинъ и съ нимъ можно поторговаться».

«Бетизы» Поздревъ обѣщалъ свезти въ Пензу; но, выѣхавъ съ генеральскими деньгами въ Райское, Поздревъ остановился перемѣнить лошадей у мордвина въ с. Чемодановкѣ, которая тогда принадлежала сыну знаменитаго военнаго историка Михайловскаго-Данилевскаго, Леониду, а этотъ дворянинъ имѣлъ обыкновеніе приглашать къ себѣ проѣзжающихъ, угощалъ ихъ и игралъ съ ними въ карты. И Поздревъ въ силу этого обычая тоже былъ приглашенъ черезъ верхового посланца къ чемодановскому барину и тамъ «потерялъ деньги» и уже ни въ Райское не поѣхалъ, ни въ Пензу не возвратился, а отбылъ домой, пока дѣло о бетизахъ придетъ въ забвеніе.

«Бетизы» долежали въ Райскомъ до Шкота. Онъ мнѣ ихъ показывалъ, и я ихъ видѣлъ, и это было грустное и глубоко терзающее позорище!.. Все это были хорошія, по-

лезныя и крайне нужныя вещи, и онѣ не принесли никакой пользы, а только сокрушили тѣхъ, кто ихъ принасѣ здѣсь. И къ нимъ, къ «севацкимъ бетизамъ», Шкотъ придвинулъ свои и отцовскія — «улучшенныя орудія» и, трясясь отъ старости, тихо шамкаль:

— Все это не годится въ Россіи.

— Вы шутите, дядя!

— Нѣтъ, не шучу. Здѣсь ничто хорошее не годится, потому что здѣсь живетъ народъ, который дикъ и золь.

— Не золь, дядя!

— Нѣтъ, золь. Ты русскій, и тебѣ это, можетъ-быть, неприятно; но я сторонній челоувѣкъ, и я могу судить свободно: этотъ народъ *золь*; но и это еще ничего, а всего-то хуже то, что ему говорятъ ложь и внушаютъ ему, что дурное хорошо, а хорошее дурно. Вспомни мои слова: за это придетъ наказаніе, когда его не будете ждать!

Въ этой Пензѣ, представлявшей одно изъ самыхъ темныхъ отдѣленій Загона, люди дошли до того, что хотѣли учредить у себя все наыворотъ: улицы содержали въ состояніи болотъ, а тротуары для пѣшеходовъ устроили такъ, что по нимъ *никто* не отваживался ходить. Тротуары эти были дощатые, а подъ досками были рвы съ водою. Гвозди, которыми приколачивали доски, выскакивали, и доски спускали прохожаго въ клоаку, гдѣ онъ и находилъ смерть. Полицейскіе чины грабили людей на площади; предводительскія собаки терзали людей на Лѣкарской улицѣ въ виду самого генерала съ одной стороны и исправника Фролова— съ другой; а губернаторъ собственноручно билъ людей на улицѣ нагайкою; ходили ужасныя и достовѣрныя сказанія о насиліи надъ женщинами, которыхъ приглашали обманомъ на вечера въ дома лицъ благороднѣйшаго сословія... Словомъ, это былъ уже не городъ, а какое-то разбойное становище. И увидѣвъ Богъ, что злы здѣсь дѣла всѣхъ, и, не обрѣтя ни одного праведнаго, наслалъ на нихъ Ефима Ѳедоровича Зарина, вызвавшаго сенаторскую ревизію.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Интерваль.

Сдѣлаемъ шагъ въ сторону, гдѣ больше свѣта.

Въ Европѣ намъ оказали непочтительность; мы увидѣли

надобность взять въ руки оружіе. Сценой дѣйствія сдѣлался нанѣ Крымъ. Регулярныя полки и ратники ополченія тащились на ногахъ черезъ Кіевъ, гдѣ ихъ встрѣчалъ поэтъ изъ штенцовъ кіевской духовной академіи Аскоченскій и командовалъ: «На молитву здѣсь, друзья! Кіевъ передъ вами!» А къ другимъ онъ оборачивался и грозилъ: «Не хвалитесь, идя на рать, а идучи съ...» *).

Скоро оказалось, что тѣ, которыхъ мы уговариваемъ «не хвалиться», на самомъ дѣлѣ гораздо меньше насъ хвалятся, но, къ совершенной неожиданности, оказываются во всемъ насъ усѣннѣе. Къ тому же вкралось много воровства, и дѣла у насъ пошли худо. Все это извѣстно и переизвѣстно, но, къ несчастію, кажется, уже позабыто. Но много любопытнаго осталось въ неизвѣстности до сихъ поръ. Въ числѣ анекдотовъ и казусовъ этого времени припоминаю, какъ въ Пензу были присланы два взятые въ плѣнъ англійскіе военные инженера, изъ которыхъ одинъ назывался Миллеръ. Говорили, будто онъ отличался знаніемъ строительнаго искусства и большимъ безстрашіемъ. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ на лучшемъ счету у Немира. А у насъ онъ осрамилъ себя сразу и окончательно! Какъ только этого Миллера привезли—Шкотъ пошелъ навѣстить его. Сдѣлалъ онъ это, какъ землякъ, и ему это въ вину не поставилось. Онъ просидѣлъ у плѣннаго вечеръ, а на другой день англійскій инженеръ пошелъ отдать ему визитъ, но былъ такъ глупъ, что думалъ, будто надо идти по тротуару, а не посреди улицы, которая, впрочемъ, была открыта жидкою грязью по колѣно.

Миллеръ пошелъ по пензенскимъ тротуарамъ, по которымъ въ Пензѣ *не ходили*.

И Шкотъ не сказалъ ему этого.

За это тротуарная доска спустила англійскаго инженера однимъ концомъ въ клоаку, а другимъ прихлоннула его по темени, и дѣло съ нимъ было кончено.

Это было смѣшно! Не знали только, какъ съ этимъ поступить: стыдиться или хвалиться? Въ Крыму уцѣлѣлъ отъ всѣхъ пушекъ, а въ Пензѣ доской прихлоннуло. Забавно!

А виноватъ былъ Шкотъ: онъ долженъ былъ его сразу же предупредить, что по тротуарамъ не ходятъ. Но онъ англи-

*) 15-го сентября 1893 г. этотъ стихъ полностью воспроизведенъ въ весьма извѣстной русской газетѣ.

чанинъ... онъ хитрый человекъ, онъ нарочно хотѣлъ создать исторію...

Старикъ Шкетъ вышелъ изъ себя и послалъ вызовъ на дуэль генералу Аранову, въ домъ котораго это говорили.

Генералъ не отвѣчалъ, но сталъ ѣздить въ закрытой каретѣ.

Шло что-то новое: бахвальства смѣнились картинами «Изнанки крымской войны» и «Параллелими» Палимпсестова. «Параллели» особенно смутили Загонъ, такъ какъ тамъ просто, но обстоятельно было собрано на видъ, что есть у насъ и что въ соотвѣтствіе нашему убожеству представляетъ жизнь за окружающею нами Загонъ стѣною. По рукамъ у насъ пошла печатная картина, гдѣ нашъ «Загонъ» изображенъ былъ темнымъ и безотраднымъ, но крѣпко огражденнымъ китайскою стѣною. Со внѣшней стороны разные беспокойные люди старались проломать къ намъ ходы и щелчки и образовали трещины, въ которыя скользили лучи свѣта. Лучи эти кое-что освѣщали, и то, что можно было рассмотреть—было ужасно. Но всѣ понимали, что это далеко не все, что надо было освѣтить, и сразу же пошла борьба: свѣтить больше или совсѣмъ задуть свѣточъ? Являлись заботы о томъ, чтобы забить трещины, черезъ которыя къ намъ пробивался свѣтъ. Оттуда пробивали, а отсюда затыкали хламомъ, и среди затыкавшихъ выдѣлялась одна голова съ чертами знаменитаго тогдашняго современника. На картинкѣ онъ говорилъ: «Оставьте: если это отъ людей, то это исчезнетъ, а если отъ Бога, то вы свѣта остановить не можете». Почти тѣ же самыя, или по крайней мѣрѣ въ этомъ духѣ и родѣ, вель онъ бесѣды и на самомъ дѣлѣ. Это былъ любимецъ и настоящій герой самыхъ прекрасныхъ дней въ Россіи: это былъ Пироговъ. О немъ говорили, что «онъ во время войны рѣзалъ руки и ноги, а послѣ войны приставляетъ головы». Всѣ понимали одно, что Пироговъ хотѣлъ «воспитать человекъ» и что намъ это всего нужнѣе, такъ какъ мы очень невоспитанны.

Такое чистосердечное сознаніе въ своемъ грѣхѣ свидѣтельствовало, разумѣется, о счастливой способности націи къ быстрому улучшенію. Пироговскіе «Вопросы жизни» были напечатаны въ «Морскомъ Сборникѣ» по приказанію великаго князя Константина Николаевича. Пирогову довѣрялись и его хвалили не только взрослые и умные люди,

по даже «дѣти» и, кажется, «камни». Въ февралѣ 1859 года въ Одессѣ былъ выпущенъ «Новороссійскій литературный сборникъ», издателемъ котораго былъ очень мало значащій въ литературѣ человекъ, А. Георгіевскій, но и онъ посвятилъ свой сборникъ «имени Н. И. Пирогова». По словамъ этого г. А. Георгіевскаго, на Пирогова «Россія должна смотрѣть съ гордостью, ибо его дѣятельность обѣщала много добра впереди». А. Георгіевскій особенно указывалъ на старанія Пирогова «вызвать въ краѣ умственную дѣятельность, главнымъ поприщемъ для которой служить литература» (Предисл. II). По разъясненію г. А. Георгіевскаго, это должно было идти такъ, что «дѣло самосознанія каждая мѣстность должна совершить собственными средствами, чрезъ посредство своей мѣстной литературы, ибо централизація умственной дѣятельности есть явленіе ненормальное и вредное, которое парализуетъ жизнь остальныхъ частей, стягивая всѣ силы къ одному пункту» (ibid. III). Въ сборникѣ главною статьею былъ отрывокъ Пирогова, подъ заглавіемъ «Чего мы желаемъ?» Здѣсь разсматривался вопросъ о высшемъ образованіи въ независимости отъ «одной только ближайшей цѣли» (185). Пироговъ выяснялъ, что, «преслѣдуя одно ближайшее, мы незамѣтно попадемъ въ лабиринтъ, изъ котораго трудно будетъ выбраться» (186). А «по закону противодѣйствія можетъ начаться на другой улицѣ праздникъ». Но мы такъ полны были радостей, что ничего не опасались, и, ходя по тропинкѣ бѣдствій, не ожидали послѣдствій. Удадь и бахвальство шибали въ другую сторону: на проводы Пирогова собрались «тѣмы». Это дѣйствительно былъ «излюбленный человекъ», съ которымъ людямъ было больно и тяжело разстаться. Прощаясь съ нимъ, плакали, и одна молоденькая институтка, вскочивъ на столъ съ поломанной ножкой, громко векрикнула: «Будьте нашимъ президентомъ!» — и сама упала вмѣстѣ со столомъ... Нѣсколько человекъ ее подхватили. Она была виѣ себя и все кричала «президентъ!» и жаловалась на боль въ колѣнкѣ.

Въ числѣ лицъ, суетившихся вокругъ этой юной особы, были флотскій докторъ, мичманъ и штабъ-офицеръ въ голубой формѣ. Послѣдній желалъ у нея о чемъ-то осведомиться, но флотскій докторъ сурово отстранилъ его и сказалъ:

— Развѣ вы не видите, что дѣвушка въ истерикѣ!

А другіе ему закричали:

— Стыдно, полковникъ, стыдно!

И полковникъ уступилъ и только спросилъ у какого-то простолодина:

— Чтò такое она тутъ чекотала?

А тотъ ему «неглежа» отвѣтилъ:

— Чекотала чечотка, видно чечета звала.

— Ага! — сказалъ, не обижаясь, полковникъ: — пѣтушка гличеть!

— Разумѣется.

И въ самомъ дѣлѣ, явился пѣтушокъ, съ которымъ чечотку обвѣнчали съ удивительною поспѣшностью.

А важное дѣло образованія, которое такъ широко понималъ Пироговъ, было рѣшено «въ тонѣ полумѣрь», которыхъ всего болѣе Пироговъ опасался... Потомъ и самъ Пироговъ подпалъ осмѣянію въ передовомъ изъ тогдашнихъ журналовъ и былъ не только удаленъ отъ воспитательнаго дѣла, но, по словамъ, сказаннымъ имъ на его юбилей, онъ еще «былъ оклеветанъ», и даже г. А. Георгіевскій уже не защищалъ его...

Затѣмъ Катковъ открылъ въ правительствѣ безсиліе и слабость, и сталъ пугать, что насъ «скоро отмежуютъ отъ Европы на Нарву», и что наши петербургскія генеральши будутъ этому очень рады, «потому что имъ станетъ близко ѣздить за границу». Отъ дамъ чего не станется! Опять бы имъ надвинуть на уши повойники да и рассадить ихъ по теремамъ.

Появилась и книжка съ такимъ направленіемъ, напечатанная въ Петербургѣ, а изъ Москвы и на всѣхъ вообще раздался окрикъ: «Назадъ! Домой!»

И это уже не казалось дико, а стало моднымъ словомъ.

Интервалъ проходилъ.

Появились знаменитости, какихъ нѣтъ на Западѣ и которыми Западъ долженъ былъ позавидовать. Прослылъ въ *ученыхъ* Маклай, сочиненій котораго въ Россіи до сихъ поръ не читали; а потомъ г. Катковъ отыскалъ и проявилъ въ свѣтъ *воителя* Ашинова, «вольнаго казака», который, по мнѣнію г. Каткова, внушалъ полное довѣріе. Его поддерживали другіе знаменитые люди: Вис. Комаровъ, Вас. Аристовъ, свящ. Наумовичъ и другіе, имена кото-

рыхъ останутся навсегда связанными съ этимъ «историческимъ явленіемъ». Я его помню въ одной торжественной обстановкѣ, среди именитыхъ лицъ: рыжій, коренастый, съ круглыми, бѣгающими глазами и куцупыми руками, покрытыми веснушками... Онъ былъ превосходенъ въ своемъ родѣ. Его ассистировали Комаровъ, Аристовъ и Наумовичъ, и еще одинъ русскій поэтъ изъ чиновниковъ, и три «только-что высѣченные дома болгарина...» Его надо было оберегать, потому что ему угрожала Англія. Для этого онъ не пилъ ничего изъ бокаловъ, которые ему подавали, а хлебалъ «изъ сусѣдскаго»... Все это казалось «просто и мило». И затѣмъ уже пошла такая знаменитость, которой уже никто и не угрожалъ: выѣхалъ верхомъ казакъ и поѣхалъ, и (по отчету одного дѣтскаго журнала) только разъ одинъ ему «пришлось купить вазелину», а между тѣмъ же не только ему, но и его «сивому мерину» были оказаны всѣ знаки почтенія. Если редакторъ «Petersburger Zeitung» удивилъ нѣкогда людей, стѣздивъ въ Берлинъ для того, чтобы видѣть Бисмарка и «поцѣловать рыжую кобылу», на которой тотъ былъ въ битвѣ, то наши дамы не уступали этому редактору въ чувствѣ достоинства, и... сивый меринъ тоже дождался такой же ласки, и притомъ не отъ мужчины... Вредныхъ тяготѣній къ чужеземцамъ, которыхъ ожидалъ Катковъ, со стороны дамъ не встрѣчалось, а наоборотъ, имъ стало нравиться все простое, не попорченное цивилизаціей, даже прямо *дикое*.

Огромное множество людей вдругъ почувствовали, что они были неосторожны и напрасно позволили духу времени увлечь себя слишкомъ далеко: имъ было неловко, что они какъ будто вышатылись впередъ за черту, указанную благоразуміемъ... Имъ стало стыдно и дико: что они, всаправду, за европейцы!

Кто-то припомнилъ, что и Катковъ нѣкогда говорилъ, что «нельзя насыпать на хвостъ соли Европѣ», но теперь уже ничто подобное не казалось убѣдительно. Нельзя насыпать соли — и не нужно; и пошли повороты на понятный дворъ по всѣмъ линиямъ.

И тутъ случилось въ спѣшкѣ и суматохѣ, что кое-кого напрасно сбили съ ногъ и позабыли то, чего не надо бы забывать. Забыли, какими мы явились въ Крыму неготовыми во всѣхъ отношеніяхъ и какимъ очистительнымъ

огнемъ прошла вся слѣдовавшая затѣмъ «полоса покаянія»; забыли, въ виду какихъ соображеній императоръ Александръ II торопиль и побуждалъ дворянъ дѣлать «освобожденіе рабовъ *сверху*»; забыли даже кривосудъ старыхъ, закрытыхъ судовъ, отъ котораго страдали и стонали всѣ. Забыли все такъ скоро и основательно, какъ никакой другой народъ на свѣтѣ не забывалъ своего горя, и еще насмѣялись падъ всѣми лучшими порядками, назвавъ ихъ «принадкомъ сумасшествія».

Настало здравомысліе, въ которомъ мы ощутили, что намъ нужна опять «стѣна» и внутри ея—законы!

Съ тѣхъ поръ, какъ произошелъ этотъ кратко мною очерченный послѣдній оборотъ, я уже не бывалъ ни въ орловскихъ, ни въ пензенскихъ, ни въ украинскихъ деревняхъ, а вертѣлся по балтійскому побережью. Пожилъ я здѣсь въ разныхъ мѣстахъ, начиная отъ Нарвы до Полаangenа, и не нашелъ ничего лучше, какъ Меррекулъ, выдерживающій свою старинную и почетную репутацію. Это именно тотъ первый пунктъ за Нарвою, гдѣ, по расчету Каткова, русскія генеральши захотятъ сдѣлать для себя «заграничное мѣсто». Здѣсь хорошо жить, потому что въ Меррекулѣ очень красивое приморское положеніе, есть порядокъ, чистота, тихій образъ жизни, множество разнообразныхъ прогулокъ и изобиліе русскихъ генеральшъ. Очень любопытно видѣть, что такое учреждаютъ здѣсь теперь эти почтенныя дамы, тяготѣвшія къ чужимъ краямъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Возвышенные порывы.

О Меррекулѣ говорятъ, будто тутъ «чопорно»; но это, можетъ-быть, такъ было прежде, когда въ русскомъ обществѣ преобладала какая ни есть родовая знать. Тогда тутъ жилали лѣтомъ богатые люди изъ «знати», и они «топировали». А теперь тутъ живутъ генералы и «крупные приказные», да немножко нѣмцевъ и англичанъ, и тошъ Меррекуля сталъ мѣшанный и мутный.

Меррекулъскіе генералы, которые еще не вышли въ тиражъ, находятся болѣею частью въ составѣ какихъ-нибудь сильно дѣйствующихъ центральныхъ учреждений, и потому они обыкновенно присутствуютъ шесть дней въ

столицѣ, а въ Меррекюль приѣзжаютъ только по субботамъ. Въ теченіе шести буднихъ дней въ Меррекюль можно видѣть только самыхъ старыхъ генераловъ, въ которыхъ столица уже не ощущаетъ лѣтомъ надобности, но они не дѣлаютъ лѣта и въ Меррекюль. Украсяютъ и оживляютъ мѣсто однѣ генеральши и ихъ потомство, — дѣти и внуки, которыхъ онѣ учатъ утирать носы, дѣлать реверансы и молиться рукою. Между генеральшами одна напоминаетъ мнѣ прелюбительное время юности, когда у нея не было еще ни дѣтей, ни внучатъ, и сама она была легкомысленная чечотка. Да! Здѣсь она, которая когда-то крикнула «президента» и упала подѣ столъ.

Ея давній «пѣтушокъ» теперь достигъ уже всего, чего онъ могъ достигъ, и въ нынѣшнемъ году выходитъ въ тиражъ. Будущимъ лѣтомъ они уже не будутъ жить въ Меррекюль.

Мы едва узнали другъ друга и, конечно, не много говорили о прошломъ. Мы чувствуемъ, что мы стары и намъ некстати вспоминать, какіе мы были въ то время, когда она упала подѣ столъ. Генеральша, повидимому, желаетъ поддерживать со мною знакомство, но такъ вѣжлива, что старается говорить всегда о такихъ вещахъ, которыя мнѣ не интересны. Впрочемъ, иногда она говоритъ со мною о Толстомъ, котораго она «похорошила для себя послѣ Анны Карениной». Какъ онъ «пошелъ косить» — она ему сказала: «прощай, батюшка!» Она на него, однако, «не нападаетъ, какъ другіе». — «Зачѣмъ, нѣтъ! Пускай онъ себѣ думаетъ что хочетъ, но зачѣмъ онъ хочетъ это распространять. Это не его дѣло. Суворинъ его отлично... Онъ его почитаетъ и обожаетъ, а на предисловіе къ сонатѣ отлично... Не за свое дѣло и не берись. Родъ человѣческій кончатся не можетъ... Суворинъ отлично!..» На эту тему генеральша неистощима и всегда сама себѣ равна: Суворина она ставитъ высоко: «il a une bonne tête», а Толстой «гениальный умъ, но ce n'est pas sérieux, vous savez. Толстому, по-моему, одного нельзя простить, что онъ прислугу и мужчинъ портитъ. Это разстраиваетъ жизнь. У меня была честная, вѣрная служанка — и вдругъ проситъ: «пожалуйста, не приказывайте мнѣ никому говорить, что васъ дома нѣтъ, когда вы дома: я этого не могу». — Что за вздоръ такой! — «Нѣтъ-съ, говорить, это ложь — я лгать не хочу». И такъ

и уперлась. Чтобы не давать дурного примѣра другимъ, я должна была ее отпустить, и только тогда узнала, что эта дурочка все «посредственныя книжки» читала. Но зато теперь у меня служанка, охъ, какая глупья! Каждое слово жечь и кофе крадеть; но надо ихъ почаще мѣнять и тогда онѣ лучше. Другое дѣло мужчины: это самый безпутный и глупый народъ на свѣтѣ, и главное, что съ ними нельзя такъ часто мѣнять, какъ съ прислугой. У нихъ на умѣ то же самое, что было у нигилистовъ, — чтобы не давать содержанія семейству; но это въ такомъ родѣ не будетъ: все останется какъ мы хотимъ».

Не знаетъ она основательно ничего или, точнѣе сказать, знаетъ только одиѣ родословныя и мастерски слѣдитъ за тѣмъ, кто изъ извѣстныхъ лицъ гдѣ живетъ и въ какихъ съ кѣмъ находится короткостяхъ. Она считаетъ себя благочестивой, и ее занимаетъ распространеніе православія среди инородцевъ. Меррекюль чрезвычайно удобенъ для этого рода занятій: здѣсь есть православный храмъ, «маленькій, какъ игрушечка», много чухонъ или эстовъ, которые совсѣмъ не имѣютъ настоящихъ понятій о вѣрѣ. Среди нихъ возможны большіе успѣхи.

Прежде тутъ была только лютеранская каплица, построенная въ лѣсу. Она и теперь на своемъ мѣстѣ. Ее называютъ Waldkapelle. Она вся изъ бревенъ и крыта лучиною; въ ней есть органъ и распятіе, да на вышкѣ небольшой колоколь. Ни внутри, ни снаружи нѣтъ никакихъ портативныхъ драгоценностей. Передъ капеллою расчищена полянка, посредникъ которой пріютилась маленькая колонка. Это памятникъ Генту; а вокругъ, подъ большими великолѣпными соснами, стоятъ скамейки, на которыхъ любятъ сидѣть охотники до поэтической тишины. Здѣсь прелестно читать, и этимъ пользуются немногіе любители чтенія, какіе кое-гдѣ еще остаются. Хорошо здѣсь играть и въ крокетъ, но это не позволяется. На дорожкахъ, ведущихъ къ капеллѣ, есть столбы съ надписями: «просить не играть въ крокетъ у капеллы». По мнѣнію нѣмцевъ, домъ молитвы надо удалить отъ шума: ему пристойна тишина. Няньки этимъ недовольны и приводятъ сюда генеральскихъ дѣтей, которыя тщательно брыкаютъ ногами въ памятникъ покойнаго владѣльца Меррекюля и стараются оборвать окружающія цоколь цѣпи. Люди бурныхъ инстинктовъ не най-

дуть это мѣсто веселымъ; но многіе говорятъ, что здѣсь имѣ «хотѣлось молиться».

Лѣтъ двадцать или больше пазадъ сюда по нѣкоторымъ особаго рода обстоятельствамъ прибылъ изъ Петербурга православный священникъ Александръ Гумилевскій. Онъ былъ человѣкъ молодой, горячій и мягкосердечный, съ любовью къ добру, но безъ большой выдержанности и послѣдовательности. Онъ началъ проповѣдывать и такъ увлекся своимъ маленькимъ успѣхомъ, что счелъ себя за Боссюэта и позабылъ объ Аскоченскомъ, который тогда дѣйствовалъ въ духѣ и силѣ нынѣшняго Мещерскаго. За это неосторожный бѣднякъ былъ смѣщенъ изъ Петербурга въ Нарву, гдѣ все чрезвычайно не нравилось и ему, и его домашнимъ.

Думали, однако, что онъ еще дешево отдѣлался и что ему могло бы достаться гораздо хуже; но митрополитъ Исидоръ не любилъ портить жизнь людямъ.

Вина же Гумилевскаго состояла въ томъ, что онъ «увлекся духомъ христіанина» и вообще былъ родственъ по мыслямъ архимандриту Ѳеодору Бухареву, который все хотѣлъ примирить «православіе съ современностью» и достигъ только того, что его стали называть «enfant terrible православія». Аскоченскій, какъ жрецъ, «заклалъ» его и «обонялъ вою его крови». Но архимандритъ Бухаревъ былъ умнѣе и характернѣе Гумилевскаго, и притомъ онъ былъ одинокъ въ то время, когда Аскоченскій вонзилъ ему въ грудь свой жертвенный ножъ и «бѣгалъ по стогнамъ съ окровавленной мордой». Одиночество для борца — большое удобство!

Въ Нарвѣ Гумилевскому приходилось терпѣть и отъ своихъ, и отъ чужихъ; а главное, здѣсь ему не передъ кѣмъ было говорить свои экспромпты. Русская публика въ Нарвѣ къ этому не приучена, и жаждавшій дѣятельности молодой и дѣйствительно добрый человѣкъ почувствовалъ себя лишеннымъ самаго дорогого и пріятнаго занятія и началъ-было заниматься инымъ дѣломъ, но остановился. Въ Меррекулѣ онъ встрѣтилъ знакомыхъ петербургскихъ генераловъ и задумалъ съ ними построить здѣсь «маленькую, но хорошенькую православную церковь». Въ ней добрый священникъ надѣялся опять «расширить уста своя», такъ какъ онъ могъ надѣяться, что идоложертвенный Аско-

ченскій имѣеть на кого метаться въ Петербургѣ, и, что будетъ сказано за Нарвою—онъ того не услышитъ. Можно будетъ говорить самыя смѣлыя вещи, въ родѣ того, что всѣ люди на свѣтѣ имѣють одного общаго Отца; что ни одна національность не имѣеть основанія и права унижать и обижать людей другой національности; что нельзя молиться о мирѣ, не почитая жизни въ мирѣ со всѣми народами за долгъ и обязанность передъ Богомъ и т. д., и т. д. Все это Гумилевскій любилъ развивать въ петербургскомъ рождественскомъ приходѣ и хотѣлъ пустить генеральшамъ въ Меррекулѣ, что и было бы кстати.

Выборъ мѣста для русской церкви въ Меррекулѣ былъ обдуманъ «съ русской точки зрѣнія». Церковь не хотѣли прятать, какъ Вальдъ-капеллу, а напротивъ — находили, что нужно «выдвинуть ея на видъ». И потому ее построили при большой дорогѣ, по которой ѣздятъ въ Нарву на базаръ и къ бойнямъ, гдѣ рѣжутъ животныхъ на мясо. Церковь должна всѣмъ бросаться въ глаза: черезъ это кое-что можетъ перепадать въ кружку отъ прохожихъ и проезжихъ (послѣднее, однако, не оправдалось, но, можетъ-быть, только потому, что чухны очень расчетливы и скупы). Во вѣншней отдѣлкѣ русская церковь тоже превзошла Waldkapelle. Та хотя и привлекаетъ своимъ Gemüthlichkeit'омъ, но лишена всякаго блеска и въ ней даже украсть нечего. Нашу церковь покрыли бѣлою жестью и раззолотили по кантамъ. «Золото заиграло на солнцѣ», а ночью къ алтарю храма протянулъ свою дерзкую руку воръ и унесъ кое-какія цѣнности, которыя ему попались подъ руку. Потомъ это повторилось и еще разъ, а проповѣди, въ томъ духѣ, какъ предполагалъ Гумилевскій, въ этой «маленькой, но хорошенькой» церкви не послѣдовало. Гумилевскому, который надѣялся направлять курсъ новаго корабля по-своему, не пришлось этого выполнить. Его пожалѣли и возвратили въ Петербургъ въ больничную церковь «напутствовать умирающихъ», которымъ онъ могъ говорить что угодно, а они могли узнавать о пользѣ его внушеній только въ новомъ существованіи. О проповѣди въ Меррекулѣ болѣе не заботились. Меррекульскую церковь приписали къ собору въ Нарвѣ, откуда и до сихъ поръ пріѣзжаютъ сюда священники и дьяконъ, служатъ вечерню и всенощную въ субботу, а на другой день обѣдню, и опять уѣзжаютъ въ Нарву.

Проповѣди не бываетъ, но хлопотъ все-таки много, и все это стѣдуетъ порядочныхъ денегъ для ктиторской кассы кроничной церкви. Казалось, что доходъ малъ оттого, что ко всенощнымъ мало ходятъ, потому что въ это время ходятъ гулять и слушать музыку. Позаботились, чтобы подь праздникъ на Визѣ не играла музыка; но однако это нѣмцамъ помѣшало, а церкви не помогло: гуляютъ и безъ музыки. Попробовали показать великолѣпіе и учредили крестные ходы изъ храма на Казанскую и на Спаса. Это произвело впечатлѣніе, такъ какъ такихъ религіозныхъ церемоній здѣсь еще не видали; но эстамъ не разъяснили значенія этихъ процессій, и они до сихъ поръ называютъ это тоже «гуляньемъ». Ношеніе блестящихъ на солнцѣ вещей изъ русскаго храма сдѣлало только церковь предметомъ вниманія воровъ, которые все думаютъ, что тамъ «гибель денегъ».

Явилась необходимость нанимать постояннаго сторожа на цѣлый годъ; но и при сторожѣ воры опять приходили. Чтобы спасти соблазняющее ихъ богатство, драгоценности стали увозить на зиму частью въ Нарву въ соборъ, частью къ старостѣ, что тоже рискованно и не совсѣмъ законно. Но всего болѣе изнуряетъ «доставка духовенства» къ каждой службѣ, и чтобы избѣжать этого, нашли нужнымъ построить въ Меррекулѣ *лѣтнюю поповку*.

Предпріятіе въ этомъ родѣ показываетъ, что дѣла за Нарвой шли совсѣмъ не въ томъ направленіи, какое предсказывалъ Катковъ, и впереди это будетъ доказано еще ярче.

Постройка лѣтней поповки въ Меррекулѣ представляла затрудненія: опасались, что свои собственныя власти найдутъ это, пожалуй, излишнимъ и не велятъ строить; но можно построить домъ для *школы*, такъ, чтобы она была меньше школою, чѣмъ поповкою и сторожкой. Это сдѣлали. Построили домъ, вмѣстимостью не меньше храма, покрыли его желѣзомъ; даже загородили проходившую тутъ проезжую дорожку, чтобы ни конный, ни пѣшій не мѣшали дѣлать чтò нужно, и вотъ чтò придумали: завести въ этой русской школѣ такого учителя, чтобы онъ за одну учительскую плату былъ тоже церковнымъ сторожемъ, а кстати также былъ бы лѣтомъ звонаремъ, подметалъ бы церковь

и ходить у дьякона, у бабушекъ и у старосты на посылкахъ...

Такого учителя выражали желаніе достать для русской школы въ Меррекулѣ, чѣмъ надѣялись и достигъ большой экономіи, и пристыдить чухонъ; но прежде чѣмъ успѣли въ этомъ, пришелъ въ «собраніе прихожанъ» мясникъ Волковъ и заговорилъ для всѣхъ неучтиво и неласково, будто при постройкѣ дома для меррекулской поповки исконный врагъ нашъ дьяволъ смутилъ строителя такъ, что онъ не могъ хорошо различать своего отъ церковнаго; словомъ, возглашено знакомое слово «воръ», и... пошло дѣло объ обидѣ...

Сказались мы и здѣсь опять въ своемъ видѣ и въ своихъ правилахъ.

Но это еще дѣло провинціальныхъ аборигеновъ: пріѣзжія генеральши сдѣлали для пропаганды гораздо больше.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Апоѳеозъ.

Побережный житель Финскаго залива хотя и суевѣренъ, по у него не тотъ жанръ въ суевѣрїи, какъ у настоящаго «твердо-земнаго» русскаго человѣка. Здѣшнимъ много чего не дохватываетъ. У насъ, напримѣръ, есть блаженные и юродивые, а у здѣшнихъ этого нѣтъ, и они даже считаютъ людей подходящаго къ этому сорта за плутовъ или дураковъ. Отсюда совсѣмъ разныя отношенія къ людямъ, и чтò у насъ готовы признать за святость, — за то здѣсь гонять со двора. Въ Меррекулѣ, какъ онъ просіялъ на свѣтѣ, никогда святыхъ не было; однако, дамы наши нашли здѣсь очень замѣчательнаго человѣка и дали ему славу.

Человѣка, о которомъ наступаетъ рѣчь, знали здѣсь съ самаго дня его рожденія. Теперь ему было около 66-ти или 67-ми лѣтъ. Имя его Ефимъ Дмитріевичъ, а фамиліи Волковъ. Онъ тутъ родился и здѣсь же въ Меррекулѣ умеръ по закончаніи лѣтняго сезона 1893 года. Всю свою жизнь онъ пьянствовалъ и рассказывалъ о себѣ и о другихъ разныя вздоры. За это онъ пользовался репутаціею человѣка «пустого». Мѣстные жители не ставили его ни въ гронъ и называли самыми дрянными именами.

О прошломъ его приходилось слышать слѣдующее. Лѣтъ до двадцати онъ висѣлъ на шеѣ у родныхъ и ничего не

хотѣлъ работать; его сдали въ пастухи, — онъ растерялъ или пропилъ овецъ; его представили барону, тотъ его наказалъ по праву вотчинника и оставилъ при дворѣ. Ефимъ списалъ себѣ расположеніе домоправителя, которому сумѣлъ подслужиться, и быстро овладѣлъ секретомъ незамѣтно унести и обратно вѣнать ключи отъ баронскаго погреба. Тутъ Ефимъ или, какъ его эсты называли, «Мифимъ», перепробовалъ много дорогихъ винъ. Занимался онъ этимъ комфортабельно: проводилъ цѣлыя ночи въ погребахъ, а утромъ выходилъ, дополнивъ отбитыя бутылки чѣмъ могъ. На этомъ дѣлѣ онъ и былъ взятъ на мѣстѣ преступленія и отданъ въ солдаты; но здѣсь «притворился безумнымъ», отлично «выдержалъ испытаніе на сумасшедшаго» и явился въ Нарву. Сдѣлавшись свободнымъ человѣкомъ, Мифимъ сначала является въ одномъ мѣстномъ учрежденіи въ должности «вышибайлы», но повелъ себя двусмысленно, и какой-то австралійскій «кептенъ» сокрушилъ его такъ, что онъ сталъ хворать и не могъ больше служить вышибайломъ. Тогда онъ началъ ходить по городу и нитался Христовымъ именемъ.

Съ устройствомъ православной церкви въ Меррекулѣ Мифимъ усмотрѣлъ въ этомъ поводѣ занять здѣсь «привилегію нищенства» и «переехалъ на дачу». Сначала онъ обтекалъ всю лншію: посѣщалъ дачниковъ Гунгербурга, Шмедца и Меррекуля; знакомился, располагалъ къ себѣ сердца состраданіемъ, какъ къ герою изъ-подъ Плевны. Онъ приставалъ къ кому понало, и тѣ, кто иравомъ помягче, давали ему двугривенные и гривенники, которые онъ тотчасъ же неукоснительно пропивалъ. Гардеробъ его всегда былъ самый нищенскій: онъ всегда былъ полу-босъ, безъ бѣлья и одѣтъ въ лохмотья. Репутаціей скромнаго нищаго онъ не дорожилъ, а предоставлялъ это другому русскому специалисту, Сергеѣ. Мифимъ, напротивъ, бравировалъ своимъ дерзновеніемъ и любилъ держать себя «примѣнительно къ человѣку». Молодымъ людямъ онъ предлагалъ услуги, пригодныя для образованія мимолетныхъ знакомствъ; другимъ переносилъ вѣсти, а третьимъ ворожилъ и «предсказывалъ будущность». Кромѣ того, Мифимъ лѣчилъ отъ порчи скотъ; но скоро прошелъ слухъ, что, прежде чѣмъ вылѣчить животное, онъ самъ будто его портитъ. По этому поводу съ Мифимомъ въ дѣсу случилась неприятность,

отъ которой онъ хромалъ и переселился въ Шмецкъ. Здѣсь онъ нанялъ за шесть рублей въ лѣто развалившуюся баню у кузнеца Карла Шмецкѣ и жилъ тамъ тихо и «на спокойнѣйшій каплѣль»... Но едва Богъ помогъ ему поправиться, онъ сейчасъ же опять дѣлается полезнымъ чловѣкомъ и начинаетъ указывать крестьянамъ, гдѣ они должны отыскивать уходящихъ съ пастбища коней. Лошадь уйдетъ и ее не могутъ найти, а Мифимъ погадаетъ и говоритъ:

— Я ее вижу: она вотъ гдѣ!

Поведетъ хозяевъ черезъ лѣсъ въ болото и покажетъ, что ихъ пропащая животное въ самомъ дѣлѣ «сидитъ» въ топи и дожидается, чтобы ее выгнали.

Скотину выгнать, а Мифимкѣ дадутъ за колдовство. Заработка отъ этихъ статей было бы достаточно; но крестьяне стали подозрѣвать, что Мифимъ не честно живетъ,—что онъ сначала самъ загопнетъ скотину въ болото, а потомъ приходитъ и отгадываетъ. И вотъ ему не только не стали давать обѣщанныхъ за розыскъ денегъ, а погрозили его прибить. Четыре года тому назадъ, когда Мифимъ жилъ въ Шмецкѣ у кузнеца Карла Ивановича, подозрѣнія противъ него ожесточились. У кузнеца была вувермановская (бѣлая) лошадь съ удивительно густымъ, пушистымъ хвостомъ. Звали ее «Талька». Лошадка была сытая, статная и удалой ухватки. Она ходила утромъ, по росѣ, въ кустахъ близъ дома, вмѣстѣ съ другою лошадкою, съ которою была очень дружна, и вдругъ, когда ободняло и люди встали, — рыжая лошадка ходила въ кустахъ, а вувермановской «Тальки» не было.

Увести ее не могли, — это было бы слишкомъ дерзко; убѣжать она одна не могла, такъ какъ обѣ лошади были дружны... Всего вѣроятнѣе казалось, что «Тальку» кто-нибудь уналъ.

Но куда? И гдѣ ее теперь держать?

Мифимъ взялся угадать, гдѣ лошадь, и потребовалъ за это три рубля; но ему денегъ не дали, а отпировались въ лѣсную глушь, въ которой на-дняхъ кто-то встрѣчалъ Мифима,—и «Талька» была здѣсь отыскана, затопленная въ болото по самую шею... Животное совсѣмъ уже выбилось изъ силъ: голова лошади вся была обгнана комарами и глаза залипли отъ укусовъ; однако бѣдная «Талька» еще дышала и, услышавъ знакомые голоса людей, отвѣчала ржа-

ніемъ. Наложили доски и лошадь вытащили, а Мифимъ увидалъ, что это ему чѣмъ-то грозить, и сдѣлалъ диверсію: онъ съѣхалъ отъ кузнеца и повернулъ все свое направленіе на другую стать.

До сихъ поръ онъ держался «военной линіи» и рассказывалъ о себѣ по секрету, что онъ черезъ какое-то особенное дѣло сталъ въ родѣ французской «Желѣзной маски» или византійскаго «Вылѣзарія», а послѣ исторіи съ «Талькой» онъ началъ набожно вздыхать, креститься и полупотомъ спрашивать: «Позвольте узнать, чѣмъ нынче въ газетахъ стоитъ про отца Іоанна и гдѣ посѣщаетъ теперь протосвятитель арміи—Флотовъ?»

Особенно ему всегда нужно было знать: «гдѣ протосвятитель Флотовъ?» Но цѣль своей надобности онъ скрывалъ.

— Такъ, лужень онъ мнѣ вотъ-вотъ всего на одну на минуточку, чтобы онъ на меня взглянулъ и я могъ ему произнести всего одно слово, и тогда увидали бы, что я не Ефимъ, а можетъ-быть,—*Эфиръ*.

Моя знакомая генеральша подала поводъ къ тому, что Мифимъ получилъ возможность причислить себя къ «церковному штату».

Когда за генеральшею въ церковь прошла ея собака, и потомъ такой случай еще разъ повторился, Мифимка предложилъ старостѣ свои услуги, чтобы ему стоять у дверей и «не пускать собакъ господъ», а староста за это чтобы платилъ полтинникъ въ мѣсяцъ.

Предложеніе было принято, и Мифимъ пришелъ съ хвостинною и прежде всего прогналъ отъ храма трехъ нищихъ старухъ и сталъ у дверей. Такимъ образомъ онъ захватилъ себѣ «привилегію нищенства».

Съ этихъ поръ онъ началъ считать себя «членомъ штата» и сталъ оказывать приходу большія услуги.

Здѣсь водится такой обычай, что передъ тѣмъ, какъ духовенство хочетъ идти со святыней, по дачамъ посылаютъ «брандера», чтобы не получать отказовъ, а заблаговременно узнать: кто приметъ, а кто не приметъ?

Мифимъ «пошелъ брандеромъ» и, идучи путемъ-дорогою, достигъ къ моей генеральшѣ, и здѣсь его такъ развезло, что онъ открылся ей, будто онъ православный священникъ,

который находится подъ ужаснымъ несчастьемъ за то, что не своею волею повѣнчалъ совсѣмъ особенную свадьбу.

Генеральна какъ услышала объ этой свадьбѣ, такъ и ахнула. То, о чемъ она узнала, еще никому не было извѣстно.

Генеральна задыхалась отъ смѣшанныхъ чувствъ, которыя подняло въ ней это открытіе. И страхъ, и радость, и любопытство... все вмѣстѣ ее совсѣмъ одурманило; и чтобы что-нибудь сдѣлать, она бросилась къ Мифимкѣ съ раскрытыми пригоринями и завонила:

— Батюшка, благословите!

Мифимъ сумѣлъ ее благословить, а она поцѣловала его руку.

Чтобы не оставаться одинокою при такомъ открытіи, одна генеральна сообщила свой секретъ другой, и дамы узнали, что Мифимъ есть самый удивительный «въичальпый батюшка». Такой человѣкъ долженъ имѣть даръ помогать. А брачныхъ надобностей такъ много.

У второй генеральши три взрослые дочери, и ни одна изъ нихъ не выходитъ замужъ, потому что всѣ мужчины «подлецы» и «не женятся».

Вторая генеральна нашла, что Мифимово благословеніе можетъ быть имъ полезно; но Мифимъ обнаружилъ осторожность и не захотѣлъ благословлять дѣвицъ въ домѣ, при прислугѣ, а велѣлъ вывести ихъ въ лѣсъ, къ сѣннымъ стогамъ, и у стоговъ благословилъ ихъ и далъ облобызать свои руки.

И что же? Въ слѣдующую же зиму одна изъ этихъ генеральскихъ дочерей неожиданно вышла замужъ! Число охотницъ цѣловать Мифимкину руку послѣ этого умножилось; къ нему выводили дѣвицъ, и онъ ихъ благословлялъ.

Но вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ благословенія въ лѣсу изъ-за стоговъ подглядѣли чухны и не поняли, что это такое дамы дѣлаютъ съ Мифимкой, и начали разсказывать:

— Тамъ-то на него рестятся и ку ему риклятаются, а онъ таитъ та на нихъ мѣется *).

Поблагословивъ дамъ прошлаго сезона, Мифимъ въ по-

*) «Дамы па него крестятся и къ нему прикладываються, а онъ стоить да на нихъ смѣется».

слѣднихъ числахъ августа 1893 года пошелъ въ винный погребъ негоціанта Звонкова и, испивъ «до воли», закрихѣлъ и переселился въ вѣчность...

Одному лицу, которое съ любопытствомъ наблюдало духовную практику Мифимки, казалось, будто онъ не только благословляетъ дамъ и ихъ дочерей, которымъ «Богъ долго судьбы не даетъ», но что онъ будто бы тоже исповѣдывалъ ихъ у стоговъ и въ бортищахъ; но самъ Мифимъ энергически опровергалъ это, и я вѣрю его отрицательству. Онъ былъ человѣкъ смѣлый и даже дерзкій, но осторожный и расчетливый: называться таинственнымъ священникомъ «время Лориса» и благословлять—это онъ могъ, и я утвердительно могу говорить, что это онъ дѣлалъ и считалъ это за неважное, потому что «не заѣдалъ чужого хлѣба»; но исповѣдь совсѣмъ иная статья: это могло повредить Мифиму. Словомъ, хотя объ этомъ говорили, но я увѣренъ, что это неправда. Но, кажется, нѣтъ никакого сомнѣнія, что Мифимъ оказывалъ дамамъ другія услуги, благоприятныя для ихъ видовъ.

Мнѣ припоминается еще одна генеральша, большая, дебелая, тоже южной породы, съ безгранично-любящимъ материнскимъ сердцемъ и съ неукротимымъ воображеніемъ. У нея «блекла дочь», и мать виноватила въ этомъ ея мужа, еще довольно молодого и, кажется, очень порядочнаго человѣка.

— Вообразите,—говорила она:—всего четыре года какъ онъ женатъ на моей дочери, а уже манкируетъ женѣ.

Я ей отвѣтилъ, что это, кажется, иногда и лучше.

Генеральша отвергла.

— Ну, нѣтъ, извините! — воскликнула она. — Если вы это, можетъ-быть, по Толстому, то это такъ; но онъ напрасно расписывается за всѣхъ женщинъ. Можетъ-быть, такія и есть, какъ онъ высказываетъ, но для этого ихъ надо было особеннымъ образомъ изуродовать съ дѣтства. А моя дочь, какъ вы видите, это живая и полная жизни женщина, а не толстовка. О, она не толстовка! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ — не толстовка! Ею манкировать нельзя, потому что она блекнетъ. Вы видите какая она!.. Она и сама не понимаетъ, что съ нею дѣлается, но она была пѣтокъ!.. Я это и понимаю, но что же я могу сдѣлать? Ничего! Мужъ къ ней невнимателенъ и баста! И цѣлая вещь! Такихъ

негодяевъ теперь довольно много. Теперь, говорятъ, даже въ природѣ что-то такое распространяется къ тому, чтобы ничего не надо, и явилась такая порода мужчины, въ блузочкахъ, и ножками стучать и сонячь... Тогда и видно; но вѣдь человѣка, который одѣтъ какъ всѣ, нельзя раньше знать! Не правда ли?

— Да.

— А какіе-то ученые утверждаютъ, что еще хуже будетъ дѣтей. Переутомленіе. Вотъ ужасъ! Понимаете? Цѣлую недѣлю онъ остается въ Петербургѣ, а мы здѣсь, и онъ ничего не испытываетъ, а въ субботу ѣдетъ сюда и везетъ, болвавъ, съ собою въ карманѣ новую книжку... Какое остоленство! Такіе не должны жениться. Одна моя знакомая, которая была за учеными мужьями, и всѣ они были дрянъ, а теперь она вышла за казака, и говоритъ: «Повѣрьте, что настоящіе мужья—это только казаки! Пусть всѣ это знаютъ!» Я и вѣрю, потому что казакъ—это дичокъ, онъ еще не подвергался въ школѣ переутомленію и онъ всегда просто ѣсть; у него желудокъ все варить, даже, прости Господи, хоть салную свѣчку, и опъ верхомъ, въ движеніи,—и ему хочется жить, и вотъ онъ цѣнитъ присутствіе женщины... А эти еще по своей развращенности отъ служебныхъ дѣлъ ѣдутъ въ шато-кабаки и пялятъ глаза на испанокъ и цыганокъ... Но тогда зачѣмъ жена?

Генеральша ударила себя обѣими ладонями по выступамъ своего корсета и повторила:

— Забываютъ-съ, что молодая жена *хочетъ жить!* Понимаете: она *имѣетъ* право! Да; что вамъ Толстой ни говори, а она имѣетъ это право. И потому, когда мой зять вынимаетъ изъ своего кармана волюмъ Zola или Bourget, я дѣлаю надъ собою огромное усиліе, чтобы не закатить ему плюху. Дуракъ и подлець! При цыганкахъ, небось, не читаетъ, а при женѣ читать!.. Свинья! Это только для того, чтобы не оставаться съ глазу-на-глазъ съ совѣстью. А отъ этого блѣдность, отъ этого вялость и малокровіе, и суженъ, совсѣмъ уничтоженъ весь интересъ къ жизни... Это надо кончить! Зачѣмъ на блѣдныхъ женщинъ кричать *adultère*? Этого слова до Толстого не произносили! Если нельзя развода, то нуженъ *revanche*.

— Берегитесь, это можетъ услышать ваша дочь.

— И я желаю... Я ей это и говорю... Но она глуха... Или она, можетъ-быть, меня стѣсняется... Или она не понимаетъ... не говорить!.. О, если бы эту мысль ей вложили чловѣкъ... который могъ бы ее успокоить, что это не важно... не важно... Потому что это не важно!..

И вотъ тутъ, можетъ-быть, Мифимъ кому-нибудь и помочь... Онъ былъ не строгъ и могъ все *разрѣшить*.

По крайней мѣрѣ, одной дамѣ, которая имѣла къ нему вѣру и «блекла отъ невниманія», Мифимъ сообщилъ рѣшимость, воспоминаніе о которой вызывало розы на ея ланиты; а ея мама любовалась ею и шептала ей Деруле-дово слово:

— «Nitchevo!»

Генеральши про Мифима, вѣроятно, скоро забудутъ и найдутъ себѣ иного тамватурга; но чухны, которые хорошо знали, что за чловѣкъ былъ ихъ меррекульскій Мифимъ, «міются».

ПО ПОВОДУ КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЫ.

ПОСМЕРТНЫЙ ОЧЕРКЪ.

«Велкая дѣвушка нравственно выше мужчины, потому что несравненно его чище. Дѣвушка, выходи замужъ, всегда выше своего мужа. Она выше его и дѣвушкой, и становясь женщиной въ нашемъ быту».

Л. Толстой.

I.

Хоронили Оедора Михайловича Достоевскаго. День былъ суровый и пасмурный. Я въ этотъ день былъ нездоровъ и съ большимъ надъ собою усилиемъ проводилъ гробъ до воротъ Невскаго монастыря. Въ воротахъ пронзнула большая давка. Въ тѣснотѣ раздались стоны и крики. Драматургъ Аверкіевъ показался на возвышеніи надъ толпою и что-то кричалъ. Голосъ у него былъ громкій, но разобрать словъ было невозможно. Одинъ говорили, что онъ учреждаетъ порядокъ, и хвалили его за это, а другіе на него сердились. Я остался въ числѣ тѣхъ, которыхъ не пропустили въ ограду, и, не видя цѣли оставаться здѣсь долѣе, возвратился домой, выпилъ теплаго чаю и уснулъ. Отъ холода и разнородныхъ впечатлѣній я чувствовалъ себя очень уставшимъ и спалъ такъ крѣпко и долго, что не всталъ къ обѣду. Обѣда мнѣ въ этотъ день такъ и не пришлось ѣсть, потому что къ суммѣ разнородныхъ впечатлѣній неожиданно прибавилось еще одно новое, весьма меня взволновавшее.

Въ густыя сумерки меня разбудила моя дѣвушка, сказавъ мнѣ, что ко мнѣ пришла какая-то незнакомая дама и не хочетъ уходить, а настойчиво просить, чтобы я ее принялъ. Дамскія посѣщенія къ нашему брату, пожилому писателю, вѣдь довольно обыкновенная. Не мало дѣвицъ и дамъ ходитъ къ намъ просить совѣтовъ для ихъ литературныхъ опытовъ, или ищутъ у насъ какого-нибудь содѣйствія въ устройствѣ ихъ дѣлъ съ незнакомыми редакціями. Поэтому приходъ дамы и даже ея настойчивость меня нисколько не удивили. Когда горе велико, а нужда неотступчива — не мудрено сдѣлаться и настойчивымъ.

Я сказалъ дѣвушкѣ, чтобы она попросила даму въ кабинетъ, и самъ сталъ приводить себя въ порядокъ. Когда я вошелъ въ свой кабинетъ, на большомъ столѣ была зажжена моя рабочая лампа. Она сильно освѣщала столъ, но комната оставалась въ полумракѣ. Незнакомая дама, сдѣлавшая мнѣ на этотъ разъ визитъ, была мнѣ, дѣйствительно, незнакома.

Когда я отыскалъ ее глазами и хотѣлъ ее просить сѣсть въ кресло, мнѣ показалось, что она какъ будто избѣгаетъ освѣщенныхъ мѣстъ комнаты и старается держаться въ тѣни. Это меня удивило. Особы, мало застѣнчивыя, неопытныя, иногда церемонятся и стѣсняются такимъ же образомъ, но удивительнѣе всего мнѣ показалось ажитированное состояніе этой дамы, которое мнѣ какъ-то чувствовалось и сообщалось. Она была одѣта прекрасно, скромно, на ней было все дорогое и изящное: прекрасное плюшевое пальто, которое она не сняла въ прихожей и въ которомъ оставалась все время, пока говорила со мной; черная изящная пляпочка, очевидно, парижской модели, а не русскаго производства, и черная вуалетка, сложенная вдвое и завязанная назадъ такъ, что я могъ видѣть только бѣлый, круглый подбородокъ и иногда сверканіе глазъ сквозь двойную сѣтку вуали. Въмѣсто того, чтобы назвать себя и сказать цѣль своего прихода, она начала съ того, что сказала мнѣ:

— Могу ли я рассчитывать на то, что вамъ ибѣтъ никакого дѣла до моего имени?

Я отвѣчалъ ей, что она на это вполне можетъ рассчитывать. Тогда она попросила меня сѣсть въ кресло передъ

лампой, безцеремонно подвинула зеленый тафтяной кружокъ на абажуръ лампы такъ, что весь свѣтъ падалъ на меня и затемнялъ ей лицо, и сама сѣла по другой бокъ стола и снова спросила:

— Вы одинокій?

Я отвѣчалъ ей, что она не ошибается: я—одинокій.

— Могу ли я говорить съ вами совершенно откровенно?

Я отвѣчалъ ей, что если она питаетъ ко мнѣ довѣріе, то я не вижу, чтѣ мѣшаетъ говорить такъ, какъ ей угодно.

— Мы здѣсь одни?

— Совершенно одни.

Дама встала и сдѣлала два шага по направленію къ другой комнатѣ, гдѣ помѣщалась моя бібліотека, и за нею—спальня. Въ бібліотекѣ въ это время горѣлъ матовый фонарь, при которомъ можно было видѣть всю комнату. Я не тронулся съ мѣста, но сказалъ для успокоенія дамы, что она видитъ, что у меня нѣтъ никого, кромѣ прислуги и маленькой сиротки, которая не можетъ играть никакой роли въ ея соображеніяхъ. Тогда она сѣла снова на свое мѣсто, снова подвинула зеленый кружокъ и сказала:

— Вы меня извините, я въ большемъ возбужденіи... и мое поведеніе можетъ показаться страннымъ, но имѣйте ко мнѣ состраданіе!

Рука ея, которая протягивалась опять къ тафтяному кружку на лампѣ, была обтянута въ черную лайковую перчатку и сильно дрожала. Въмѣсто отвѣта я предложилъ ей выпить воды. Она меня удержала и сказала:

— Это не нужно, я не такъ нервна, я пришла къ вамъ потому, что эти похороны... эти цѣни... этотъ человѣкъ, который производилъ на меня такое необыкновенно сильное, ломающее впечатлѣніе, это лицо и воспоминаніе обо всемъ, чтѣ мнѣ приходилось два раза въ жизни рассказывать, перенутило всѣ мои мысли. Вы не должны удивляться тому, что я пришла къ вамъ. Я расскажу вамъ, почему я это сдѣлала, — это ничего, что мы съ вами не знакомы: я васъ читала много и многое мнѣ было такъ симпатично, такъ близко, что теперь я не могу отказать себѣ въ потребности, чтобъ говорить съ вами. Можетъ-быть, то, чтѣ я задумала сдѣлать, есть величайшая глупость. Я хочу

прежде спросить васъ объ этомъ, и вы должны отвѣчать искренно. Что вы мнѣ посовѣтуете, я и сдѣлаю.

Ея контральтовый голосъ дрожалъ, и руки, которымъ она не находила мѣста, трепетали.

II.

Посѣщенія и приступы въ такомъ родѣ въ теченіе моей литературной жизни бывали хоть не часто, но бывали.

Болѣе свойственны они были людямъ съ политическимъ темпераментомъ, которыхъ успокоивать довольно трудно, а помогать вдвойнѣ рискованно и неприятно, тѣмъ болѣе, что въ этихъ случаяхъ всегда почти не знаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло. На этотъ разъ мнѣ прежде всего пришло въ голову, что эта дама также обуреваема политическими страстями, что у нея есть какой-нибудь замыселъ, который по несчастію пришло въ голову мнѣ доискрывать; вступленіе ея бесѣды имѣло много похожего на это, и потому я неохотно сказалъ ей:

— Не знаю, о чемъ вы будете говорить. Я ничего не смѣю обѣщать вамъ, но загѣмъ, если личные чувства ваши привели васъ ко мнѣ по довѣрью, которое внушаетъ вамъ моя жизнь и репутація, то я ни въ какомъ случаѣ не нарушу того, что вы хотите мнѣ передать, очевидно, какъ тайну.

— Да, — сказала она: — какъ тайну, какъ совершенную тайну, и я увѣрена, что вы ее сохраните. Мнѣ нѣтъ нужды повторять вамъ, почему ее надо сохранить; я знаю, что вы чувствуете, я не могу такъ ошибаться: лицо ваше мнѣ говоритъ лучше всякихъ словъ, и при этомъ для меня нѣтъ выбора. Повторяю вамъ, я готова сдѣлать поступокъ, который одну минуту представляется мнѣ честнымъ, и сейчасъ же представляется мнѣ грубостью: выборъ долженъ быть сдѣланъ сейчасъ, сію минуту, и это зависитъ отъ васъ.

Я не сомнѣвался, что вслѣдъ за этимъ послѣдуетъ откровеніе политическаго характера, и неохотно сказалъ:

— Я васъ слушаю.

Несмотря на двойную вуаль, я чувствовалъ на себѣ пристальный взглядъ моей гостьи, которая глядѣла на меня въ упоръ и твердо проговорила:

— Я невѣрная жена! Я измѣняю моему мужу.

Къ стыду моему долженъ сказать, что съ сердца моего

при этомъ открытіи спала великая тяжесть; о политикѣ, очевидно, не было и помину.

— Я измѣняю прекрасному, доброму мужу; это продолжается шесть... больше!..—я должна сказать правду, иначе не стѣитъ говорить: — это продолжается восемь лѣтъ... и продолжается... или нѣтъ, это началось съ третьяго мѣсяца брака; позорнѣе этого нѣтъ ничего на свѣтѣ. Я не стара, но у меня дѣти, вы понимаете?

Я качнула утвердительно головой.

— Вы понимаете, что это значить. Два раза въ жизни, какъ къ вамъ, я приходила къ тому... кого мы хоронили и чья смерть меня всю перебронила, призналась ему въ своихъ чувствахъ; онъ былъ разъ со мной грубъ, другой—нѣженъ, какъ другъ. Какъ это... не похоже на то состояніе, въ которомъ я къ нему приходила, и наконецъ я хочу, чтобы вы мнѣ дали тотъ совѣтъ, который мнѣ нуженъ. Хуже всего въ жизни обманъ, я это чувствую, мнѣ кажется, лучше открыть свою гадость, перенести наказаніе и быть униженной, разбитой, выброшенной на мостовую,—я не знаю, что можетъ со мной случиться... я чувствую непреодолимую потребность придти и все рассказать моему мужу; я чувствую эту потребность шесть лѣтъ. Между началомъ моего преступленія прошло два года, въ которые я не видала... того; затѣмъ это началось снова и идетъ непрекнему... шесть лѣтъ я собиралась сказать и не сказала, а теперь, когда я шла за гробомъ Достоевскаго, мнѣ захотѣлось кончить это, кончить сегодня такъ, какъ вы мнѣ посоветуете.

Я молчала, потому что ничего не понимала въ этой исторіи и не могъ дать рѣшительно никакого совѣта; она это уловила на моемъ лицѣ.

— Вы, конечно, должны знать болѣе, я пришла не затѣмъ, чтобы играть въ загадки, — а говорить, такъ говорить все. Дѣло въ томъ, что я безстыдно лгала бы, если бы стала себя оправдывать. Я не знала никогда никакой нужды, я родилась въ достаткѣ и живу въ достаткѣ. Природа не отказала мнѣ въ долѣ разсудка, мнѣ дали хорошее образованіе, я была свободна дѣлать свой супружескій выборъ, слѣдовательно говорить не о чемъ; я вышла замужъ за человѣка, который ничѣмъ не испортилъ своей репутаціи до этой минуты, напротивъ... Мое положеніе

было прекрасно, когда этот человек... то-есть я хочу вамъ сказать: мой мужъ, мой законный мужъ... сдѣлать мнѣ предложеніе. Мнѣ казалось, что онъ мнѣ нравится, я думала, что могу его любить, но во всякомъ случаѣ не думала, что я могу ему измѣнить, тѣмъ болѣе измѣнить самымъ подлымъ, самымъ гнуснымъ образомъ и пользоваться репутаціей честной женщины и хорошей матери, такъ какъ я не честная и должно быть гадкая мать, а измѣну принесъ мнѣ самъ дьяволъ, — если хотите, я вѣрю въ дьявола... Въ жизни очень много зависитъ отъ обстоятельствъ; говорятъ — въ городахъ грязь, въ деревняхъ чистота; въ деревнѣ именно и случилось, потому что я была одна съ глазу на глазъ съ этимъ человекомъ, съ этимъ проклятымъ человекомъ, котораго привезъ и оставилъ на моемъ посыланіи самъ мужъ мой. Я должна бы каяться, если не бесполезно раскаяніе, я должна бы каяться бесконечно за этотъ поступокъ, которымъ обязана моему мужу, но дѣло въ томъ, что я не помню этого момента, я помню только грозу, страшную грозу, которой я всегда боялась съ дѣтства. Я тогда его не любила, мнѣ просто было страшно, и когда насъ озаряла молнія въ огромной залѣ, я съ испугу взяла его руку... и я снова не помню, потомъ это продолжалось... потомъ онъ ходилъ въ кругосвѣтное плаваніе, вернулся, и это опять началось: теперь я хочу, чтобы это кончилось и на этотъ разъ навсегда. Я этого хотѣла не одинъ разъ, но на это мнѣ никогда не доставало воли, чтобы это выдержать. Рѣшеніе, которое я принимала, совершенно улетучивалось черезъ часъ при его появленіи, и что хуже всего—я ничего не хочу скрывать,—не онъ, а я сама была причиной, я сама, понимаю, я сама высказывала и достигала, и злилась, если достигъ этого мнѣ было трудно,—и если я буду продолжать такъ дальше, то обманъ, мое униженіе никогда не кончатся...

— Что же вы хотите сдѣлать?—спросилъ я.

— Я хочу все открыть моему мужу и хочу непременно сдѣлать это сегодня, вотъ какъ выйду отъ васъ и приду домой...

Я спросилъ, каковъ ей мужъ, и что представляетъ собою его характеръ.

— Мой мужъ,—отвѣчала дама:—пользуется лучшей репутаціей, у него хорошее мѣсто и достаточно средствъ; всѣ считаютъ его честнымъ и благороднымъ человекомъ.

— Вы это мнѣнїе раздѣляете?—спросилъ я.

— Не совсѣмъ, ему слишкомъ много приписываютъ; онъ слишкомъ даровитъ и поридоченъ, въ немъ мало того, что принято называть сердцемъ, какъ ни глушо это названїе, напоминающее такъ-называемую душу музыки, но я другого не могу сказать; его сердечныя движенїя всѣ правильны, опредѣленны, точны и не разнообразны.

— А тотъ, кого вы любите...

— Что вы хотите о немъ сказать?

— Онъ вамъ внушаетъ уваженїе?

— О!—воскликнула дама и махнула рукой.

— Я не совсѣмъ понимаю, что долженъ думать по этому движенїю?

— Вы должны думать, что это самый безсердечный и дрянной эгоистъ, который никому не внушаетъ и даже не заботится внушать какое бы то ни было уваженїе.

— Вы его любите?

Она сдвинула плечами и сказала:

— Люблю. Это, знаете, странное слово, которое у каждаго на губахъ, но очень не многіе его понимаютъ. Любить все равно, что быть предназначенной къ поэзіи, къ праведности. На это чувство способны очень немногіе. Крестьянки наши вмѣсто слова любить употребляютъ слово жалѣть; онѣ не говорятъ: онъ меня любитъ; онѣ говорятъ: онъ меня жалѣетъ. Это по-моему гораздо лучше и тутъ больше простого опредѣленїя; слово любить-жалѣть, значить: любить въ обыденномъ смыслѣ. А то есть желать; говорить: мой желанный, мой милый желанный... понимаете,—желать...

Она остановилась, тяжело дыша; я ей подаль стаканъ воды, который она приняла на этотъ разъ изъ моихъ рукъ, не устранилась, и, кажется, была очень благодарна, что я не всматривался въ нее.

Мы оба молчали; я не зналъ, что говорить, и у нея изсякъ весь потокъ откровенности. Очевидно, она высказала все, что было крупнаго, и далѣе мелькали уже детали. Она точно угадала мою мысль и сказала тихимъ голосомъ:

— Такъ вотъ, если вы скажете мнѣ, что я должна сказать это мужу, — я такъ и сдѣлаю; но, можетъ-быть, вы можете сказать мнѣ что-нибудь другое? Кромѣ того, что

мнѣ внушаетъ симпатію и довѣріе къ вамъ, въ васъ есть практицизмъ, я ваша внимательная читательница; мы, женщины, чувствуемъ то, чего не чувствуютъ присяжные критики. Вы можете, если хотите, сказать ваше искреннее снова: должна или нѣтъ я придти и открыть мой позорный и долговременный грѣхъ моему мужу.

III.

Несмотря на занимательность исторіи, я чувствовала тяжелое свое положеніе. Хотя такой отвѣтъ, какой требовала моя гостья, дать гораздо легче, чѣмъ успокоить политическаго дѣятеля или оказать ему требуемую имъ услугу, но тѣмъ не менѣе совѣсть моя чувствовала себя призванной къ очень серьезному дѣлу. Я достаточно жила и достаточно видѣла женщинъ, искусно скрывавшихъ свои грѣхи въ этомъ же родѣ или не скрывавшихъ, но не сознававшихся въ нихъ. Я видала также двухъ-трехъ откровенныхъ женщинъ и помнила, что онѣ мнѣ всегда казались не столько искренними, сколько жестокими и аффектированными. Мнѣ всегда казалось, что всей этой откровенности женщина могла бы повременить и прежде чѣмъ объявить о своемъ преступленіи тому, кого это можетъ заставить сильно страдать, хорошенько пораздумать. Мнѣ никогда не было дѣла до того, какъ относится къ чьей бы то ни было внутренней жизни свѣтъ. Не свѣтъ, а лично человѣкъ, — вотъ кто дорогъ мнѣ, и если можно не вызывать страданіе, зачѣмъ вызывать его; если женщина такой же совершенно человѣкъ, какъ мужчина, такой же равноправный членъ общества и ей доступны всѣ тѣ же самыя ощущенія, то человѣческое чувство, которое доступно мужчинѣ, какъ это даетъ понять Христосъ, какъ это говорили лучшіе люди нашего вѣка, какъ теперь говоритъ Левъ Толстой и въ чемъ я чувствую неопровержимую истину, — то почему мужчина, нарушившій завѣтъ цѣломудрія передъ женщиной, которой онъ обязанъ вѣрностью, молчать, молчать объ этомъ, чувствуя свой проступокъ, иногда успѣваетъ загладить недостойнство своихъ увлеченій, то почему же это самое не можетъ сдѣлать женщина? Я увѣренъ, что она это можетъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что число мужчинъ, измѣняющихъ женщинамъ, превышаетъ число женщинъ, и женщины это знаютъ; нѣтъ ни одной или по-

чти ни одной разсудительной женщины, которая послѣ болѣе или менѣе долгой разлуки съ мужемъ или ребенкомъ, питала бы увѣренность, что во все время этой разлуки мужъ остался ей вѣренъ. Но тѣмъ не менѣе по возвращеніи его она ему прощаетъ столь великодушно, что прощенье ея выражается въ томъ, что она его объ этомъ даже не спрашиваетъ, и откровенность эта была бы для нея не одолженіемъ, а горемъ; это былъ бы поступокъ, который обнаружилъ то, чего она не хочетъ знать. Въ этомъ невѣдѣніи она находитъ силу продолжать свои отношенія, какъ будто они были прерваны печально. Я сознаю, что въ мои соображенія входитъ гораздо больше практицизма, чѣмъ отвлеченной философіи и возвышенной морали, но тѣмъ не менѣе я склоненъ такъ думать, какъ думаю.

Въ этомъ направленіи я продолжалъ бесѣду съ моею гостью и спросилъ ее:

— Дурныя свойства человѣка, котораго вы любите, внушаютъ къ нему какъ-нибудь неуваженіе?

— Очень сильное и очень постоянное.

— Но вы стараетесь иногда его оправдывать.

— Къ сожалѣнію, это невозможно: для него нѣтъ никакихъ оправданій.

— Тогда я позволю себѣ спросить: что же ваше негодованіе къ нему, пребываетъ ли оно постоянно въ одномъ положеніи, или оно иногда ослабѣваетъ, иногда усиливается?

— Оно постоянно усиливается.

— Теперь я спрошу васъ, — вы вѣдь позволите мнѣ спрашивать?

— Пожалуйста.

— Въ эту минуту, когда вы сидите у меня, гдѣ вашъ супругъ?

— Дома.

— Что онъ дѣлаетъ?

— Спитъ въ своемъ кабинетѣ.

— И затѣмъ, когда онъ встанетъ?

— Онъ встанетъ въ 8 часовъ.

— И что онъ будетъ дѣлать?

Гостыя улыбнулась.

— Онъ умоется, онъ надѣнетъ шиджакъ, пройдетъ къ

дѣтямъ и будетъ играть полчаса на биксѣ, потомъ подадутъ самоваръ, изъ котораго я налью ему стаканъ чаю.

— Вотъ,—сказалъ я:—стаканъ чаю, самоваръ и домашняя лампа, это прекрасныя вещи, около которыхъ мы группируемся.

— Прекрасно сказано.

— И это проходить болѣе или менѣе—приятно?

— Да, для него, я думаю.

— Извините меня, въ этомъ дѣлѣ, которое вамъ угодно было раскрыть мнѣ, онъ одинъ имѣеть право, чтобы о немъ подумать — не дѣти, которыя могутъ и должны даже этого никогда не знать, и ужъ конечно не вы... Да, не вы, потому что вы нанесли ему страданіе, между тѣмъ онъ — лицо пострадавшее. Поэтому, объ немъ надо подумать, чтобы онъ не страдалъ, и представьте себѣ, вмѣсто того, чтобы онъ, по обыкновенію, отпивъ чай, и можетъ-быть, съ уваженіемъ поцѣловавъ вашу руку...

— Ну-съ?

— И потомъ, когда онъ пойдетъ заняться дѣлами... потомъ поужинаетъ и спокойно пожелаетъ вамъ доброй ночи, — вмѣсто всего этого, онъ услышитъ ваше открытіе, изъ котораго узнаетъ, что вся его жизнь съ перваго мѣсяца, или даже съ перваго дня супружества поставлена въ такую безсмысленную рамку. Скажите мнѣ, добро или зло вы ему этимъ сдѣлаете?

— Не знаю; если бы я это знала, если бы я могла это рѣшить, то я не была бы здѣсь и не разговаривала объ этомъ. Я у васъ спрашиваю совѣта, какъ мнѣ поступить?

— Совѣта я вамъ дать не могу, но я могу сказать мнѣніе, которое во мнѣ складывается. Однако, для того, чтобы оно имѣло въ моихъ глазахъ опредѣленную форму, я еще позволю себѣ предложить вамъ одинъ вопросъ... Чувства никогда не пребываютъ въ человѣкѣ въ одномъ и томъ же положеніи... Ваше нерасположеніе къ тому ослабѣваетъ?..

— Нѣтъ, оно обостряется!

Она воскликнула это съ болью въ сердцѣ и даже какъ будто привстала и хотѣла отстраниться отъ чего-то, что я видѣлъ въ моемъ воображеніи. Несмотря на то, что мнѣ не видно было ея лица, я чувствовалъ, что она ужасно

страдаетъ, и страданіе это дозрѣло до такой степени, что не могло оставаться дольше безъ развязки.

— Слѣдовательно, — сказалъ я: — вы осуждаете его все строже и строже...

— Да, чаще и чаще...

— Прекрасно, — сказалъ я: — теперь я позволю себѣ сказать вамъ, что я считалъ бы благоразумнымъ, чтобы вы, возвратившись домой, сѣли къ вашему самовару такъ, какъ вы сѣли къ нему прежде.

Она слушала молча; глаза ея были устремлены на меня, и я видѣлъ ихъ сверканіе сквозь вуалетку, слышалъ, какъ громко и учащенно билось ея сердце.

— Вы мнѣ совѣтуете продолжать мою скрытность?

— Не совѣтую, но думаю, что такъ будетъ лучше для васъ, для него и для вашихъ дѣтей, которыя, во всякомъ случаѣ, ваши дѣти.

— Да почему лучше? Значить, тянуть безконечно!

— Лучше потому, что при откровенности все было бы хуже, и безконечность, о которой вы говорите, сказала бы еще печальнѣе того, о чемъ вы думаете.

— Моя душа очистилась бы страданіемъ.

Мнѣ казалось, что я вижу ея душу: это была душа живая, порывистая, но не изъ тѣхъ дунгъ, которыхъ очищаетъ страданіе. Потому я ничего не отвѣтилъ о ея душѣ и снова упомянулъ о дѣтихъ.

Она заломила обѣ руки такъ, что пальцы ея хрустнули, и тихо поникла головой.

— И какой же будетъ конецъ этой моей эпопеѣ?

— Хорошій.

— На что вы надѣетесь?

— На то, что человекъ, котораго вы любите, или, по вашимъ словамъ, не любите, а съ которымъ вы свыклись... станетъ вамъ день-ото-дня ненавистнѣе.

— Ахъ! онъ мнѣ и такъ ненавистенъ!

— Будетъ еще больше, и тогда..

— Я васъ понимаю.

— Я очень счастливъ.

— Вы хотите, чтобы я его бросила молча?

— Я думаю, что это былъ бы самый счастливый исходъ изъ вашего горя.

— Да, и потомъ...

— И потомъ вы... возвратите...

— Возвратить ничего невозможно.

— Виновать, я хотѣлъ сказать, вы удвоите вашу заботливость о вашемъ мужѣ и о вашей семьѣ; это дастъ вамъ силу не забыть, а сохранить прошлое и найти достаточно поводовъ жить для другихъ.

Она встала, — неожиданно встала, еще глубже опустила свою вуалетку, протянула мнѣ руку и сказала:

— Благодарю, я довольна тѣмъ, что послушала своего внутренняго чувства, которое сказала мнѣ придти къ вамъ, послѣ того, какъ меня взволновало ужасное впечатлѣніе похоронъ; я отуда вернулась, какъ сумасшедшая, и какъ хорошо, что я не сдѣлала всего того, что хотѣла сдѣлать. Прощайте! — она подала мнѣ опять руку и крѣпко пожала мою, какъ бы съ тѣмъ, чтобы остановить меня на томъ мѣстѣ, гдѣ мы находились. Затѣмъ она поклонилась и вышла.

IV.

Повторяю, что лица этой женщины я не видѣлъ; по одному подбородку и подъ вуалью, какъ подъ маской, о ея лицѣ судить было трудно, но по фигурѣ ея у меня составилось понятіе о ея граціи, несмотря на ея плюшевое пальто и шляпку. Говорю, это была фигура изящная, легкая, необыкновенно живая и необыкновенно сильно врѣзавшаяся въ мою память.

До сихъ поръ я этой дамы никогда нигдѣ не встрѣчалъ, и по голосу ея думаю, что она не была мнѣ знакома. Говорила она своимъ непритворнымъ голосомъ, легкимъ, груднымъ контральто, очень пріятнымъ; манеры ея были изящны и можно было бы принять ее за женщину свѣтскаго круга, и еще вѣрнѣе, высшаго чиновничьяго круга, за жену директора или вице-директора департамента или въ этомъ родѣ; однимъ словомъ, эта дама была для меня незнакома и осталась незнакомою.

Послѣ похоронъ Достоевскаго и рассказаннаго мною событія прошло три года. Я зимой заболѣлъ и весною отпра-вился на воды за границу; до вокзала желѣзной дороги меня сопровождалъ пріятель и одна моя родственница; мы ѣхали въ коляскѣ; съ нами были мои дорожные вещи. Прѣзжая по одной изъ улицъ, прилегающихъ къ Нев-

скому проспекту, на одномъ изъ поворотовъ, у подъѣзда большого казеннаго дома, я увидалъ даму; мгновенно, не смотря на мою близорукость, я призналъ въ ней мою незнакомку. И вовсе не былъ приготовленъ къ этому, вовсе о ней не думалъ, и потому поразительное сходство меня сильно удивило; у меня мелькнула глупая мысль встать, подойти къ ней, остановить, о чемъ-то спросить, но такъ какъ со мною были постороннія лица, то я, къ счастью моему, этого не сдѣлалъ, и воскликнулъ:

— Боже мой, это она! — и этимъ далъ моимъ спутникамъ поводъ посмѣяться.

На самомъ дѣлѣ это была она; вотъ какъ это открылось. По обычаю всѣхъ русскихъ или большинства русскихъ, я выбралъ кружной путь; прежде всего заѣхалъ въ Парижъ и пилъ воды въ июль и затѣмъ только въ августѣ появился тамъ, гдѣ мнѣ слѣдовало быть въ июнѣ; скоро я ознакомился съ большинствомъ другихъ лѣчившихся русскихъ и всѣхъ почти зналъ, такъ что прибытіе всякаго новаго лица мнѣ было замѣтно.

И вотъ однажды, когда я сидѣлъ на скамейкѣ парка, по которому проходитъ дорога, ведущая къ вокзалу, я увидалъ коляску, въ которой помещались: мужчина въ свѣтломъ пальто и шляпѣ и дама въ вуали, а передъ ними сидѣлъ мальчикъ лѣтъ девяти.

И опять со мной случилось то же самое, что было при выѣздѣ изъ Петербурга.

— Боже мой, это она!

Дѣйствительно, это была она.

На другой же день въ ресторанѣ парка за кофейнымъ столикомъ, я увидалъ ея благообразнаго, на пенитаго мужа и ея необыкновенно красиваго ребенка. Мальчикъ былъ нѣсколько цыганскаго типа, смуглый, съ черными локонами и съ большими совершенно голубыми глазами.

Я допустилъ себѣ маленькую наглость: подкупилъ гарсона, чтобы онъ устроилъ столикъ поближе къ дамѣ; я хотѣлъ рассмотреть ея лицо.

Она была хорошенькая, съ довольно пріятнымъ мягкимъ, но мало значительнымъ выраженіемъ; она меня, безъ сомнѣнія, узнала, два или три раза она старалась повернуться на своемъ стулѣ такъ, чтобы мнѣ неловко было разсмотреть, но потомъ встала, остановилась возлѣ одной моей

знакомой дамы, поговорила съ нею, отошла въ сторону и возвратилась къ мужу.

Вечеромъ за послѣобѣденнымъ кофе на одномъ изъ сборныхъ концертовъ, моя знакомая дама, къ которой подошла новая гостья, сказала мнѣ, что она желаетъ меня представить г-жѣ Н., которая въ эту минуту мимо насъ проходила, и представленіе было сейчасъ же исполнено. Я сказалъ ей обыкновенную фразу, на которую она отвѣтила также обыкновенными словами, но въ этихъ словахъ, въ этомъ голосѣ, въ этой манерѣ я узналъ ее; это, несомнѣнно, была она, и она была настоль умна, что поняла, что я ее узналъ, рѣшила не открываться и сдѣлаться знакомой; она могла рассчитывать на мою порядочность, на слова, которыя она мнѣ тогда говорила...

Съ тѣхъ поръ мы стали видѣться, и мы даже нѣсколько разъ дѣлали экскурсіи со знакомыми дамами и ея сыномъ. Мужъ ея какъ-то не любилъ поѣздокъ, у него болѣло колѣно, онъ прихрамывалъ и притомъ не могу разобрать, что съ нимъ происходило: не то онъ тяготился женой, не то даже желалъ быть свободенъ, приволкнуться за одною, или даже можетъ-быть не за одною изъ прѣхавшихъ дамъ сомнительныхъ репутаций. Но при всѣхъ нашихъ встречахъ и разговорахъ, она никогда не сказала и не намекнула, что у меня была или что мы когда-нибудь видѣлись раньше: только я прекрасно чувствовалъ, что она и я считаемъ за несомнѣнное, что мы другъ друга понимаемъ. И вдругъ среди этого положенія представился совершенно непредвидѣнный случай.

Въ одно прелестное время поутру она не явилась сопровождать мужа къ источнику: онъ былъ къ кофе одинъ и сказалъ, что ихъ Анатолій недомогаетъ, что мать не помнить себя отъ горя.

Въ 8 часовъ вечера мой портъе сообщилъ мнѣ страшную новость, что въ отелѣ такомъ-то умеръ ребенокъ отъ дифтерита; это, конечно, былъ сынъ моей незнакомки.

Я не принадлежу къ числу людей слишкомъ осторожныхъ и потому тотчасъ же взялъ мою шляпу и отправился въ этотъ отель; мнѣ почему-то казалось, что мужъ ея слишкомъ безучастенъ къ этому отношению; если этотъ дифтеритный ребенокъ есть ея сынъ, то можетъ-быть моя помощь или какое-нибудь участіе на что-нибудь пригодится.

Когда я вошелъ въ отель, гдѣ занимала она померь... никогда не забуду того, что я увидѣлъ. Тамъ было всего двѣ комнаты: въ первой, гдѣ была гостиная мебель, обитая краснымъ плюшемъ, стояла моя незнакомка съ распущенными волосами, съ остолбѣвшими глазами; она держала обѣ руки съ растопыренными пальцами, защищая собою диванчикъ, на которомъ лежало что-то покрытое бѣлой простыней; изъ-подъ этой простыни была видна одна небольшая синяя нога; это былъ онъ — мертвецъ Анатолий. У двери стояли два незнакомыхъ мнѣ человѣка въ сѣрыхъ пальто, передъ ними былъ ящикъ, не гробъ, а ящикъ въ родѣ большого свѣчного ящика въ аршина два глубиною, до половины налитый чѣмъ-то бѣлымъ, что мнѣ показалось сначала молокомъ, или крахмаломъ; спереди ихъ стоялъ полицейскій комиссаръ и бюргеръ съ какимъ-то значкомъ; они говорили громко; мужа дамы не было дома, она была одна, она только спорила, защищалась и, увидѣвъ меня, воскликнула:

— Боже мой! защитите, помогите! Они хотять взять ребенка, они не дають похоронить его; онъ умеръ сію минуту.

Я хотѣлъ заступиться, но это было совершенно безнолезно, даже если бы у насъ была сила одолѣть четырехъ человѣкъ, которые безъ всякой церемоніи и довольно грубо бросили ее въ другую комнату и закрыли дверь, въ которую она напрасно съ страшнымъ стономъ стучала кулаками. Въ это время взяли ребенка, который былъ такимъ цвѣтущимъ, опустили его въ растворъ извести, тотчасъ схватили ящикъ и быстро удалились.

V.

Въ небольшихъ купальныхъ мѣстахъ и городкахъ страшно не любятъ смертныхъ случаевъ. Содержатели отелей и меблированныхъ квартиръ всемѣрно избѣгаютъ такихъ жильцовъ, здоровье которыхъ заставляетъ опасаться скорой смерти.

Ни въ одномъ изъ этихъ городовъ не допускаютъ погребальныхъ процессій и, если случится покойникъ, то его скрываютъ отъ всѣхъ постороннихъ, вывозятъ по желѣзной дорогѣ рѣшительно безъ всякаго погребальнаго обряда.

Заразныя болѣзни съ смертельнымъ исходомъ случаются

очень рѣдко, и въ той мѣстности, гдѣ умеръ сынъ моей знакомой, это былъ первый случай, и вѣсть объ этомъ распространилась между публикой съ невѣроятной быстротою и произвела страшный испугъ, особенно между дамами. Мѣстные врачи, составляющіе въ такихъ городкахъ самое важное правящее сословіе, старались успокоить возбужденные умы и, превосходя въ этомъ усердіи другъ друга, перессорились и раздѣлились на два лагеря: одни, къ числу которыхъ принадлежали и пользовавшіе ребенка два консультанта, не отрицали, что причиною смерти ребенка былъ настоящій дифтеритъ, но что противъ заразы приняты были ими всѣ мѣры, что входили къ нему въ особомъ платьѣ и что, выходя, себя тщательно дезинфицировали; двое даже изъ нихъ обрились, чтобы доказать, какъ они серьезно относятся къ дѣлу. Другіе же, въ несравненно большемъ числѣ, говорили, что случай былъ довольно сомнительный, даже съ достаточными противупоказаніями, и обвиняли своихъ коллегъ въ неосторожномъ преувеличеніи болѣзни мальчика, отъ чего произошелъ большой и напрасный переполохъ, нарушившій спокойствіе больныхъ и угрожающій болѣе всего экономическимъ интересамъ мѣстныхъ обывателей. Эта же вторая медицинская фракція неодобрительно отзывалась о представителяхъ городской власти, которые чрезвычайно грубо и рѣзко обошлись съ госпожею П., у которой они вырвали ребенка съ разбойническимъ насиліемъ чуть-чуть не въ минуту смерти и утопили въ известкѣ, можетъ-быть ранѣе, чѣмъ у него угасли послѣднія искры жизни. Указаніемъ на эту грубость доктора хотѣли отвлечь вниманіе публики отъ себя и направить его на другихъ лицъ, поведеніе которыхъ въ самомъ дѣлѣ представляло большую рѣзкость; но это не удалось. Эгонизмъ человѣческой, въ минуту опасности, становится особенно отвратительнымъ, и въ публикѣ совсѣмъ не находилось людей, которые обнаружили бы достаточно вниманія къ положенію несчастной матери. Ужъ если дифтеритъ, такъ перемониться нечего, и чѣмъ власти поступили рѣшительнѣе и тверже, тѣмъ лучше. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, подвергать другихъ опасности! Интересовались только тѣмъ: куда былъ высланъ ящикъ съ опаснымъ покойникомъ? И свѣдѣнія на этотъ счетъ получились довольно успокоительныя. Ящикъ былъ отвезенъ въ черное болото,

изъ котораго прежде добывали лечебную грязь для ваннъ. Теперь въ это болото ящикъ былъ спущенъ и въ одной изъ его глубокихъ колдобинъ затопленъ, заваленъ камнями и снова еще разъ залить известкой. Рѣшительнѣе и аккуратнѣе распорядиться заразнымъ трупомъ, казалось, было невозможно; но затѣмъ началась расправа съ отелемъ, изъ котораго почти все населеніе разбѣжалось, и остались только бѣдняки, которые были не въ состояніи позволить себѣ такую роскошь, чтобы бросить оплаченную впередъ за мѣсяць квартиру. Надо было дезинфицировать весь отель или по крайней мѣрѣ тѣ аппартаменты, которые занимало семейство Н., и прилежащее къ нимъ по бокамъ помѣщеніе; надо было тоже дезинфицировать коридоръ, по которому бѣгалъ мальчикъ, и уголь столовой, въ которой семейство Н. вмѣстѣ кушало. Все это представляло очень значительный денежный счетъ, если не ошибаюсь, свыше 300 гульденовъ, такъ какъ мягкую мебель трехъ аппартаментовъ признано необходимымъ сжечь всю до тла, въ остальныхъ же помѣщеніяхъ перемѣнить гардины, ковры и портьеры и замѣнить ихъ новыми. По этому поводу г-ну Н. были предъявлены со стороны содержателя отеля денежные требованія, а представители города поддерживали права содержателя отеля, который, несмотря на требуемое вознагражденіе, все-таки останется въ убыткѣ отъ случившагося происшествія, такъ какъ въ отелѣ его множество помѣщеній будутъ пустовать весь сезонъ, и на будущее время хозяинъ рискуетъ потерять клиентуру у большаго числа посѣтителей, до которыхъ дойдетъ извѣстіе, что здѣсь былъ дифтеритный случай.

Этого рода претензіи были новы для посѣтителей, и всѣхъ занимало, какъ это дѣло кончится. Одни находили, что это требованіе придиричиво, другіе же находили его правильнымъ, хотя чрезмѣрнымъ; объ этомъ повсемѣстно говорили, и г-нъ Н. сталъ интереснымъ человѣкомъ. По удивительно, что его не боялись. Къ нему подходили, такъ какъ извѣстно было, что онъ, какъ больной человѣкъ, выйти изъ своего номера тотчасъ же, какъ обнаружилась болѣзнь, и не возвращался туда до смерти сына. О женѣ его не спрашивали, и ея не было видно въ теченіе нѣсколькихъ дней. Думали, что она куда-то уѣхала или же нездорова. Самъ же г-нъ Н. представлялъ большой пите-

рестъ для людей, интересовавшихся иностранными порядками. Г-нъ П. всякій день рассказывалъ, какія къ нему предъявляютъ требованія, и что онъ на эти требованія отвѣчаетъ. Онъ не отрицалъ, что хозяинъ отеля потерялъ убытки и что смерть ребенка, дѣйствительно, въ этомъ случаѣ была причиной этихъ убытковъ, но отрицалъ право произвольнаго наложенія на него платежа и не хотѣлъ ничего заплатить безъ суда.

— Положимъ, — говорилъ онъ: — я и долженъ заплатить, но мнѣ это должно быть доказано не какимъ-нибудь комиссаромъ и тремя мѣщанами, а доказано формальнымъ судомъ, которому я могу подчиниться. И кромѣ того, что значитъ такой приговоръ: заплатить. Хорошо, если я имѣю чѣмъ заплатить. Пусть берутъ мой чемоданъ и ничего больше. Вотъ ежели бы на моемъ мѣстѣ былъ бѣднякъ, я полагаю съ нимъ нечего было бы и толковать.

И всѣ были заняты мозанкой этого вопроса, и около господина Н. постоянно собирались кружки, которые разсуждали о его правахъ и окружающихъ неприятностяхъ. Дѣло, однако, скоро уладилось какъ-то мирно: городъ не захотѣлъ доводить дѣло до настоящаго суда, такъ какъ при этомъ разговоръ о дифтеритномъ случаѣ сдѣлался бы еще болѣе извѣстнымъ, а порѣшили покончить дѣло мировой сдѣлкой, по которой г-нъ П. долженъ былъ заплатить тотъ счетъ, который представляютъ дезинфекціонные подрядчики. Тѣмъ бы дѣло и кончилось, но тогда вдругъ произошло новое событіе: г-жа Н., проведя 8 дней въ большомъ номерѣ отеля, каждый день ходила къ болоту, въ которое бросили ящикъ съ тѣломъ ея ребенка, и на девятый день изъ этого путешествія не возвратилась. Ее напрасно искали: никто не видѣлъ ея, ни въ лѣсу, ни въ паркѣ; она не заходила ни къ кому изъ своихъ знакомыхъ, не шла чаю ни въ одномъ ресторанѣ, а просто исчезла, и съ нею исчезли чугунныя гири, которыми мужъ ея дѣлалъ комнатную гимнастику. Ее напрасно искали три или четыре дня, и потомъ стали высказывать подозрѣнія, что она, вѣроятно, утопилась въ томъ же болотѣ, — что потомъ, говорить, и было доказано, но трупъ ея, поднявшійся будто къ поверхности, былъ снова засосанъ болотомъ. Такъ она и погибла.

Это было происшествіе очень замѣчательное по своему

трагизму, по той тишинѣ, съ какой все это произошло; исчезнувшая Н. не оставила ни записки, ни какого признака своего рѣшенія покончить съ собою. Г-нъ Н. возбуждалъ къ себѣ сочувствіе многихъ; самъ онъ держался очень скромно въ холодномъ и гордомъ молчаніи; онъ говорилъ: всего бы лучше мнѣ надо уѣхать; но не уѣзжалъ потому, что собственное здоровье его было очень слабо и требовало того, чтобы лѣчебный срокъ на этихъ водахъ былъ выдержанъ.

Мое знакомство съ нимъ плохо ладилось: мы очевидно были люди несроднаго характера. Несмотря на то, что я зналъ семейную тайну, которая должна бы заставить меня относиться къ нему съ сожалѣніемъ, онъ мнѣ казался далеко противнѣе своей жены, нанесшей ему супружеское оскорбленіе. Желать сближенія съ нимъ я не имѣлъ причины, но по непонятному для меня побужденію, вдругъ онъ удостоилъ меня вниманія, и въ разговорахъ, которые между нами завязывались, очень часто и очень охотно касался памяти своей покойной жены.

Оглавленіе

XX ТОМА.

Разсказы ксати:

	СТР.
Интересные мужчины	3
Тайнственныя предвѣстія	61
Александритъ	91
Загадочное происшествіе въ сумасшедшемъ домѣ	105
Умершее сословіе	119
Загонъ	132
По поводу Крейцеровой сонаты	165

F

24.124/19-21